

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ: ГОД ПАТРИОТИЗМА

<i>В. Большаков.</i> Вечная слава!	4
<i>Г. Спичак.</i> О патриотизме	8

У ВЕЧНОГО ОГНЯ... Стихи о войне

<i>С. Попов.</i> Сталинградской баллада. <i>Кылбур</i>	14
Мать. <i>Стихотворение</i>	18
<i>Е. Козлов.</i> Кык съёлём. Усьём салдатён кыв. Ылі кадысь ёти пун. <i>Кылбуръяс</i>	20
<i>А. Королев.</i> Баллада о подвиге. «Стою у Вечного огня...». <i>Стихотворения</i>	24

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ФРОНТОВИКОВ

<i>В. Большаков.</i> Война (Главы из книги «Дорога в Комрай»)	28
<i>Н. Сенюков.</i> Воспоминания участника Великой Отечественной войны	39

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>M. Размыслова.</i> Флаги под дождём. <i>Стихи</i>	46
<i>A. Чалышева.</i> Благослови тебя Господь. <i>Стихи</i>	52
<i>Ю. Екишев.</i> Записки о семейной рыбалке. <i>Продолжение</i>	56
<i>Е. Козлов.</i> «Ме коркё ставсö тэныд висьтала...». <i>Кылбуръяс</i>	94

ШТУДИИ

<i>T. Дронова.</i> Фронтовые письма Арефана Степановича Носова	110
<i>И. Жеребцов, М. Таскаев.</i> Коми учёные-гуманитарии — участники Великой Отечественной войны	119

АРТПИЯН

<i>E. Денисова.</i> О судьбе бывшей разведчицы А.Д. Мельник (Сельковой)	130
--	-----

АРТ-ФАКТ

<i>C. Екимова, B. Разуваев.</i> Эффект Кармановой	144
<i>H. Беляева, Л. Кочерган.</i> Художники Республики Коми — участники Великой Отечественной войны	150

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ

<i>O. Орлова.</i> Выставка «10 лет! 16 часов 4 минуты»	183
<i>A. Савеня.</i> «Зимняя Ыблица» — мифы и реальность Республики Коми	186

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Руководитель — Новикова Н.М.

Главный редактор — Лимеров П.Ф.

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© Журнал «Арт», № 2 (71)_2015 г.

Подписано к печати по графику 27.05.15. Фактически 27.05.15. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 3638. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с диском заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов. Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. В.Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс **78503**

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Р.Н. Ермолина «Май 1945 года». 1982. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йözöдтöм гижöдъяс редакция оз рецензirүйт и авторъяслы найöс оз мёддöп. Редакция оз век во öти кывиö авторъяскöд.

**Точка зрения:
Год патриотизма**

Василий Большаков

Василий Иванович Большаков родился в 1921 году в д. Михеево Вологодской области.

В 1931 году их семью раскулачили и выслали в низовые Печоры — совхоз «Новый Бор» Усть-Цилемского района. В совхозе окончил семилетку, в 1937 году поступил в Щельягорский речной техникум и стал его выпускником в апреле 41-го. Сразу же стал работать помощником капитана, а затем и капитаном. Спустя год, в декабре, был призван в армию, служил в 9-й воздушно-десантной дивизии, шла Великая Отечественная война, и он защищал Родину. Дошёл до Берлина. В 1947 году вернулся он в свой совхоз «Новый Бор». А затем Василия Ивановича пригласили преподавать в Печорский речной техникум, ныне ПРУ, где и трудился он до самой пенсии.

Автор книг «На тебя надеюсь, Русь», «Как Иван веру-правду искал», «На краю света», «Пути и судьбы», «Страна чудес», «Екатерина и картина», «Нам жизнь подарили», «Любовь речная», «Дорога в Комрай».

Вечная слава!

Шестьдесят четыре года тому назад началась величайшая война в истории нашего Отечества. Началась вероломно в нарушение ранее подписанных актов о ненападении, без каких-либо причин, без объявления войны. Такие войны обнаглевшим германским фашизмом уже и ранее начинались в Европе, и под внезапными ударами немецких войск падало одно государство за другим, и народы их становились на колени под страхом жестокости и насилия фашистских вояк.

Видя, что Гитлеру и его клике всё сходит с рук и нет организованного мощного отпора со стороны Европейских государств, пользуясь разобщённостью прогрессивных сил Европы, фашисты постепенно покоряли их одно за другим.

Советский Союз неоднократно предлагал Англии, Франции и другим государствам сплотиться и совместно нанести удар по германскому фашизму ещё в зачатке, пока эта зараза ещё не расплзлась по всей Европе. Но предложений Советского государства никто не принял. Они жили надеждой, что авось пронесёт и беда обойдёт их стороной. И чтобы её не случилось, своим бездействием повторствовали немецкому и итальянскому фашизму. Этим самым они играли на руку распоясавшейся нацистской военщины.

Советский Союз был вынужден в этих условиях принимать меры по своей безопасности, чтобы выиграть мирное время для укрепления мощи своих вооружённых сил. Пришлось идти на непопулярный шаг, на заключение с Германией Пакта о ненападении, ибо к этому времени большинство европейских стран уже страдало под немецким сапогом. Только с началом агрессии немецкого вермахта против Польши, Англия и Франция, связанные договорами с ярым врагом Советского Союза Пилсудским, объявили войну Германии. Советский Союз был вынужден принять контрмеры против захвата Гитлером всей Польши, что угрожало

границам нашего государства. Были введены в Польшу наши войска для освобождения восточных районов Польши с украинским и белорусским народо-населением и воссоединения их с братскими народами Советского Союза.

Англия и Франция и в этом случае не проявили должного усилия к сближению с Советским Союзом. Они боялись коммунизма больше, чем фашизма. И СССР вынужден был пойти на заключение Пакта о ненападении с фашистской Германией, чтобы на время обезопасить себя и укрепить свои вооружённые силы. Но фашисты есть фашисты. Они ещё больше ненавидели нашу страну, строящую социализм, чем Англию и Францию. Хотя это вскоре не помешало Гитлеру поставить на колени Францию. Англия не могла или с типичным английским консерватизмом не стала подвергать себя опасности в крупных вооружённых операциях. Ведь ей необходимо было защищать ещё массу колониальных стран, разбросанных по всему миру. Не до жиру — быть бы живу! Для Гитлера Англия не представляла опасности. Он видел рост могущества СССР, без разгрома которого не могло быть господства на Европейском континенте. И чтобы не дать времени СССР на укрепление своих вооружённых сил, Красной армии, он вероломно, внезапно, в нарушение всех договорённостей и Пакта 22 июня 1941 года двинул всю армаду немецких дивизий и их сателлитов: Италии, Испании, Венгрии, Финляндии, Румынии на Советский Союз. Он надеялся на своих пособников в других странах, в наших прибалтийских республиках, в Западной Украине, недовольных Советской властью. Он хотел покончить с нашей страной к осени 1941 года, за два-три месяца до наступления зимы, оставив план разгрома Англии на более поздний период, когда СССР, Россия будут поставлены на колени...

План был велик. Он целился на захват всего Земного шара, к установлению мирового господства фашизма на всей планете. И в этом плане единственной преградой ему был Советский Союз! Что бы было на Земле в случае победы фашизма — не трудно догадаться! Ведь за несколько лет господства в Европе от их рук были умерщвлены в лагерях смерти, замучены, сожжены в печах-душегубках, расстреляны миллионы неповинных людей разных национальностей, даже женщин, стариков и малолетних детей с единственной целью — постепенно освобождать лучшие земли для растущей, жаждущей всё новых богатств для своих отпрысков немецкой нации. Нации «сверхчеловеков». Так они возвышали себя перед лицом захваченных ими народов.

И вот этот фашизм 22 июня 1941 года внезапно вторгся на Советские земли, сея смерть и сметая всё на своём пути, не считаясь с принятыми международными соглашениями и обычной человечностью. Да и какая может быть человечность у этих извергов, если в истреблении людей превзошли самых жестоких правителей, когда-либо стоявших у власти.

Внезапность нападения поставила под угрозу само существование Советского государства. Это сразу поняли все народы, населявшие тогда нашу страну. И в первые дни войны стали формироваться дивизии из добровольцев и из мобилизованных мужчин, уже повидавших жизнь и службу в армии. Они-то и стали стеной на пути фашистских войск, рвавшихся к Москве, Ленинграду и вглубь нашей страны. Велики были наши потери в первый год войны. Но в мире не видали такого высочайшего патриотизма, такого самопожертвования народа в этот период, чтобы сдержать злобствующую фашистскую нечисть, остановить её

продвижение вглубь страны. На века запомнятся величайшие битвы советского народа и советских вооружённых сил под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на огненной Курской дуге. Эти битвы предопределили разгром фашизма. Англия и Америка, видя, что Советский Союз обойдётся собственными силами в разгроме фашизма, вынуждены были вступить в соглашение с СССР для окончательного разгрома фашизма...

Советский Союз сыграл решающую роль в этом разгроме. На наших фронтах были «перемолоты» основные силы германского вермахта и их сателлитов, сосредоточивших здесь до 80% всех своих вооружённых сил. Гитлеровское командование понимало, что без победы над СССР им не видать не только мирового господства, но и придётся распрощаться со всеми захваченными землями и отвечать перед Международным судом за все совершённые зверства в отношении человечества.

Советский Союз потерял в Великой Отечественной войне, в боевых операциях, в фашистских концлагерях замученными и расстрелянными более 27-и миллионов человек!.. Пусть же сохранится о них добрая вечная память среди наших детей, внуков, всего братского народа, среди россиян и украинцев, белорусов и казахов, грузин и жителей кавказских республик, народов Средней Азии и Сибири. Пусть же вспомнят добром наших воинов, отдавших свои жизни за освобождение стран Европы, Кореи и Китая, и народы этих стран. Ведь они, погибшие на полях сражений, спасали всё человечество и отдали жизни во имя будущих свободных поколений людей. Слава воинам-освободителям, слава!

И хочется закончить своим стихотворением:

Вечная память и слава

Тяжело нам те дни вспоминать,
Когда в мире шагала война.
Уж фашизм о господстве мечтал,
Но Советский Союз им мешал.

Пол-Европы к рукам он прибрал
И рабами народ к себе гнал.
Грызла злоба к Советской стране,
Им величие снилось везде.

И фашизм вновь пошёл на разбой,
Завладеть всей Советской страной.
Против нас всех убийц он собрал,
Словно зверь из засады напал.

Миром править хотелось ему,
Для того он затеял войну.
Наш народ за людей не считал,
Травил газом и в топках сжигал.

Но Великий Советский Союз
Стал преградой фашизму тому.

И народ на победный алтарь
Двадцать семь миллионов отдал.
Двадцать семь миллионов таких,
Молодых их, красивых, лихих.
В жилах кровь их кипела огнём.
Были заняты мирным трудом.
Двадцать семь миллионов не стало:
Они жизнь за свободу отдали.
В битвах гибель врагу нанесли
И от рабства народы спасли.
Прах погибших Земля приняла,
Нам оставив в наследство дела.
Ещё скорбную память о них —
О родимых, лихих, молодых.
Вспоминая, опустим глаза,
На ресницы накатит слеза.
Горькой памяти длинную нить
Будем вечно беречь и хранить.
Вспоминать до сих пор тяжело,
Сколь героев в могилу ушло.
Не дошли до родимых дверей,
Не взглянули в глаза матерей.

**ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОГИБШИМ ГЕРОЯМ!
СЛАВА МУЖЕСТВЕННОМУ ПОКОЛЕНИЮ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ,
ОТСТОЯВШЕМУ НАРОДЫ ОТ ФАШИСТСКОГО РАБСТВА!**

Григорий Спичак

Григорий Иванович Спичак родился в 1960-м в посёлке Железнодорожный (ныне г. Емва).

Окончил Сыктывкарский университет. Служил в армии на дальнем Востоке. Преподавал в школе, работал в газетах республики. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников рассказов и стихов, романа «Цитала. Украденный посох». Руководитель рабочей группы Книги памяти Республики Коми.

О патриотизме

Любовь к Родине — что это? Так и вижу растерянные глаза педагогов, чиновников, военных. Так и слышу набор штампов: «самопожертвование» (?), «внимание к своей земле, уважение» (чего-чего?), «служение ценностям своего народа и своей культуры» (но тогда получается, что заведомо не патриоты преподаватели английского, латыни и, страшно сказать, — «иудео-христианской церкви»?)... Вдруг обнаруживаешь потрясающую беспомощность в объяснении патриотизма, а значит — полнейшее непонимание и неосмыслинность этого явления и в обществе, и в политике государства.

Между тем, напрямую с пониманием патриотизма, его этической и философской антитезой является понятие предательства. А поскольку понятия и «патриотизм», и «предательство» имеют эмоциональную окраску, наполнение категориями «героическое», «низменное», «возвышенное», «демоническое», «мученическое» и другими, постольку они становятся категориями ещё и эстетическими. В итоге, с этическими и эстетическими установками — целеполагающими и поведенческими.

Не берусь в этом материале напоминать довольно продолжительный спор о том, были ли патриотами «белые», и все ли «белые»? Были ли патриотами «красные», и все ли «красные»? Патриотизм ли — отправлять своих солдат-соотечественников умирать на фронтах Франции, Болгарии, Сербии, Афганистана? Ведь угроз Родине и обществу, которому принадлежали наши солдаты, на тех территориях, где они воевали, не было. И отдельный вопрос — выше или ниже военная корпоративная этика, субординация и понятие «чести» вопроса объекта служения этой самой «чести»? Если не выше, тогда все погибшие за рубежами Отечества (да ещё и не по прямому указу родной власти), т.е. добровольцы, например, или белая эмиграция, вставшая в ряды французского Сопротивления, не патриоты? Не патриоты и все сформированные вне Отечества военные и экспедиционные корпуса,

несущие на Родину конфликт, смерть, передел власти и нестабильность. А, в связи с невнятностью и неоценённостью этого аспекта в национальном сознании, появляются и внутрироссийские вопросы оценок. Например, моральное право и «патриотичность» участия воинов малых народов Дальнего Востока и Севера России в подавлении сепаратистских устремлений на далёком Северном Кавказе. Или вопросы конфликта сознания в расстановке приоритетов «любви к малой родине» и «любви к родине большой». Как быть, как оценивать противоречия нефтяных интересов большой Родины и разрушенного из-за нефтедобычи уклада жизни малой этнической группы, например, коми-ижемцев или нганасанов.

В условиях империй или в условиях больших государственных агломераций понятие «патриотизм» явно требует калибровки, как бы неожиданно и, на первый взгляд, анекдотично это не звучало. Аналогии можно провести с классификацией святых в христианских церквях мира. Есть местночтимые святыне, есть святыне, признанные несколькими поместными церквями и есть Всемирно чтимые святыне. Патриот, по-видимому, может тоже быть *местным* (слово «местечковый» не подходит, т.к. оно уничижает само понятие патриотизма). Как правило, такое понятие подходит к краеведам, к людям, посвятившим себя служению небольшому географическому пространству или явлению местного характера. **Региональным** — т.е. признанным в ряде соседствующих земель (например, есть патриоты Севера России или патриоты Кавказа, патриоты Байкала). **Общегосударственным, общеагломерационным патриотом** (союзным, содружественным и т.п.) — человеком, чувственно, культурно, интеллектуально служащему своей привязанности к большим социально-идеологическим и политico-географическим объединениям.

Сразу хотелось бы в спорах о служении определиться и с понятием «служение идеи» — как понятию НЕпатриотическому. «Белые» и «красные» в Гражданской войне — это война патриотов с обеих сторон за победу не государства или общества, а за победу идеи. Отсюда должна быть и ясность в понимании современной оппозиции, отношений церкви и государства, экологических организаций и государства и т.п. Несогласие с легитимной властью — вполне может быть патриотичным, как и согласие — компрадорским. Поэтому применения категории «патриот — не патриот» в действиях, связанных с выбором вектора развития государства и общества, не должно применяться в оперативной политике и публицистике. Точно так же, как несерьёзно и, в известной степени, неэтично называть «классикой» произведения искусства, не прошедшие проверку двумя-тремя поколениями людей.

Проявление патриотизма всегда ярче в экстремальных ситуациях массового чувственного напряжения — стихийные бедствия, войны, эпидемии, смуты. Поэтому в памяти народной и в разговорах о патриотизме иллюстрацией его являются люди, проявившие себя спасителями, мудрецами или вождями в крайних состояниях угроз обществу и государству. Не случайно архетипы коллективного бессознательного по Карлу Юнгу практически все — отражение выживания в экстремальном. Но, рассматривая патриотизм не только как бессознательное, но и сознательное чувство с вполне конкретным проявлением в судьбах, мы обнаруживаем за первообразами-архетипами целую галерею вполне сознательных типов, которые можно условно классифицировать по проявлению патриотизма в следующие группы:

– патриотизм образовательный (учителя, тренеры, музейщики, работники культуры). Естественно — речь идёт о тех из них, кто свою деятельность посвятил делу преемственности традиций, новому осмыслинию и изучению сторон жизни своего народа и своей земли — тут по уровням: *местный, региональный, общеглобальный*. Однако, легендарные хоккеисты сборной СССР — Петров, Михайлов и Харламов, не совершив ничего, кроме представительского отстаивания интересов своей страны в спорте, остались с явно патриотической окраской примерами, достойными подражания;

– патриотизм казначейский. Собиратели и технологии, усиливающие материальное состояние общества и государства. Разве Столыпин или министр финансов царского правительства Витте не останутся в памяти российского общества, как патриоты? Или конструкторы Королев и Калашников?

– представительский патриотизм. Тут, казалось бы, напрашивается только один тип деятельности — дипломаты. Но на самом деле — качество продукции на экспорт (на вывоз), деятельность, по которой судят не только о человеке, но и о характере, культуре народа, региона, местности — всё это является моментом представительского патриотизма. Когда грузинские предприниматели ради наживы молча соглашались с продажей под брэндом «Хванчкара» вина, которое таковым не являлось, произошла потеря доверия ко всей винодельческой отрасли Грузии. Подчеркнём — не подделка привела к этому, а *молчание (невыполнение представительских защитных функций)* представителями бизнеса Грузии. Примером обратного, т.е. положительного характера, можно привести действия японских корпораций, которые, в случае поломки или недоразумений с продуктом, готовы поменять не только отдельный товар, но и всю партию. Здесь налицо отнюдь не только коммерческая логика — здесь явное влияние национальных этических принципов «ответственности за лицо». В данном случае — лицо Японии;

– патриотизм организационно-правовой. Один из самых сложных в оценке. Это и есть по сути «патриотизм идей», но имеет он прямую проекцию на пользу или вред Родине. За скобками не оставить вопрос — сознательные польза и вред или стихийно случившиеся? Если сознательный вред — это, конечно, не патриотизм, но часто ли виден этот «сознательный вред идеи или вред приоритетного права, заложенного часто в законы страны? В правовой части — от общегосударственных до принципов межхозяйственных связей — чаще всего механизмы конфликтов заложены в правде «полезности обеих сторон». Что это такое? Это когда полезны для страны принципы и права, декларируемые и большой группой людей и малой; и одним видом деятельности и другим, и затратностью, и безопасностью, и многим-многим, но очевидность исторической полезности может проявиться гораздо позже, а не в момент конфликта. Так неочевидна до сих пор для части как академических историков, так и для политологов историческая польза в поспешности, например, штурма Берлина в 1945. Неочевидна польза формирования мегаполисов и обесточивание малых населённых пунктов России. Неочевидна польза как в перезаселении Севера России, так и форм ухода с северных территорий. Многое будет понятно только в контексте технологических форм меняющейся цивилизации, востребованности северных зон в обеспечении энергоресурсами и как зон безопасности, например. И уж совсем в широком плане — каждый момент политических выборов — органов власти — есть момент

конфликта интересов. Всё это вместе — конфликтный механизм упрёков и оценочных спекуляций по поводу патриотичности и непатриотичности.

Академическая история и политология могут ещё столетие определяться в оценках, но в практической «real politik» слово «патриотизм» обязательно выскочит, как некий козырь одной из сторон. Совсем не обязательно, при этом, что термин сам по себе будет играть патриотическую, а не спекулятивную роль.

Но какие же ещё виды патриотизма (как по видам проявления талантов, так и по уровню «любви к Родине», понимания ареала Родины) мы условно могли бы выделить? Ведь волновое поле Любви не измерить, плотность и качество её — тоже. Тут нет «амперов», «джаулей», децибеллов, и «вольт». Какие критерии пользы и непользы деятельности? Ведь от контекста зависит почти всё. В одних случаях мобилизационная деятельность, подчинённость воли и внимания безальтернативным векторам, а в других прямо наоборот — обеспечение многообразия форм существования и творчества есть высшая и идеальная форма патриотизма.

* * *

Отдельной стороной проявления патриотизма или его отсутствия являются моменты, связанные с религиями. Был ли Христос патриотом? Был ли Мохаммед патриотом? Почему религиозность израильтян, например, не мешает им быть патриотами конкретного клочка земли? Что защищает (какое земное пространство) святой Сергий Радонежский, благословивший на схватку, на убийство, на погибель монахов Пересвета и Ослябю? И тут мы не можем не обнаружить, кроме самого пространства, ещё и САКРАЛЬНОЕ пространство — территории особого почтения. Что это — предметы почтения?

Пушкинское «два чувства дивно близки нам, в них обретает сердце пищу — любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам...» — это объекты памяти, самосознания, смыслов бытия.

Священные объекты, отвечающие человеку или нескольким поколениям людей на вопрос «откуда мы и куда идём?», являются безусловным каркасом понятия «Родина». *Защита, преумножение, передача следующим поколениям смыслов и вектора эволюционного движения общества на данной территории — есть императив патриотизма.*

Данная статья не ставит задачу рассматривать механизмы и тайны формирования священных объектов, но обозначать их как внутреннюю сердцевину патриотических чувств просто необходимо. Память о событиях, оценочная шкала «высокого и низкого, героического и подлого, объединяющего и разъединяющего» (и т.п.), жертвенность и защита этой системы ценностей, точки объединения для сверки (Церковь, общественные форумы — вече, съезды, традиции профессиональных семинаров, таких, например, как съезды Союза писателей, Русского Географического общества или Всероссийского военно-исторического общества, Курултай у татар, сход тейпов у чеченцев или родов в Лыхны у абхазов) — стихийной традицией, например, стал сбор православных русских людей на Троицу на кладбищах в то время, когда храмы были разрушены, а церковная жизнь низведена до полуподпольного состояния. Нечто подобное триста лет происходило у староверов. В отсутствие храма его роль стали выполнять могилы предков.

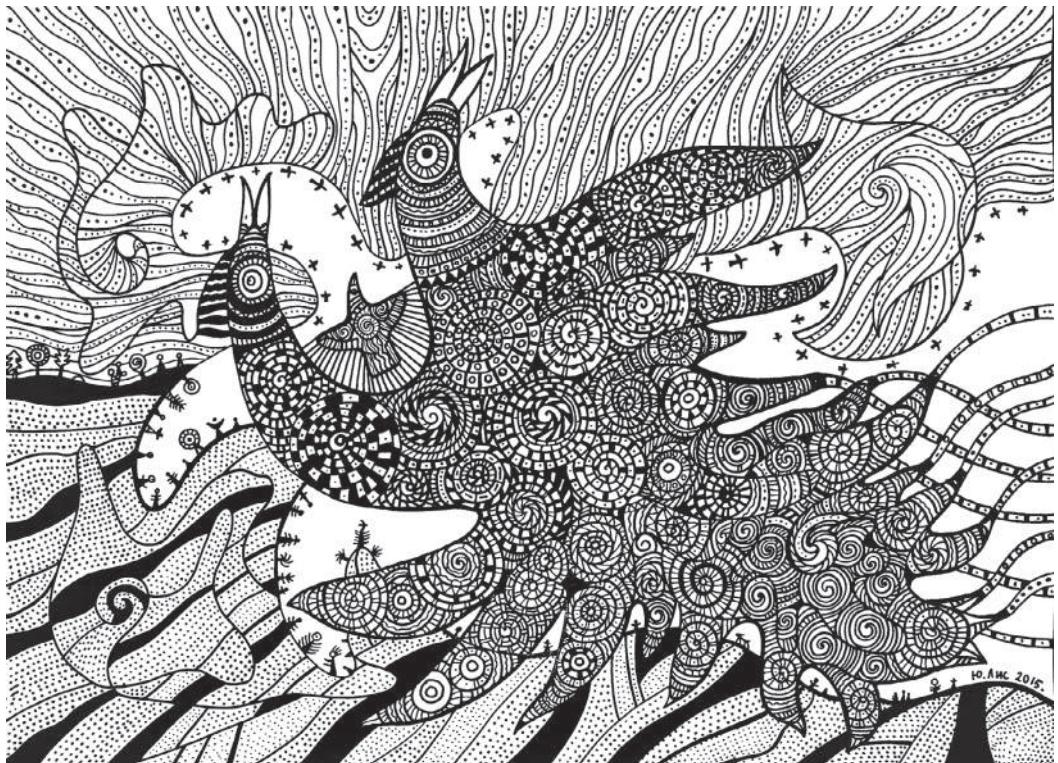
Кажется, само слово «кладбище» от слова «КЛАД» — то есть нечто утаённое, таинственное, скрытое от чужого. Ведь кладбище, могилы предков становились самым интимным, самым персональным «храмом», где каждый пришедший становился священником себе, объясняющим свой личный путь на земле и Путь Рода.

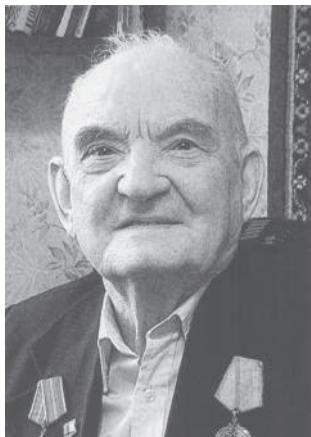
Нынешний 2015 год своими глобальными переменами во всех уровнях — от geopolитики и экономики до культурно-информационного кризиса и масштабной переоценки процессов в области эстетических и этических ориентиров (на фоне вхождения в жизнь общества такого явления как интернет, виртуальное пространство — отменившее в себе географические параметры Родины) — заставляет думающих людей проводить непрерывную ревизию понятий, в том числе и понятия «патриотизм». А в связи с изменением ценностных установок и приоритетов возникают и вопросы сохранения священности категорий и утраты священности по тем или иным причинам. Зачастую утратой считают всего лишь переход культурной ценности из предметов первого порядка на более глубокие уровни, а не отмену совсем. Например, книга, чтение ещё 20 лет назад входили в первую пятёрку признаков культурного бытия, а сегодня это явление в конце второго десятка явлений, что не мешает стоящих впереди кино, интернет, перформансы политики и волонтёрскую деятельность простого общественного характера считать менее культурными. Или жертвенность в Великой Отечественной войне из категории абсолютной праведности, в силу открывшихся обстоятельств гибели миллионов людей из-за ошибок или спорных решений политического и военного руководства, перешла в общественном сознании в категорию «трагической жертвенности». Что в значительной части снимает определение «праведности». И таких примеров (оспариваемых, но не оспоренных) не только остаётся много, но и продолжает увеличиваться в нашу эпоху постмодернистского кризиса сознания. Ведь и Гитлер — патриот, ведь патриот и Иуда... Значит, само по себе высокое чувство, или чувство, которое предполагает высокое состояние духа, оказывается совсем не страхует от бесчеловечности, подлости и предательства.

Эта статья пишется, когда на Донбассе происходит обострение военной ситуации (между патриотами, между прочим), а в Европе только что прогремели шумные теракты в Париже — расстрел редакции Charlie Hebdo и посетителей кошерного магазина. Эта статья пишется, когда некоторые деятели российской культуры призывают к созданию «патриотического интернета», страна готовится отмечать 70-летие Победы над фашизмом, а Глава Республики Коми В.М. Гайзер объявляет 2015 — годом патриотизма. Но в силу опыта своей работы и как модератора дискуссионных клубов, и как журналиста, и как руководителя рабочей группы Книги Памяти, не говоря уж о живой практике краеведческой работы, я с некоторой тревогой вынужден констатировать то, что сказал в самом начале статьи — за набором штампов в проведении мероприятий и в оценках явлений вдруг обнаруживаешь потрясающую беспомощность в объяснении патриотизма, а значит — полнейшее непонимание и неосмысленность этого явления и в обществе, и в политике государства. Очень надеюсь, что материал хотя бы для немногих станет побудительным мотивом для проведения «круглых столов», дискуссий, написания других материалов и в осмыслении этого спекулятивного и характерного, весьма важного в воспитании и весьма хрупкого при неправильном использовании понятия — патриотизм.

У Вечного огня...

Стихи о войне

Серафим Попов

Серафим Алексеевич Попов (1913–2003) — Кому Республикаса народнöй поэт. Чужис Зёвсöрт сиктын (ёнia кадö — Кому Республикалён Емдин района сикт). Томсянь уджалis вöрын, сир пуан да кирпич вöчан заводъасын, чу-жан сиктас отсалis котыртны «Северная поляна» колхоз, гёрлis-кöдзлis, ытшкылis видзъяс вылын турун. Быдтор зильлis вöчны ыджыд азымлунён. 1933–1938-öд воясын слу-житис Сöветской Армиян. 30-öд вояс помын поэт кутчы-сис гижан уджö, ийзöдис гижöдзяссö газет-журналын. 1941-öд воян медводдзаяс лыдын мунис война вылö. 1943-öд воян ёна ранитчом понда воис гартас. Тайё жö воас Серафим Поповöс примитисны СССР-са гижысьс котырö. А 1945-öд воян петис силён «Фронтöвой туйяс» медводдза книга. Ас нэмöн Серафим Алексеевич ийзöдис кызысын унджык кывбура книга.

И война йылыс гижöма вель уна кывбур. Мыйта сийö сьёлёмас песёма биён ыпъялыш кадсö. «Сталинградской баллада», «Мам», «Генерал Микушев да силён 41-öд стрелкöвой дивизия йылыс баллада», «Машук» поэма да уна-уна кывбур восьтöны миянлы войнавысса серпасъяс да мортлыс ловпышкёсса дойсö.

Сталинградской баллада

«Найё воисны дас квайтöн, на лыдын и Михаил Шуктомов, коми зон... Гвардеецъяс примитисны неравнöй бой 15 фашистской танккöд... Медся сьёкыд здукö гранатаясöн киясын найё уськöдчисны танкъяс улö, но позициясö эз сдайтны...»

(Сталинградской эпопеяясь).

1

Коркё волан кё Волгалань тэ, —
Пöся окышт тась ранитчом мусö,
Кöni Миша Шуктомовлён кусi
Кодзув югöр моз дзиридыштöм нэм;
Копырт юртö да пидзöс выв сувт
Братской гу бердö öти здук чёла,
Мед салдатыслыс палявштöм ун
Оз нин торк весиг котörтыс тёлыс...

Сийё ми динö мёдысъ оз лок
Да оз аддзы чудесной творенье,
Кыдзи Волгакöд сывъясис Дон
Сэнi, пуис кён коркё сраженье.

Но быд дзоридз, быд веж турун сi
Кутас казытывны нимсö салдатлысъ,
Кодi олёмсö сидзи эз видз,
Кыдзи видзис быд из Сталинградлысъ.

2

...Дас квайт гвардеецлы сиём висът
Съёлёмын пессьё мед.
Дас квайтён шуисны:
— Враг оз писът,
Лов кытчёдз миян эм...
Танкъяслён сталъ улын ойзіс му,
Тіраліс вёр и ва.
Клятва моз шуисны быдён:
— Кув,
Но Стalingрад эн сдайт!
Дас ёти русскойяс: дас салдат
Да лейтенант Чирков,
Кык украинец да кык казах,
Комиысь ёти зон...
Эм ёмой му вылас сэтшом вын,
Торйёдас найёс код?
Сувтіс гвардеец:
— Со... бара тшын...
— Бара нин... —
Шуис взвод.
Отилён — ранаяс, мёдлён — вир
Войт бёрся киссью войт:
Дьявольской крестъяса дас вит «тигр»
Панісны смертной бой.
Ышловзис ёти:
— Салдатской труд
Весьшёро мед оз вош...
Мёд сэтчо содтыштіс:
— Чужан му
Некор эн вунёд, зон...
— Эм ылі войвылын Коми край, —
Шуис Шуктомов. — Эм...
Мед эсько тёдіс жё муса мам,
Мый пыр на ловъя ме...
Сэн менам томлуной... шудой сэн...
Пожёглон эзысь ва.
Сюрс километр сайысь локті ме
Пöдтыны тась война.
— Киев ме эновті... — содтіс мёд. —
Доймытёдз оні жаль
Думайтны: воём фашистской сброд
Талялёт чужан кар...
— Алма-Ата весътын оні лонь... —
Ӧзийис казахлён син:

— Дақ квайтён сулалам оні көн, —
 Миян сән чужанін...
 Чөв оліс дыр лейтенант Чирков,
 Съёлёмас пыкис шог:
 Тыдалё, медбёряясь окоп
 Аддзёны дақ квайт вок...
 Ётилон — ранаяс, мёдлон — вир
 Войт бёрся киссё войт...
 Вермис кё, быдёнлысь командир
 Чукортіс съёлём дой, —
 Абу прёщайтчыны оні кад,
 Кутлыны дақ вит ки...
 ...Кыптіс дзик орчён фашистской танк,
 Восьтіс окоплань би...
 Эм автоматъяс... Граната эм.
 Лётон быд съёлём яр...
 Сёмын ёсь пуляён он ёд вен
 Танкъяслысь кыз броня!
 Кыпёдчис сэк Степаненко ёрт —
 Киевысь вернёй друг:
 — Сизим граната эм съорысь кор, —
 Ме выйті чорт оз будж!..
 ...Родина! Лоё святойон час,
 Вечнё святойон му,
 Тэнсызд көн воляттю, кызд приказ,
 Дақ квайтод портіс друг.
 Юрётіс взрыв... Потіс зумызд сталь,
 Чөв ланьтіс съёлём шы...
 Дақ витлань төвзис фашистской танк,
 Кояліс би да тынын.
 Кыпёдчис тэрыйба мёд салдат:
 — Миянёс сізд он босыт!
 Сизим гранатакод тшотиш запал
 Дақ витёд босытіс вок.
 Уськодчис танк уло Кочетков —
 Русской народлон пи.
 Воськовтны кувлытом мортлысь лов
 Весиг эз вевъяв би...

 Кыссис дзонь сутки неравной тыш:
 Колисны куим друг...
 Лунывса войыслон пемызд кытш
 Юкис салдатской мудз.

 Шонді оз окав на чужан му,
 Тыны улысь эз на пет, —

Танкъяслён ылісін кыптём шум
Садьмёдіс помтём степь.

— Дзебсыны верман на... Бёрын сён... —
Шуис Чирков.— Но ми
Дружбалысь помнитам бур закон,
Ёртъяслысь дона вир...

Мирын ёд абу на мёд металл,
Восьтытём сэтшом би,
Кодос оз выдержит смел салдат —
Миян народлон пи.

Некор оз висьтав ни му, ни ва
Сійос, мый тёдліс морт:
Сувтісны паныдён куим танк —
Куим нем повтём ёрт...

— Очередь, тыдалё, другъяс, мен...
— Тыдалё... — содтіс мёд.
Коймёдыс окаліс найёс: — Ме
Быдлаё тікёд тшётш...
Сывъяліс русскойс коми зон,
Сетіс казахлы ки:
Эжвакёд быттьёкё йитчис Дон,
Кыпёдчис тан Памир.
Кувынсо гижома отчыд дзик,
Помавны коркё нэм,
Но быд геройлон ёд чужан сикт
Му вылын кёнкё эм...

— Эм!... — шуис ёртъяслы русской вок. —
Ним сылён — чужан му...
Шуёны, абу по сылён пом,
Кодарлань коть эн мун...

Сылы ми висьталам клятва-кыв —
Видзны родной рубеж.
Нэмъяс чож ми йыллысь сыланкыв
Юргё став мирын мед!

Русской, казах, удал коми зон
Мунисны орчён пыр...
Чышкыштіс танкъяссö биа борд —
Куим зэв ыджеид взрыв.

Бёрдіс пось му весътын посни зэр...
 Руаліс Сталинград...
 Дас квайт том съёлёмысь ён рубеж
 Вуджны эз вермы враг.

Подвиг салдатъяслён некор оз кув,
 Славалы пом оз во.
 Шуёны, пось сталинградской му,
 Сотчисны код вösна дас квайт друг,
 Окаліс ачыс вождь.

3

Коркё волан кё Волгалань тэ, —
 Братской гу весътас копыртчы чёла...
 Сійон му вылын оні ми олам, —
 Найё сетісны ассыныс нэм!

Эм кё тэнад душа пытшкын ёг,
 Посни страстьясон съёлёмыд ноксьё,
 Пёртны олёмё подвиг да долг
 Медым выль вынён сы бёрын воссё.

Дона быдёнлы му вылын мир
 Да веж тулыс моз дзордзалысь томлун.
 Сесся некор оз киссы мед вир,
 Колё сы вösна тышкасыны, овны.

Восьса ми водзын зэв ыджыд туй,
 Мудз оз кёсйыны тёдмавны кияс...
 Вечнö ов, Сталинград!

Тэнсыид му
 Сыывны кутасны пиянлён пиян.

Мать

В час, когда пехотинцы уснули,
 Мне приснилось в тот час на войне,
 Что идёшь ты сквозь ветер и пули
 И находишь дорогу ко мне.

В неуютное наше жилище
 Будто входишь
 (Блиндаж темноват),

Ты руками лицо моё ищешь
Среди спящих вповалку солдат.

Материнской любовью ведома,
Отыскала меня средь огня,
Обняла меня мама,
Как дома,
Будто в детство вернула меня.

Видел я тебя сильной,
Нестарой,
Как тогда,
Когда сам я был мал,
Хоть, конечно,
Холодные нары
В темноте я в ту ночь обнимал.
Ты ведь только солдату приснилась,
И была это ты —
И не ты...
По привычке крестом осенила
И неслышно ушла сквозь посты.

Я потом по сигналу тревоги
Поднял спящую роту свою...
Потеряв в наступленье немногих,
Победили мы в этом бою.

Я не верю ни снам, ни приметам,
Истолковывать их не могу,
Но о сне замечательном этом
Память я до сих пор берегу.

В этот сон я поверил —
Не скрою, —
Уцелев на железном ветру.
Знаю:
Мать увидать перед боем —
Это к жизни,
к победе,
к добру.

Перевод Г.Петрова

Евгений Козлов

КЫК СЬЁЛЁМ

Анфиса:

Со ыбъяс вылын туö шобдi,
А менам съёлём вылын шог.
Ой, Ивö, Ивö, менам шондi,
Но мый нö та дыра он лок?..

Ме думён пыр на съёлём шонтi,
Пыр кевми, медым туйдiс ен.
А талун вётён аддзи шойна,
И тэ ётгудыр ставкод сэн.

Иван:

Тан мусыс сотчис, пёрис шомё...
Ми кутiм колана зэв мыльк.
Пёсъ вирыс киссис збыльысь шорён,
А вёрög зырис выльысь-выль.

Съёд тшына биын бердiс шондi,
Ми гёгёр увгис вийсян гор...
Друг син уло мен уси шомкор,
И быттьё аддзи чужан горт.
И вомын кылi юмов шомсö,
Но сэки...
Сыркмунлiс му выв.
А ме пыр доли:
— Шондi,
Шобдi...
И сэсся нинём нин эг кыв.

И найё гуалiсны шойёс,
Код ловъя-доя коли сэк,
И шуда ме, мый отсёг воис,
И мылькийс ми сайын на век...

Анфиса:

Тан пошта овлё öнi шоча,
И мунё выльторъястöг бёр.

Тан пошта овлё ёні шоча,
Но дивё,
Некод кё оз бёрд.

Тан пошта овлё ёні шоча,
И пёшти нинём нин оз вай.
Но шогсö вайё кё нин шоча,
То водзсö вайліс ассыыс пай...

Иван:

Эн вийсьы тадзи, вунёд шогтö.
Тэ сэтшöм мича на и том.
Ак, кутшöм кыпыйд кад со локтö,
И олöмыслы абу пом.

А миян челядь?
Быдты-шонты,
Эн вошты надея ни юр.
И вунёд, вунёд ассыыд шогтö...
Ме тіян кёсий сомын шуд.

Анфиса:

Но кыздзи тайё шогыс вунё,
Кор сэтшöм съёкыд тэтöг мен.
Кöть гортö,
Удж вылё кöть муна,
Мен чайтсöй — тэ нин, кёнкё, сэн.
И синмös порог вужиг куня,
А восьта —
Тыртöм, кöдзыд стен.
Но кызд нё шогыс тайё вунё,
Кор тэтöг сэтшöм шуштöм мен.

А войнас войтча съёкыд унмö,
И аддза öти сера вёт.
Но кызд нё тайё шогыс вунё,
Öд тэтöг югыд луныс съёд...

Усьём салдатён кыв

Локта вётён ёти асылёр,
Кодыр кыя мёдас ломавны.
Локта вётён ёти асылёр,
Локта, сёмын ог нин ловъяён.

Локта вётён ёти асылёр,
Сёмын татшомыс ме кытчо тэн?
Мёда скёравны сәк ас вылёр,
Мый эг выльмёд муніг кильчотё.

Тёда, съокыд мужик киястёг,
Кор на пиным миян верстяллас?..
Коді черитортё кыяс нё,
Керка вевттё коді вевттюллас...

Быдтор колёр нуны ас вылад,
Помтёг ётнад мырсян-бергалан...
...Локта вётён ёти асылёр,
Пыра ньёжийённикён керкаё.

Чоскыд унмысъ тэнё садьмёда,
Пукся ен пельёсё чөв-лоня.
Восьтан синтё — повзьём садьтёгыд,
Пернапасъяс мелань чөвталан.

Пельпом вылад шушун павкнитан,
Петан котёрсорён посводзё.
Асья зэрыс тэнё пальёдас,
Сэтшём личыдик да посныдик.

Лигышмунан, юртё копыртсан:
Ворйё войтва тадзи точкёма.
Тэ ёд кылін менсым кок шыёс,
Тэ ёд чайтін — ме нин торкёдча.

Сёмын съёлём тэнад мыйысъкё
Мёдас ёнджеңка пыр майшасъны:
«Ивё, Ивё! Он лок мый эськё?
Со ёд кымын коли майыс нин...»

Мёдан тшёкыдджеңка садьмывны,
Мёдан аддзывны тэ кортёгыд,
Быттьё мышкырася сад йёрын,
Кодёс садитлывлім коркё ми.

Быттьё локта тэлань веськыда,
 Мыйкё висьтала тэн нюм сорён.
 Збыльысь юалан:
 — Но, век кежлёр?
 А ме шуа:
 — Öти лун сёмын!..

1983

Ылі кадысь ёти лун*Cua баблы*

Кён эзысь вöньён ворсö ю,
 Сэн вöвъяс келёмаöсь ваö
 Да гебийысь гоныйёдлёны юр,
 А тöвру жыннян шыяс вайö.
 Уль рүö саймоитчöма дорöс.
 Ме юлань лäчча и ог тöд,
 Мый тайö — вемöс либö вöт,
 И кодi менö сэтчö корö?
 И со нин кажитчö, мый тайö
 Зэв ылыс кадысь ёти лун,
 И вуджис сïйö вояс сайысь
 Да сöдзис вежöрö,
 Оз вун.
 Со аддза — эстöн пессöй дöва,
 Кöть рудзмунöма сылён ки.
 Ва дорын песлалö джодждöра,
 А орчён ноксöй ичöt пи.
 ...Кор асъявылыс кылас жыннян,
 Сэк найö пуксыласны сутш
 Да кыд нянь сёйыштасны джыниён.
 И бара пессöём,
 Бара удж.
 И бара кыпыд-кыпыд сынöд,
 И бара чатöр аньлён юр,
 И бара мёдлапöлö сынö,
 Кён бöрдны кокныыд зэв и бур...

1994

Александр Королев

Александр Иванович Королев родился 9 января 1949 года в деревне Фошня Брянской области. С 1963 года — в Печоре. Окончил Печорское речное училище. В 1968 году призвали в армию. Служил на Тихоокеанском флоте, на подводной лодке С-179. Работал в Печорском речном пароходстве. В 1974 году был приглашён на работу в Печорское речное училище преподавать морское судовождение. Стихи пишет с 1966 года. В 2013 году в конкурсе на лучшее сочинение гимна МР «Печора» Александр Иванович занял первое место. Его текст и музыка сыктывкарского композитора Александра Фёдорова признаны лучшими. Стихи публикуются в печорских СМИ.

Баллада о подвиге

Матросов, Вилков и Гастелло —
Герои, что нам дороги,
Кто, жертвуя жизнью всецело,
Погиб, спасая других...

Плевались огнём пулемёты,
Затихло атаки «Ура!»,
Полз к пасти фашистского дота
С гранатой в руке старшина.

Косою свинцовой косила
«Костлявая» свой «урожай».
И вырастут скоро могилы
Для тех, что у дота лежат...

Вдруг вечностью стали секунды,
Замедлило время свой бег,
Гранаты бросок, и «Полундра!»
Взлетело над сопкою вверх.

Замолкли на миг пулемёты
И снова хлестнули свинцом,
Редеют матросские роты,
Смерть злобно хохочет в лицо.

Не дать захлебнуться атаке —
Решение было одно,
Отдать всё что есть без остатка
За землю Отчизны родной!

За синие дали морские,
За песен свободный полёт,
За всё, чем богата Россия,
Ёё непокорный народ!

Взметнулось горячее тело,
Закрыв амбразуру собой...
Атака кричала, хрипела.
Но выигран был этот бой.

Какая могучая сила,
Чтоб это решенье принять,
В отважной груди его билась —
Брагу никогда не понять!

Стояли бойцы у могилы,
Смотрели на друга лицо,
Вбирали в себя его силу,
Над телом сомкнулись кольцом...

Прошла, отгремела над миром
Безумства нелепость — война,
И детище гнусных кумиров
Исчезло, как с глаз пелена.

Но горечи метки остались
В заботах грядущего дня,
Как знак материнской печали
Сиянье Святого огня...

* * *

Стою у Вечного огня,
И память в прошлое уносит.
Не позабыть тех лет ни дня,
Хотя забвенья сердце просит.

Во сне в атаку до сих пор
Я с хриплым криком поднимаюсь,
Сдаёт израненный «мотор»,
И, стиснув зубы, просыпаюсь.

Окопы, грязь, бомбёжек вой
И страх, что в душу заползает...
Я сыт по горло той войной,
Кто был на фронте — понимает.

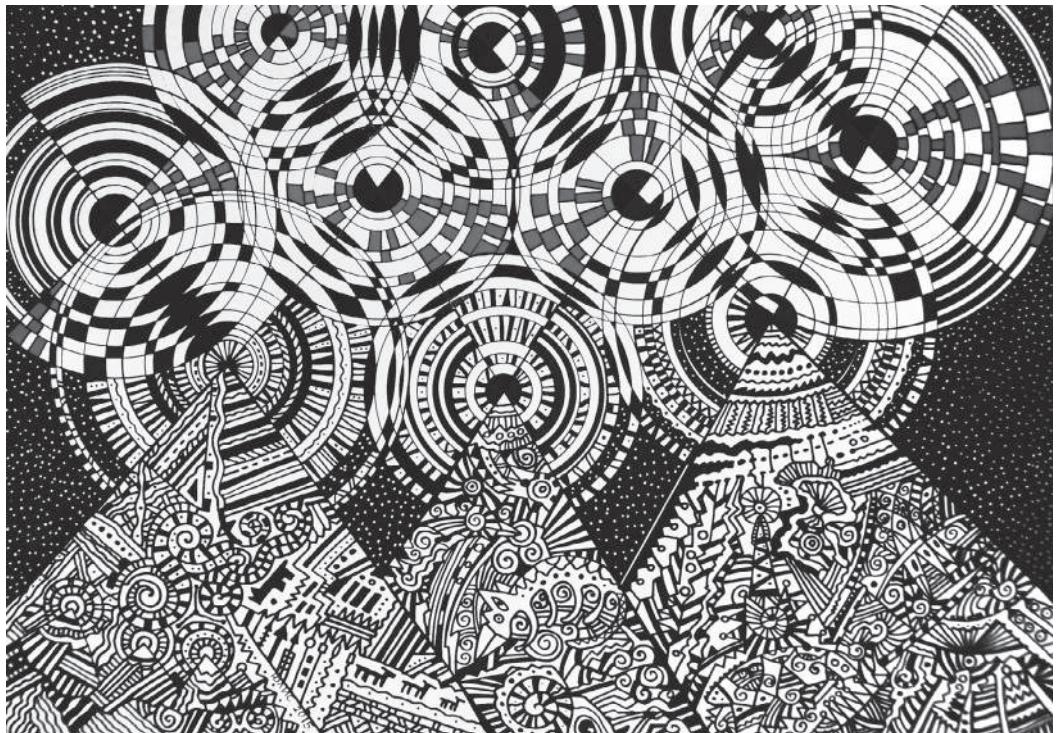
Мне снятся «прелести» войны
И смерть в руинах Сталинграда,
Восторг и радость у стены
Весною павшего рейхстага.

Не счесть потерянных друзей —
Погибших, без вести пропавших,
Осиротевших их детей
И матерей, всю жизнь скорбящих.

Пришёл у Вечного огня
Я братьям павшим поклониться,
Пусть будет проклята война
И никогда не повторится!

Война глазами фронтовиков

Василий Большаков

Война*

Первой грянула в 1940 году финская война, и многие из старших курсов были призваны в армию. Нас же, кулацких сынов, брать в армию брезговали и боялись. За время учёбы из техникума бесследно исчезли некоторые хорошие педагоги, и судьба их нам была не известна. Даже говорить о них запрещалось.

В апреле месяце, ровно за два месяца до войны, мы закончили техникум, но уже в половинном составе. Многие были призваны в ряды Красной Армии или отчислены по неуспеваемости и другим причинам. Мы в торжественной обстановке получили дипломы и специальность техника-судоводителя. Волей-неволей нам выдали паспорта. Ведь без них нас на работу не примут. Вначале нас назначили старшими помощниками капитанов. Началась Великая Отечественная война. С флота многих призвали на войну. Кадров стало не хватать. Должности рядового состава на судах стали заполняться женщинами и подростками. В первые дни войны народ был шокирован беспомощностью наших войск. Когда стали поступать в армию испытанные резервисты и улучшилось снабжение армии вооружением и другим всем необходимым, положение стало выправляться. Война стала превращаться в народную войну. Но война требовала всё больших жертв. Стали досрочно освобождать людей из заключения и призывать в армию. Кулацкого племени это тоже не миновало. Волна мобилизации прокатилась по всему кулацкому совхозу¹. Подчистили всё мужское население, способное держать оружие в руках. Ушли в армию мой брат Николай и двоюродный брат Анатолий, мазавший когда-то угол мельницы медвежьим салом.

В 1942-ом тяжёлом для Родины году меня тоже мобилизовали, сняв броню уже как с капитана парохода. Нас десять человек довольно бравых флотских молодцов направили прямо из военкомата в часть своим ходом, без сопровождающих в 9-ую воздушно-десантную гвардейскую стрелковую дивизию в г. Люберцы.

В пополнении дивизии оказалось много бывших моряков, речников, сибиряков и хороший резервистский кадровый костяк. Дивизия предназначалась, видимо, для крупных десантных операций, и люди должны были там иметь не только хорошую физическую подготовку, но как говорили, и моральный дух.

В помещении, где размещался наш батальон, была раньше школа. Мы размещались в классах, в которых были оборудованы двухъярусные сплошные нары. Отопления не было, а была середина зимы. На нарах не было ни матрасов, ни одеял, ни подушек. Спали, тесно прижавшись друг к другу, под головой — вецмешок, шинель была матрасом и одеялом, и тёплый, круглые сутки на себе, ватник.

Только утром, выбегая на мороз на физзарядку, ватник временно снимали. Учение шло с утра до глубокого вечера. Днём — строевая подготовка, стрельбы, вечером — укладка парашюта, изучение материальной части оружия.

* Главы из книги «Дорога в Комрай». — Печора, 2006.

¹ Имеется ввиду совхоз «Новый Бор» Усть-Цилемского района Коми АССР.

Но проучились всего два месяца и такой подготовки, какую надо получить, чтобы быть десантником, не было: не прыгали с парашютом ни с вышки, ни с самолёта.

Видно, мы срочно потребовались в горниле войны. И в феврале месяце 1943 года дивизия, уже как стрелковая, пошла на Северо-Западный фронт. До Осташкова везли поездом. В Осташкове первый раз ночью немцы нас бомбили, ранило нескольких человек. Потом вся дивизия к месту сбора шла мелкими группами — взводами в направлении Старой Руссы.

На нашем пути были знаменитые болота, по которым были проложены дороги из брёвен — гати.

По ним могли проходить пешие и конные подводы с телегами или пушками. И то больше в ночное время. Днём эти дороги бомбили немецкие самолёты. Танков вообще у нас не было. Так через месяц с небольшим мы дошли до реки Ловать, где каким-то чудом сохранилось с десяток домиков села Старо-Курское. Весна. Всё везде раскисло. Бездорожье и болота, болота без конца. Не найдёшь сухого места, чтобы отдохнуть. Снег ещё стаял не везде, оставался много по лесам.

Сколько мы ни шагали по дорогам — все деревни были сожжены, только печные трубы стояли, как памятники. Жителей не было. Название деревень значилось на дощечках, прибитых на деревьях.

В Старо-Курске по бону перешли на левый берег. Весна. Ловать сильно разлилась, и течение было очень сильным. Тут вблизи наплавных мостов не было. Днём со всех сторон: слева, впереди и справа — был слышен сплошной гул боя на фронте. Мы входили, казалось нам, как будто в какой-то мешок. Наконец пришли к небольшой деревушке, где располагался штаб и все силы полков собирались в лесу довольно большого бора. Отсюда наш полк по грязным, топким весенним дорогам поставили недалеко от линии фронта. Запрещалось зажигать огни даже в шалаши, завешенных плащ-палатками. Все ещё были в зимнем обмундировании: в валенках и маскахах. В валенках хлюпала вода.

17 марта все батальоны построили и зачитали боевой приказ: выступить туда-то, взять то-то! А где оно было — мы этого не знали и не знали, как туда добираться. Есть командиры. Они через болото провели в лесок, и здесь была дана команда идти вперёд!

Когда шли по избитому войной лесу, уже стали на нашем пути взрываться мины немецких миномётов и визжать пролетающие пули немецких автоматчиков. Мы, как белые лебеди, выкатили из леса на колхозную глинистую пашню с кучами камней на межах. Немцы открыли шквальный огонь, и за несколько минут на открытом месте нас очень много погибло, а раненые, кто мог, уползли назад. Кто не мог — остались умирать на поле от немецких снарядов и пуль. Я быстро сбросил маскахат, и пробежав вперёд метров сто под обстрелом, залёг между камней на меже, обложился кругом ими и открыл ответный огонь из автомата по опушке леса, где в окопах были немцы. Никто уж не наступал. Многие отошли назад в лес...

Пули часто цокали по камням, и вблизи взрывались немецкие мины. Но камни колхозные и Бог хранили меня. И я, высунув ствол между камней, отвечал немцам из автомата. Выйти из моего убежища, пока было светло, не было воз-

можности. Немцы меня держали всё время под прицелом. Высунул раз шапку над камнями, она тут же оказалась пробитой.

Так я держал оборону до вечера, пока не стемнело и не стихло с обеих сторон. Выполз и по канавам по-пластунски выбрался в лес. Там подошли к нам резервы, которые устроились в шалашах. Но мой командир роты был жив, и мне достал булку чёрного хлеба. Как я был ей рад! Сразу, не сходя с места, уплёл половину всухомятку. Ведь больше ничего не было. Ужин, который только один раз за всё время привезли, был уже съеден. Ночь коротка. Вздремнул пару часов, нас вновь подняли и ночью повели через место, где днём шёл бой. Кругом валялись тела наших бойцов и их оружие. Впереди была небольшая речка. Говорили, что это Парусья, шириной метров 20–30. Меж высоких берегов. Лёд на реке ещё стоял, и мы по нему перебрались на другую сторону реки. Теперь до немцев оставалось 100–130 метров, и всё делалось тихо, говорили шёпотом, не курили и не зажигали огней и не бряцали оружием. Так ждали утра у немцев под носом. А почему бы было ночью не ударить по немцам неожиданной атакой? Так командиры ждали утра, чтоб нас было видно. А утром, когда пошли в наступление, немцы опять открыли шквальный огонь, да и силы сейчас уже у нас были не те, что в первом наступлении. Редким удавалось добежать до немецких окопов. Опять бесславно погибали наши солдаты за своё любимое Отечество. До вечера, под защитой берега реки, продержались на этом берегу. До немцев было около ста метров, но они сидели в окопах и блиндажах.

Если бы немцы пошли в наступление, то нас бы тут никого не осталось. Говорили после, что всего их было — один немец на 40 метров их окопов. Им наступать было нечем, но из укрытий они хорошо пристреливались и успешно оборонялись.

А вечером, под прикрытием темноты, мы вновь переправились через Парусью и вернулись в тот лес, где стояли вчера перед наступлением. Силы нашей осталось совсем мало, наступать в третий раз — бессмысленно. Кто-то там в штабе нашем предложил, что надо собрать оружие на поле боя, которое валялось около убитых солдат.

Объявили награды: за автомат — медаль, за пулемёт «Максим» — орден Красной Звезды. И приказали идти собирать оружие. Вряд ли много собрали, но погибло больше людей. Я сумел вытянуть на дорогу с помощью обмоток ботиночных станковый пулемёт «Максим», и уже тащил с ним по дороге назад. Вдруг смотрю, впереди на дороге стоит второй станковый пулемёт, человека вначале я не заметил. Он сидел на обочине и бинтовал свою перебитую ногу ниже колена. Я всё понял. Его ранило, когда он вытаскивал пулемёт с поля боя. Я спросил, может ли он идти. Он сказал, что надо вырубить палку с сучком в виде костыля и тогда попробует идти.

Нож десантника у меня был и палку я ему сделал. Он с моей помощью поднялся, но прошагав метров тридцать — остановился, плонул в сторону пулемёта и сказал, чтобы я его оставил и шёл с пулемётом в часть, а он сам потихоньку поплётётся вперёд. Попробовал он вновь идти — ничего не получилось. Тут я бросил свой пулемёт на дороге, подхватил его руку на плечо, и мы пошли вперёд веселее, но уж очень тихо, с остановками. Когда пришли к месту, где стояла часть,

никого там не было. Куда все ушли — нам неизвестно. И мы пошли, ориентируясь по Солнцу — на восток.

К вечеру дорога раскисла, и идти стало ещё тяжелей. Отдохнули и поели остатки пищи, какие были в наших вецимешках. Ночью подморозило, и мы решили идти лесом по насту и вышли к артиллеристам- дальнобойщикам. Там мы обогрелись у них в землянке, попили чаю. Узнали, где госпиталь. У парня нога очень разболелась, и я опасался гангрены. Утром пошли по указанному нам пути. В полдень были у госпиталя. Я сдал солдата, не попытавшись узнать, откуда он родом и кто у него были родители. Мне дали справочку и сказали, что наша часть уже вчера здесь прошла, мне не догнать. Посоветовали идти на базу, там подходят за продуктами машины из разных частей, и может, кто по пути подвезёт. К вечеру добрался до базы. Там ночевал и утром на машине догнал своих. Командир роты, увидев меня, удивился. Я отдал ему справку о доставке раненого солдата и сказал, что два наших «Максима» остались там на дороге. Я уже числился без вести пропавшим, и он сказал, что мне надо написать домой письмо, чтоб там родители мои не беспокоились. Теперь я вместе с остатками нашего войска шагал в тыл. Первого мая сделали построение, и зачитали приказ о награждении тех, кто смог вынести оружие с поля боя. Меня в приказе не было.

Командир посмотрел на меня и говорит: «Ты заслужил награду больше: спас человека и сам остался жив. Так что не тужи. Война не кончилась, будешь жив, и награды будут».

Под Старой Руссой дивизия была разгромлена в боях под руководством нашего бездарного командования. К маю месяцу из 76-ти человек нашей роты нас осталось всего три человека. Впоследствии с занимаемых должностей командование дивизии и полков сняли, и судьба их нам неизвестна. Идти мне становилось всё тяжелее. В теле была водянка от постоянной сырости и недоедания. Вот и вышли к железной дороге и разместились в вагонах-теплушках.

Нас повезли на юг. Куда — это нам неизвестно. Где-то недалеко от Воронежа уже пошли пешком в район городов Старый и Новый Оскол. Там в одной из балок (овраг с лесом и ручьём) разместился наш батальон и принимал пополнение. Рота дополнилась до 120 человек, в основном за счёт призывников из Средней Азии и Кавказа. Весь май и июнь ушли на обучение новичков в пределах курса подготовки молодого бойца. Десантскими программами уже не занимались. Некогда было. Возникла угроза нового немецкого наступления. Немцы в начале июля действительно начали своё самое крупное наступление на Курском выступе — «Курской Дуге», сосредоточив там отборные дивизии с новыми танками «Тигр» и самоходными установками «Фердинанд». Они хотели взять реванш за Сталинград, окружить и уничтожить крупную группировку наших войск и закончить войну своей победой.

Здесь меня в балке принимали в комсомол. Всё по инициативе замполита полка и секретаря комсомольской организации. Стремления стать комсомольцем, после моего исключения из комсомола в техникуме, не было. Но уговорили. В такое время отказываться не станешь. Когда принимали второй раз, я рассказал, что уже был в комсомоле, но исключён как сынkulака, «за связь с родителями». Всё это признали ошибкой того времени. Теперь отношение ко мне было не как к кулацкому сыну, а как к бойцу Красной Армии, побывавшему уже в жестоких

боях на Северо-Западном фронте, и я был принят в члены ВЛКСМ. Тут же вручили мне и билет, с которым впоследствии вступил в бой с немцами под Прохоровкой. Нашу часть, как только немцы начали своё наступление, сразу же подняли по тревоге, и мы пешим ходом за полторы суток прошли 130 км и вечером были уже на станции Прохоровка. Здесь я получил первое письмо от брата Николая. Он был ранен и лежал в госпитале. Я сразу ему ответил треугольным солдатским письмом и пожелал ему быстрейшего выздоровления.

Под Прохоровкой 12 июля 1943 года разыгралось в истории войн самое крупное танковое сражение и столкновение самых крупных группировок отборных войск с обеих сторон. Мне пришлось испытать «прелесть» этой битвы. Об этом много написано, показано впоследствии в кинофильмах, но нам, реально пережившим всё это людям, теперь представляется как сон в аду. Я сам теперь удивляюсь, как мог это всё выдержать человек не только физически, но и психически. Предлагаю моё стихотворение, посвящённое этой битве.

Мы ближе к ночи, все сонные
Вошли в разбитое село.
Бои тут шли везде большие,
И крови много пролилось.

Полки уж наши тут сражались.
На «тиграх» немец пёр вперёд.
К земле солдаты прижимались,
Но был не сорок первый год.

Снаряды в «тигры» мы вгоняли,
Пехоту резали огнём.
Врага изрядно измотали
Перед двенадцатым числом.

Ночь наступила. Смолкли пушки,
И мины больше не рвались.
Затихло в небе. На опушке
У немцев лишь ракеты жглись.

Так что-то долго не бывало.
Стояла жутко ночью тишина.
И немцы тоже отдыхали.
Нас сокрушить они клялись.

Перед селом в окопах спали
Солдаты нашего полка,
А сзади нас в селе стояли
Танкисты с танками в садах.

Нас разбудил не вой снарядов,
А грохот пушек позади.
Снаряды в воздухе все рвались:
Летели немцы нас бомбить.

Здесь мощь огня была такая,
Прорваться немцы не смогли.
И, повернув куда-то вправо,
Бомбили где-то уж вдали.

Артподготовку мы проспали:
Все были так утомлены...
Гул самолётов услыхали
и по сигналу мы пошли.

Тогда не знали, что решалась
Здесь на полях Судьба войны.
С какою силою встречались
В сраженьях Родины сыны!

Всё поле, полюшко пшеницы
Помято, стоптано в боях.
Изрыто бомбами и миной.
Ещё что будет погодя!

Прости, земля моя родная,
Что надругались над тобой.
Но здесь Судьба страны решалась,
И мы все жертвуем собой.

Прошли по полю мы прилично.
У леса встретили врага.
Тут били пушкари отлично.
Танкистов мощь была видна:

Фашистов трупы тут валялись.
И нам пришлось тут нелегко.
Горели танки и взрывались.
Шум, крики, взрывы — всё слилось!

Врага мы всё же потеснили,
Но к полудню выдохлись и мы.
Но тут на помощь подходили
К нам силы свежие свои.

Бой разгорелся с новой силой.
Забыли год и день какой.
Кругом везде лишь всё дымилось,
И самолётов слышен вой.

Да неужели мы, живые,
Попали к чёрту прямо в ад?
Глаза блестели наши злые,
Стреляя в сторону врага.

В дыму и копоти чернело
Сурово бледное лицо.
Тут было всё: отвага, смелость,
Взаимовыручка бойцов.

Танкист наш крутится у танка,
А танк вовсю уже горит.
Он хочет вытащить останки
Друзей, товарищей своих.

Бот в перелеске в бой ввязался
Вперёд идущий взвод солдат.

Там крики, шум перекликался
С разрывом брошенных гранат!

Вдруг по грунтовке ошалело
К нам «козлик» с немцами влетел.
Там были только офицеры...
Как он влетел, так тут и сел!

А кто подбил — я не заметил.
Никто из них не уцелел.
Не будут знать родные где-то,
Каков последний их удел!
Не сила их сюда бросает.
Не героизм их гнал вперёд.
Страх поражения их пугает.
Позор в Германии их ждёт!

Чинуши эти — не солдаты!
Они всё знали наперёд.
И наказание им по штату
За поражение придёт.

За всё, что людям причинили,
За зверства, пытки и расстрел.
Как в душегубках вы душили,
В печах сжигали горы тел.

Вот эту правду, а не сказки
Запомнят люди навсегда.
Пройдут века, немецкой расе
Презренье будет лишь всегда!

Сражаться люди уж устали.
Весь день так голод не морил,
Как солнце сверху прижигало,
Воды никто не привозил.

Пить всем хотелось, но не это
Страшило нас, чтоб не отдать,
Что завоёвано в победе
И больше нам не отступать!

Сражения к вечеру стихали,
И грохот битвытише стал.
На поле танки додорали.
Кто жив, в ложбину уползал.

Сегодня многие познали
Бородино и Сталинград.
Но здесь впервые доказали:
Не будем дальше отступать!

Здесь всю ответственность познали
И за Москву и за Союз.
Отсюда дальше уж шагали,
Освобождая нашу Русь.

Хватило нам одной недели,
Чтоб Цитадель всю разгромить.
Забыли, что нашу Родину
Пытались раньше покорить.

Но все ломали свои зубы
На землях русских мужиков.
Русь велика, свободу любит.
Народ привык жить без оков.

Вечером 12 июля в ближнем бою около железной дороги меня сразили автоматной очередью в правую руку. Так оказалось, что поблизости, почти рядом со мною, располагались в кустах немцы, и мне пришлось выжидать тёмной ночи и лишь только к утру я выбрался от них и через поле пошагал к своим. Потом вышел на дорогу, идущую в Прохоровку.

Встретил довольно рано нашу батальонную кухню с возчиком — узбеком, который вёз на фронт завтрак, а может, вчерашний обед и ужин? Я у него попросил воды напиться (не пил почти сутки), и выпил около двух литров воды, что делать было нельзя. Он спросил, где расположен батальон? Я ему сказал, что если он поедет этой дорогой дальше, то через 20 минут привезёт завтрак немцам, и сказал, чтобы он немедленно сворачивал в ложбину влево, где располагались наши солдаты. Он сразу же повернул коня с кухней в ложбину, а я пошагал по дороге на Прохоровку. Через некоторое время у меня от большой потери крови (рана была до сих пор не перевязана) и от выпитой воды закружилась голова. Мне приходилось лежаться в кювет с поднятыми ногами, чтобы кровь больше шла к голове. Так я делал несколько раз. Уже недалеко от села я заметил четырёх солдат, идущих мне навстречу. Напряг все силы, чтобы дойти до них, но не смог. Закружилась голова, и я упал, потеряв сознание. Очнулся я на крыльце какого-то здания. Шинель моя вся в крови и была разрезана, а врач забинтовывал руку.

Видимо, эти четверо и принесли меня сюда. Моё доброе дело, сделанное под Старой Руссой, когда я вынес и доставил раненого солдата в госпиталь, оплатилось здесь, под Прохоровкой. Прав оказался тогда мой командир роты. После перевязки и уколов меня поместили в палатку, где тоже лежали раненые, а потом на автомашине привезли в какое-то село. Оттуда уже по железной дороге привезли под г. Воронеж, пос. Бор. Получил от родных письма и денежный перевод от нашего ворчуна — директора техникума.

После излечения в госпитале комиссия нашла меня годным к дальнейшей службе, и меня направили на Первый Украинский фронт. В составе 234 полка я в санчасти неоднократно долечивался, так как рана открывалась и болела. Вместе с полком я прошагал через всю левобережную Украину, а потом, форсировав Днепр по pontонной переправе, дошли до города Житомир. В начале 1944 года стала формироваться Днепровская военная флотилия и меня как речника направили для прохождения дальнейшей службы в состав этой флотилии.

Наша флотилия летом 1944 года участвовала в боях за освобождение городов Бобруйска, Лунинца и бывшей нашей главной базы — города Пинска, расположенного

женного на начале Днепро-Бугского канала, дающего флотилии выход на каналы Польши, через них на реку Одер и канал Одер — Шпрее.

Этим путём и проследовала флотилия с боями под крепостью Зегжа в Польше и при взятии немецкого города Фюрстенберг в Германии. Катера флотилии непосредственно участвовали во взятии столицы фашистской Германии — Берлина. Флотилия была награждена орденом Красного Знамени и высшим морским орденом Ушакова первой степени. В Германии нашей главной базой стал город Фюрстенберг — на стыке реки Одер и канала Одер — Шпрее. Флотилия в послевоенный период ещё два года находилась в Германии в составе группы оккупационных войск, а летом 1947 года вновь перебазировалась в гор. Пинск — на свою главную базу.

Я же ещё на службе поступил учиться в Пинский учительский институт. В августе 1947 года демобилизовался и выехал к своим родителям в Коми АССР в пос. Новый Бор, где вновь началась моя трудовая деятельность. Вновь я встретил свою красавицу — реку Печору, особенно величавую в её низовьях, где и располагался совхоз «Новый бор».

Река краса, сестра Урала,
А город — брат сестры моей.
Ты горе-счастье повидала
Мужланов — племени людей.

Не воды ты на север гонишь,
А грусть свою туда несёшь.
Отрогов гор, ещё безмолвных,
Тайги неведомую мощь.

Ещё витает рок угрюмый
На дебрях брошенной тайги.
Как тот Ермак, объяты думой,
Сидят, понурясь, старики.

Ещё слаба твоя обитель,
И много терпишь ты угроз.
Но непокорно смотрит житель
На возрастающую дрожь.

Ещё простор тебе не тесен,
В полнеба золотом рассвет,
Но мало спето тебе песен
За сотни долгих, хмурых лет.

Печора дышит первозданием
И всеоткрытостью своей,
Но если случай будет крайний,
Подставь на помощь локоть ей.

Она как будто в неге дремлет,
Любовь счастливую всё ждёт.
Слезам и горю она внемлет
И руку дружбы подаёт.

Но больше ту, Судьбину злую,
Мы не допустим никогда.
Родную нашу, золотую
Лелеять будем мы всегда.

Пройдут года, воспрянут силы,
И засверкают города.
И на Печоре вновь увидим
Судов красивейших борта!

Ехал я со службы домой и по пути любовался нашей широкой и могучей северной рекой. Для неё я до войны закончил Печорский водный техникум и на ней начал свою трудовую деятельность и прошёл все стадии роста от матроса до капитана парохода.

Река, как и прежде, была красива и своенравна. Но постарели и опустели многие сёла и деревни на Печоре во время войны. Особенно пострадали колхозы, лишившись, почти полностью, мужского работоспособного населения. Много в сёлах и деревнях было малых детей и стариков, к ним добавились инвалиды войны, и всех их надо было кормить и одевать...

Не тянет демобилизовавшихся солдат ехать к себе на Родину, в такие деревни на Печоре, и домой их возвратилось немного. А кто и возвратился, то, забрав свои семьи и родителей, уезжали в другие места...

Совхоз «Новоборский» частично избежал такой участи. Ведь он принадлежал комбинату «Воркута-уголь» МВД.

И в совхоз, ещё во время войны, была сделана соответствующая «подпитка» рабочей силы: сюда, кроме заключённых, «врагов народа», репрессированных и кулаков, подбросили немцев с Поволжья. Не особо дружелюбно, даже кулаки, их встретили в то время в совхозе. Но немцы оказались хорошими специалистами и работягами и быстро нашли с кулаками на этом поприще контакт. И многие из них в совхозе стали заслуженными работниками.

Пройдя войну, многие из молодёжи, учившиеся в Новоборской школе, возвращались с орденами и медалями. Некоторые в армии были приняты в члены и кандидатами в члены ВКП(б), но встав на учёт парторганизации совхоза, в дальнейшем решением райкома партии были исключены из партии. В основном по причине, что в личном деле скрыли факт, что родители были кулаками. Несмотря на военные заслуги, они вновь стали «чурками» для нашего государства.

Большинство из возвратившихся забрали свои семьи и родителей, уехали в другие края, где бы на них не падала тень кулацкого ярма.

Вся дальнейшая моя жизнь оказалась связанной с северной Красавицей — Печорой. Счастье это или несчастье, а скорее всего — это моя Судьба.

Стою я на высоком берегу
Реки суровой и могучей.
Я слышу грозный шум её внизу
И разговор ветвей над кручеей.

Здесь каждый камень вниз стрелой летит,
Обвалы часты и опасны.
Внизу там берег камнями покрыт,
И оползней следы ужасны.

Сквозь ветви вижу блеск её воды,
Закат зари вдали сверкает.
Тень тёмная у дальней стороны
Меня и манит, и пугает.

Давно живу в местах чужих отцов,
И небо я благословляю:
Оно мне подарило жизнь и кров
И старость встретить в этом крае.

Судьбы невзгоды жизнь чернили мне,
Давили голодом, обидой,
Но места лучше не было нигде
В стране угрюмой и забитой.

Знакомы мне и бури, и пожар,
Минуты горьких расставаний,
Природы несравненный божий дар,
Людей особое старание.

Люба мне широта глухих лесов,
И ветра мне знакома песня.
В буран ночной лишился я оков,
Рекою плыл я в неизвестность.

Стою я на высоком берегу,
В чужой земле ищу покоя.
О прошлом больше я уж не тужу,
Хочу лишь умереть я стоя.

Отсель хочу обнять я берега,
Поцеловать реки движение.
Хочу послать прощальные слова
В мой край несчастного рождения.

Николай Сенюков

Николай Васильевич Сенюков родился в 1922 г. в д. Кыркеш Княжпогостского района Коми АССР. Участник Великой Отечественной войны, воевал на Карельском фронте, демобилизован в 1969 году. Подполковник запаса. После войны работал в военкоматах Коми АССР, Управлении связи, Министерстве торговли.

Награждён орденами Отечественной войны II степени, Красной звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья» и другие.

Воспоминания участника Великой Отечественной войны

В 1939–40 годы фашистская Германия, развязав вторую мировую войну, захватила ряд государств Европы и стала угрожать Советскому Союзу. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство вынуждены были принять ряд мер по укреплению обороны страны.

Одной из мер явилось то, что в ноябре 1940 года были отменены стипендии студентам средних и высших заведений.

В то время я учился в городе Сыктывкаре. В связи с тем, что стипендии отменены, а помочь было ждать не от кого, мне и многим моим товарищам пришлось бросить учёбу и устраиваться на работу.

Я уехал в Княжпогост и поступил на работу в Севжелдорлаг МВД на строительство Печорской железной дороги. Там же работал мой старший брат Георгий.

22.06.1941 года началась Великая Отечественная война.

Немецко-фашистские войска рвались вглубь территории нашей страны, разрушая города и сёла, уничтожая советских людей.

Партия обратилась к Советскому Народу с призывом встать на защиту Родины, с оружием в руках отстоять честь, свободу и независимость своей отчизны, уничтожить немецко-фашистских захватчиков.

Военкоматы с первого дня войны стали проводить планомерную мобилизацию военнообязанных запаса и отправку их в воинские части. По призыву сердца уходили на фронт добровольцы.

Мы с братом работали в системе МВД и имели бронь от призыва в армию.

Брат Георгий старше меня, его ровесники уходили на фронт, и он с первого дня войны стал в райвоенкомате требовать снять бронь и отправить на фронт. В начале июля 1941 года райвоенкомат удовлетворил его просьбу и отправил в город

Великий Устюг в Пуховичское военное училище, готовящее командные кадры Красной Армии. Он писал мне оттуда, что противник серьёзный, воевать с ним надо со знанием дела, а для этого надо изучить военное дело, научиться бить его наверняка и рекомендовал мне не рваться на фронт, а сначала научиться воевать.

Я обратился с заявлением райвоенкому политруку Тимошину с просьбой направить в военное училище. Он, прочитав письма брата и моё заявление, удовлетворил мою просьбу, через 2 дня я получил повестку.

28.07.1941 года в составе команды из 43 человек я выехал из Княжпогоста в город Великий Устюг, а 1.08.1941 г., в день своего девятнадцатилетия, надел военную форму.

Программа училища была рассчитана на 2 года, отправили нас на фронт через 5 месяцев.

Изучали уставы и наставления, оружие и военное дело, тактику и строевую подготовку, изучали всё, что было предусмотрено программой училища мирного времени, только с каждым днём сокращали количество часов. Учились очень напряжённо. Не было времени писать письма домой, подшить подворотничек, сходить к брату, хотя он жил в соседней казарме.

28.11.1941 года за выполнение упражнения по стрельбе из пулемёта на отлично командир роты поощрил меня увольнением в город на один день. 30.11.1941 в первый и последний раз был в увольнении и сфотографировался с братом.

В одном взводе со мной учились ребята из нашей деревни Лапин Егор и Семёнов Анатолий, но они в последствии оба погибли на фронте. Жили мы все очень дружно, помогали друг другу чем могли, делились всем, что имели.

Учиться нам было трудно ещё и потому, что не хватало питания. Кормили нас не плохо, и паёк вроде хороший, но мы росли, мужали. Плюс к этому зима, холод, усиленная учёба, практические выполнения упражнений на снарядах, тактика, большие физические нагрузки. Организм требовал дополнительного питания, а его не было.

В первых числах декабря брата Георгия выпустили из училища, присвоив ему воинское звание лейтенанта и отправили на Ленинградский фронт. Провожал я его километра 3-4.

31.12.1941 года рано утром, было ещё темно, мы занимались по строевой подготовке. Из штаба батальона прибыл связной со списком курсантов, вызываемых в штаб училища. В этом списке был и я. В казарме мы оставили оружие, взяли личные вещи и направились в баню, где нам была предоставлена возможность купить пиво, чего никогда не было. Мы стали догадываться, что нас отправляют на фронт.

Под звуки духового оркестра 150 младших лейтенантов тронулись в путь — пешком до Котласа, а дальше в товарных вагонах. До Котласа шли два дня, по 30 км в день, с ночёвкой в клубе п. Красавино.

31.12 в училище нам дали сухой паёк на 10 суток, но съели мы его за 5 суток и подъезжали к Вологде голодные, без еды.

Случайно у вокзала в г. Вологде я встретил земляка И.И. Коконина. Он служил в органах военных сообщений. И когда он узнал, что кушать нам нечего, сразу же принёс две большие буханки чёрного хлеба. Этим хлебом мы доехали до Беломорска, до штаба Карельского фронта.

В Вологде уже чувствовалась близость фронта. У вокзала много раненых, на костылях, с перевязанными руками, головами, лица суровые, без улыбок. Много эшелонов с военной техникой, с солдатами, идущими к фронту.

17.01.1942 года прибыл на передовую в 1-й батальон 1221 стрелкового полка 367 стрелковой дивизии. В этом полку я служил до конца войны.

Рота после январских наступательных боёв насчитывала всего 11 человек вместо положенных 120–140 человек. Остановилась рота у озера Коммунаров, но ещё не зацепилась, не было окопов, траншей, блиндажей, не было ни шалаша, ни землянок. Зима. Мороз. Костры зажигать нельзя. Чуть где дым днём или огонь ночью, сразу противник делает огневой налёт из миномётов. Много обмороженных. Тяжелее условий для жизни человека быть не может. Удивляешься теперь, как всё это мы пережили, иногда даже самому не верится. Ведь спали в снегу, как куропатки. Вниз ложили еловые ветки, на него ложились человек 5–8, часовой закрывал ветками, а потом снегом. Спали на одном боку 1–2 часа, потом все поворачивались на другой бок. Спали только днём и не больше 3–5 часов в сутки, а иногда и совсем не приходилось спать. Изредка умывались снегом, неделями не снимали полушибки, редко брились. Поэтому не трудно представить, как мы все выглядели.

И вот, в числах 10 февраля 1942 г. в первый раз организовали нам баню. Баня — это палатка, внутри которой печка из железной двухсотлитровой бочки. На бочке ведро, тазы с водой. Мылись одновременно 4–5 человек. Как зайдёшь в палатку, вроде тепло, а разденешься — одну сторону так печка жжёт, другая мёрзнет.

Горячую пищу (жидкая каша или густой суп) возили походной кухней один раз в день до штаба батальона, иногда до Командного пункта роты, оттуда котлами пешком. Кухня не каждый день доходила, её часто противники обстреливали и разбивали, тогда оставались голодными. Хлеб привозили мёрзлым, резать приходилось поперечной пилой пополам. Половина буханки (900 гр.) — это суточный паёк, но опять же получали не каждый день.

Несмотря ни на что надо было обороняться, надо было удерживать занятую позицию, уничтожать неприятеля, не допускать противника до нашего переднего края.

20–21 января 1942 г. рота получила пополнение за счёт тыловых подразделений полка, дивизии (ездовые, музыканты, сапожники, портные и т.д.) и во взводе у меня уже было 32 человека. Построили шалаш, одновременно там могло спать лёжа человек 12–14. Это уже было спасение от холода, возможность греться и спать.

За зиму 1942 г. 3 раза обмораживал ногу, из них один раз увозили до санбата. Оказал срочную медицинскую помощь фельдшер больницы Никитин.

25.01.1942 г. вызвали меня в штаб батальона, и командир батальона (фамилию не помню) отдал по карте приказ, по которому взводу требовалось идти в разведку совместно с разведкой полка. Я возглавлял группу обеспечения (7 человек). Выдвинувшись дальше переднего края на нейтральную полосу метров на 200, мы залегли и лежали без движения на морозе часа 3, замёрзли, многие обморозили лицо, руки и ноги. У меня обморожены в лёгкой степени были левая рука и пальцы левой ноги, нос, уши, лицо. Разведчики захватили одного финна в его обороне и притащили к нашим, но в пути пленный ножом перерезал себе шею и умер. А во время захвата он ножом ранил трёх наших разведчиков. Противник, узнав о захвате своего солдата, минут через 30 открыл по нашему переднему краю сильный огонь из всех огневых орудий.

В последствии стало известно, что целью этой разведки было получение с помощью языка сведений о дальнейшем намерении противника, ведь мы устали и понесли большие потери в живой силе и технике и необходимо было дать отдых и пополнить личный состав.

Дивизия, в том числе и наш полк, в январских боях освободила часть захваченных финнами территорий. Так вот, чтобы вернуть это, финны рано утром 6.02.1942 г. начали после сильной артиллерийской подготовки наступление. Беспрерывное освещение переднего края ракетами (возникли во многих местах пожары), разрывы снарядов и мин, стрельба трассирующими пулями делали ночь светлее дня. Финны на лыжах атаковали, на ходу стреляя из пулемётов и автоматов. У нас автоматов ещё не было, были винтовки, ручные и станковые пулемёты, которые всё время били по врагу. С обеих сторон стреляли артиллерия и миномёты. Противник в течение ночи перед моим взводом несколько раз поднимался в атаку, но каждый раз вынужден был отходить назад, неся большие потери. Со всех сторон слышались слова команд, стрельба, стоны и крики раненых.

От прямого попадания загорелся и сгорел дотла наш единственный шалаш.

Недалеко от нашего расположения в тылу послышалась команда «отойти на 2-й рубеж». Мне, как командиру, не было известно наличие такого рубежа. Для уточнения послал связного. Оказалось, финны зашли в наш тыл и пытались стрельбой и ложными командами внести панику в наших подразделениях. Поняв замысел противника, мы продолжили яростно отражать атаки и отстояли свой рубеж. Потерь с обеих сторон было много. Я прибыл в роту вместе с мл. лейтенантом Илатовским, тоже выпускником нашего училища, у него в это утро (6.02) осколком оторвало руку, и его отправили в госпиталь, а потом домой. Это был мой первый кровопролитный бой, и мне его никак не забыть, до сих пор его подробности перед глазами. Этот бой описывается и в ряде военных мемуаров.

После этого боя была дана команда закрепиться, рыть ячейки, окопы. Но у нас не было шанцевых инструментов, кроме малой лопаты, которой рыть мёрзлую, каменистую почву невозможно. Поэтому мы делали из снега ячейки и толстый бруствер (2-3 м) перед ними. Так постепенно стали появляться снежные окопы.

22.02.1942 г. командный состав дивизии выходит в тыл, в пос. Айта-Лампа, где стоял штаб Мосельской опергруппы, потом штаб 32 армии. Личный состав остался на месте, командный состав прибыл новый, в белых полуушубках, в офицерских ремнях поверх полуушубков. Меня же командир батальона оставил на сутки для сдачи района обороны.

Утром 23.02 я ушёл догонять свой полк, а через 1-2 часа после этого противник, заметив замену командного состава, после артиллерийско-миномётного налёта пошёл в наступление. Наши позиции не сдали, назад не отошли, но потери были.

В пос. Айта-Лампе, а потом в г. Кемь мы были до 22.06.1942 года. В первых числах марта мы получили пополнение командного состава. В их числе прибыл капитан Ляшков и Марченко, которые стали командирами рот в нашем батальоне. С марта месяца подготовили одно пополнение и отправили маршевыми ротами на передовую, со вторым пополнением 22.06.1942 г. ушли сами.

Рота заняла оборону на берегах Хитоздге. Нашими предшественниками были уже вырыты окопы полного профиля, жили в низеньких землянках, без окон, без печек, вместо двери — мешковина. Мы стали укреплять оборону, строили дзоты, траншеи, блиндажи и готовили вторые эшелоны. Вели разведку наблюдением и изредка боем, периодически обстреливали оборону противника. Начало развиваться снайперское движение. Я очень любил высматривать противника и стрелять по нему из снайперской винтовки. Стрелял много, но сколько убил, точно не учитывал. По моим подсчётам убил не менее 20 фашистов.

Финские автоматчики устраивались на деревьях, их называли «кукушками». Они пристреливали тропинки и дороги и высматривали проходящих по ним наших

бойцов и командиров. Так в июле 1942 года вывели из строя командира батальона майора Воронова и командира отделения Ветрова.

В нашем взводе (35–45 человек) моего возраста было человек 5–6, остальные постарше. Были в нашей роте и вообще в полку и из Коми АССР. Например, командир отделения Потолицын, рядовой Шехонин, Худяев, Подоров В.В. и другие. Командиром миномётного взвода был лейтенант Лебедев И.С. из Княжпогоста.

В феврале 1943 года обороняли район у Волоздга. Жили в низких землянках, но уже с печкой. Стоять можно, только согнувшись. В землянке ночью по очереди из взвода отдыхали 6–8 человек, остальные же 30–35 человек стояли на постах.

В углу землянки у входа зацепили сделанное мной приспособление из взрывателя противопехотной мины вместо ракетницы. Часовой при появлении противника должен был дёрнуть за шнур приспособления, и загоралась красная ракета — сигнал тревоги.

И вот 18.03.1943 г. я, политрук роты, и мой ординарец после обхода постов, часа в 2–3 ночи, подошли к землянке.

Часовой доложил, что с фронта нашего расположения в кустах слышны шорохи и разговор на непонятном языке, я дал команду — поднять людей из землянки по тревоге. Часовой выпустил красную ракету. Мы заняли огневую позицию у землянки. Из кустов на лыжах с криками выкатились на нас финны. Мы открыли по ним огонь из всех огневых средств. Послали связного к командиру роты. Он дал команду на открытие неподвижно-заградительного огня (НЗО). Финны с криками и руганью стали отходить. Мы продолжили стрелять вдогонку.

Минут через 30 противник открыл сильный артиллерийско-миномётный огонь.

Утром, когда рассвело, увидели, что финны оставили одного убитого капрала, видны следы крови, и брошены 4 пары лыж, хозяева которых, видимо, ранены и ушли пешком, или их утащили товарищи.

По всей видимости, это была разведка, они хотели взять «языка» и уничтожить наших в землянке.

Через 3–5 дней я оказался в командном пункте батальона, и заместитель командира батальона спросив меня об этом эпизоде, сказал, что я достоин быть коммунистом. Я уже думал об этом раньше и сразу же написал заявление. Тогда же меня приняли в кандидаты, а через месяц в члены КПСС.

Итак, с апреля 1943 года я член КПСС. За это время не раз избирался партгруппоргом, секретарём первичной партийной организации, членом Райкома и Горкома КПСС.

За отражение этой разведки противника меня наградили медалью «За отвагу».

В дальнейшем, находясь в позиционной обороне, противник не раз прощупывал наш передний край, но мы всегда давали ему отпор. Своими боевыми действиями мы не давали покоя противнику, периодически проводили огневой налёт, вели разведку, развивали снайперское движение.

Летом 1944 года, когда наши войска наступали на Петрозаводск, наш полк имитировал сосредоточение войск на второстепенном направлении. Мы ночью скрытно двигались в тыл, а днём открыто, без маскировки шли к переднему краю.

После этого наша дивизия вела наступательные бои на Ухтинском, Кеспинском и Кандалакшском направлениях в составе 19 и 26 армии. Однажды, в июле 1944 года, наш полк в облегчённой форме, чтобы освободить окружённую группировку наших войск, прошёл пешком за 32 часа 107 км. Ноги опухли, сами отупели, ничего не чувствовали, шагали автоматически, но после трёхчасового отдыха вступили в бой. Было очень тяжело, все смертельно устали, но желание

победить врага оказалось сильнее усталости, и мы победили. Только теперь, вспоминая, удивляешься, что всё это было, всё это пережито.

Ещё были бои и бои, все их не описать, да и подробности не помнятся, ведь прошло более 40 лет. Первые встречи с противниками, хотя и не самые жестокие, не забудутся, хорошо помнятся, а последующие, пусть даже более серьёзные, со временем забываются, т.к. человек привыкает.

В первых числах сентября 1944 года нашу дивизию сняли с Кандалакшского направления и перевели в Мурманск в состав 14 армии. Мурманск был весь разбит, нельзя определить, где улицы, где были дома, сплошные развалины.

7.09.1944 года после сильной трёхчасовой авиационной и артиллерийской подготовки полк пошёл в атаку на высоту Малый Карапайым. Весь передний край был вспахан, разрушены все укрепления. После атаки переднего края километров 2-3 шли сначала цепью, потом в колоннах по отделениям, по взводам и не встретили сопротивления, я лично не видел ни одного живого немца. Все траншеи и дороги завалены техникой и трупами. Валятся велосипеды, машины, мотоциклы, повозки. Только через 1-1,5 часа противник начал оказывать сопротивление, занял выгодный рубеж и встретил нас сильным огнём из всех огневых средств. Едва мы успели окопаться, как дали залп наши «Катюши», атаковали и пошли вперёд. В дальнейшем противник начал останавливать нас чаще, через каждые 1-1,5 километра, и нам приходилось выбивать с каждого рубежа, и так километров 300, до Норвегии и по Норвегии.

В последних числах октября подошли к городу Никель. Его атаковали ночью, 1 и 3 батальоны с фронта, а 2-й батальон со стороны Норвегии. Противник не ожидал такого манёвра, и мы застали его врасплох. Потому город и склады уцелили, уничтожить не успел.

За успешные боевые действия в заполярье и освобождение города Никель, нашу дивизию наградили орденом боевого Красного знамени.

Преследование противника продолжалось, мы пересекли Государственную границу с Норвегией и остановились в пос. Своивак. Наш батальон выдвинулся на 5 километров от штаба полка, отрыл землянки и до августа 1945 года вместе с норвежскими пограничниками нес охрану Государственной границы.

День победы 9 мая встретили в Норвегии, но на торжественный митинг выходили на территорию Советского Союза. Это был самый большой праздник для всех, столько было веселья, ликования, радости... Не описать. Этого не забыть никогда.

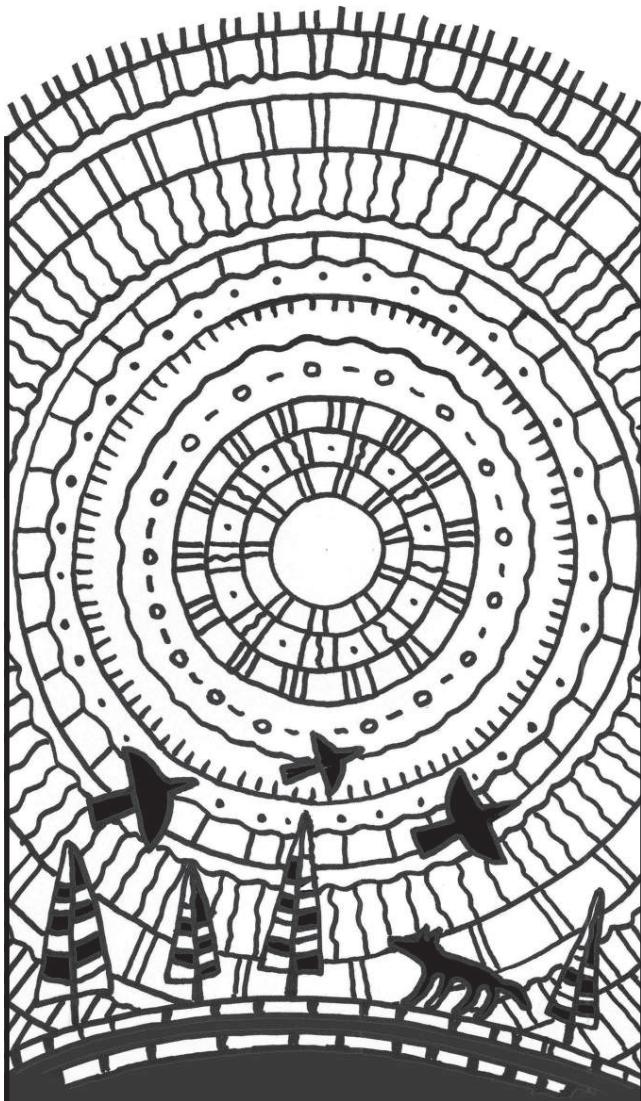
В августе 1945 года вся наша дивизия вышла из Норвегии в Советский Союз, и наш полк остановился в городе Медвежьегорск.

Я три с половиной года воевал в составе 1221 стрелкового полка 167 красно-зnamённой стрелковой дивизии на Карельском фронте на должностях командира стрелкового взвода и роты. А это значит, что надо было думать и решать не только за себя, но и за своих подчинённых, отвечать за их жизнь, учиться самому, учить и воспитывать других, организовывать бой и управлять им.

За это время я прошёл сотни километров фронтовых дорог, пережил много лишений, провёл сотни бессонных ночей, испытал голод и холод (за всю войну ни одну ночь не спал в жилых помещениях, если не считать землянки).

За время войны принимал участие и в наступлении и в обороне, в разведке и охранении. Не раз видел, как гибли боевые друзья и товарищи, не раз жизнь висела на волоске. Несмотря на это старался сделать всё, чтобы своевременно и лучше выполнить приказ командира, тем самым приблизить победу Советской Армии над немецко-фашистскими захватчиками.

Проза. Поэзия

Мария Размыслова

Мария Михайловна Размыслова родилась в 1992 году в п. Ярега. Студентка Сыктывкарского государственного университета, факультет иностранных языков. Стихи печатались в коллективных сборниках Сыктывкара, Петрозаводска, Екатеринбурга, альманахах «Белый бор» и «Перекличка», в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Юность» и «Встречи» (Чита). Автор сборника стихов «Без четверти восход». Живёт в Сыктывкаре.

Флаги под дождём

Воспоминание

Ты узнаёшь городок этот послевоенный?
Май. Озорница-чёрёмуха лезет в окно.
Дробью — звонок. С ним вливается в школьные стены
Голос Марлен, неразлучный с немецким кино.

Вновь, с саксофоном не сладив, хрипит радиола.
Туфли беспечных подружек мелькают легко...
Как этот танец далёк ещё от рок-н-ролла,
Что рок-н-ролл! — и до твиста ему далеко...

Мальчик, взращённый на «хэви», — тебе ли понять их
В эру неистовых ритмов и яростных нот?
Кто нам они — эти ангелы в ситцевых платьях?
Просто девчонки танцуют трофеиный фокстрот.

Новое время скupo на счастливые шансы.
Музыка вряд ли сорвёт с нас остатки оков.
Встань же, взглянись — может, в этом бесхитростном танце
Кроются все рок-н-роллы грядущих веков...

Зоревая

Низко щурится Хорсово око,
А заря уж сошла.
На простёртой руке её — сокол
Расправляет крыла.

Не заря огневая над градом
Подняла рукава —
То молящие я к тебе, ладо,
Обращаю слова:

— И далёко же, свет мой, пристала
Твоя верная рать!
Скоро мира тебе станет мало,
Чтоб в руке удержать.

Знаю, знаю, ты многих бесстрашней,
Нравом ты горячей, —
Но неужто царьградские башни
Краше милых очей?

Для чего ты покинул подругу,
Не послушал меня?..

· · · · ·
Мнится: где-то во мгле, ближе к югу,
Конь твой ходит по тёмному лугу,
Стременами звеня.

Серенада

Волны тугой строки
Молча на лист легли.
Жги же черновики,
Будто бы корабли!
Жди! Вот и полночь твоя
Трижды стучит в окно:
— Кто это?
— Это я,
Мы же знакомы давно...

Вот её дом, как встарь.
Добрый неяркий свет.
Здесь старичок-фонарь
Снова кивнёт тебе вслед.

Будет он, грусть тая,
 Слушать ночную дрожь:
 — Кто это?
 — Это я,
 Разве не узнаёшь?..

Тихо. Балкон. Порог.
 Неколебимый покой.
 Хоть бы один цветок,
 Брошенный лёгкой рукой!..
 В комнате спит рояль,
 Царственный чёрный зверь.
 — Кто это?
 — Это я,
 Слышишь? Открой же дверь!

Отзвуки серенад
 Полнят стенной провал.
 В горле — почти наугад
 Выбранные слова.
 Сердце толкнёт в края
 Сжавшейся пустоты...
 — Кто это?
 — Это я.
 — Кто это?
 — Это... ты.

Три книги

Женщина, хранящая молчанье,
 Направляет в бег веретено.
 Бесконечно, словно ожиданье,
 Гладко, точно море, полотно.

Женщина выискивает травы,
 Чтоб постигнуть тайну Семерых.
 Полнолуния святое право —
 Полный кубок зелья на двоих.

Женщина пролистывает память,
 Ворошит золу своей тоски.
 Между обгоревшими листами
 Шелестят сухие лепестки.

...Это я! — в шальном чужом веселье
Взглядом разведу враждебный круг
И, в разгаре пиршества и хмеля,
Протяну тебе тяжёлый лук.

Это я! — услышав в звёздном хоре
Маятник движения планет,
Выйду в бурю к северному морю,
Где вот-вот покажется корвет.

Это я! — забыв неудержимо
Платье, дом, заветную тетрадь,
Оседлаю швабру, — и, незрима,
Вылечу в окно — тебя искать!

Так отвесть мне — есть хоть капля толку
В этакой наивной ворожбе?
...Слишком много книг стоит на полке,
Слишком много мыслей о тебе.

Флаги под дождём

Коль больше б верили дождям,
Глядишь, и стало проще бы.
...Расколотую пополам,
Представь толпу на площади.

Кто первым начал весь сыр-бор,
Не стоило и спрашивать,
Пока не разразился спор:
Как флаги перекрашивать?!

Пошло накропывать сперва,
И далее, и далее...
А там и мирные слова
Переросли в баталию.

Не слыша шороха дождя,
Срывая глотки, спорили,
Уже от флага перейдя
К культуре и истории...

Делили честь былых времён
 И дедовские подвиги...
 А с намокающих знамён
 Стекала краска под ноги.

Иной взывал: «Чего мы ждём?
 Очнитесь! Что наделали?!»
 ...А флаги мокли под дождём
 И вскоре стали — белыми.

Сонет творчества

Сквозь призму белоснежного листа
 Мы разглядим сияющие краски,
 И прорастёт зерном счастливой сказки
 Бумажная немая пустота.

Мы толпы нот расставим по местам
 В том хаосе, беспомощном и вязком,
 Где Музы носят на глазах повязки,
 Пока их не срывает Красота.

Не рассекаем чёрное под белым,
 Не ищем части в безупречно целом, —
 Мечом пера и зоркой кистью мы

Не рушим свод законов мирозданья,
 Но от холодной и безгласной тьмы
 Лишь отделяем чистый свет познанья!

Незнакомка

Вы скучаете долгими днями
 В строгой комнате в стиле хай-тек.
 О, какими же Вас ветрами
 Занесло в этот смутный век?

Так нелепо и одиноко
 От забот пытаешься уйти,
 Вы отбросите томик Блока,
 Чтобы снова пропасть в Сети.

Ах, давно Вам не шлют сонетов
С восхищением в каждой строфе! —
Все знакомые Ваши поэты
Ловят Муз по ночным кафе...

Может, вам не даёт покоя
Та изысканно-нервная речь?
Вы бросаетесь в Сеть с головою.
Как легко Вас туда увлечь!..

Но, как цену своих желаний,
Вы поймайте сквозь времени бег
Мой смешной букет из посланий,
Запоздавших... на целый век.

Афродита

И было утро. И древний песок
Был в этот час обольстительно юным,
Как под прекрасные ноги ей лёг
В смуглом июне...

Вздрогнешь ли там, за крикливой толпой,
Спинами стиснутый, — вспомнишь ли ныне,
Как из прибоя воздушной стопой
Вышла богиня?

Нет, не услышишь. У храмовых стен
Сотни сограждан галдят, как на рынке.
Рядом беззлобно блажит Диоген.
Всё по старинке.

Где-то нагой силуэт на волне
Таёт одной из отвергнутых истин...
— Что же ты плачешь от счастья во сне
В поисках кисти?

Анна Чалышева

Анна Александровна Чалышева родилась в 1993 году в г. Шуя Ивановской области. Учится в Сыктывкарском государственном университете. Публиковалась в коллективном сборнике «Стихия», альманахах «Сыктывкар», «Белый бор», журналах «Встречи» (Чита), «Литературная учёба», «Юность», газете «Российский писатель». Автор сборников стихов «Дыхание» и «Письмо из апреля». Лауреат литературной премии имени Антона Дельвига. Живёт в Сыктывкаре.

Благослови тебя Господь

Выше

Не дрожи, слышишь, не греши этим —
И летай выше, раз в крови ветер,
И дыши чаще, раз звезда в теме,
Бог простит падших — Он всегда в теме.

Выходи смело, рассекай мили —
Не всегда в белом те, кому — крылья
Он даёт вместо всей земной доли
Только тем честным, кто хлебнул боли,

Не щадил крови и не знал меры,
Не жалел дровен для костров веры,
И стирал ноги на дорог ленте —
Он в своём блоге нас теперь френдит.

Так бери выше и не жди лиха —
Разве Он слышит, если звать тихо?
Так стреляй метко, раз зарёй мечен —
И люби редко, но зато — вечно.

Собери волю, поменяй кожу —
Я привык к боли, значит, ты — тоже.
Подави жалость, призови стаю —
Бог простит наглость, Он же нас знает...

Благослови тебя Господь

Благослови тебя Господь
За всё, что в сердце отзывалось,
За всё, что билось, снилось, рвалось,
За всё, что мне не побороть.

Благослови за каждый взор,
Пускай не на меня он брошен,
За всё, что есть и было в прошлом,
За всё, что будет с этих пор.

За каждый вдох — благослови!
За каждый шаг, за каждый атом,
За то, что я с тобой крылата,
За всё бессилие любви.

За душу, сердце, кровь и плоть,
За всё, что зrimо и незримо,
За всё, что есть в тебе, любимый,
Благослови тебя Господь!

О том, что мы не ангелы с тобой,
Давно я знаю — и не понаслышике.
Нас Гавриил не звал своей трубой,
Мы не взлетали вверх с пожарной вышки.

В небесных мы не числимся войсках,
И нимбов нет у нас над головами,
На высоте мы чувствуем лишь страх,
И перья здесь оставлены не нами.

Мы не спускаемся на землю с вышины,
И только в горе шепчем мы: «О боже!»
В хранители мы тоже не годны —
Мы и себе помочь порой не можем.

Так почему же, если ты со мной,
Мне в небо заглянуть подчас так сладко,
И крылья чую я всем сердцем — за спиной —
И кожей воспалённой на лопатках?

И мы стоим на верхнем этаже,
 И смотрим вдаль с отчаянной надеждой...
 Быть может, мы — крылатые в душе?
 Быть может, мы летали где-то прежде?

Тишина

Однажды, пробудившись ото сна,
 Ты вдруг поймёшь, почуяв запах крови:
 Нет ничего страшней, чем тишина,
 Сокрытая за мраком послесловий.

Последний лист — кончается роман,
 И губы полюбившихся героев
 Немеют. Это всё — самообман.
 Огонь пожрёт стенающую Трою,

Данайцы ждут — дары принесены,
 И выживших останется немного...
 Последние страницы прочтены,
 Мы все — немые жертвы эпилога,

И наш удел — терять черты лица,
 А двери затворяются со скрипом:
 Бог скоро дочитает до конца,
 И ты уйдёшь, оставив свой постскриптум,

В объятья безвозмездной вышины,
 Оставив непрочитанные ночи...
 Нет ничего страшнее тишины,
 Таящейся за тенью многоточий.

Я люблю смотреться в глаза мужчин,
 Потому что зеркал боюсь.
 У меня сегодня есть сто причин
 Обещать, что тебе приснюсь.

Я люблю опьянённый рассветом взгляд
 И прохладу солёных губ.
 Быть счастливым легко — приготовлю салат...
 Лучше я приготовлю суп.

А потом мы с тобой этот суп съедим
Из тарелки одной большой.
Эти пару мгновений до встречи с Ним
Я хочу провести с тобой.

Я играю с судьбой в пятнашки,
Затираю любовь до дыр.
Белый ворот твоей рубашки
Заменяет мне целый мир.

Пазл жизни ещё не сложен,
И не буду пока спешить...
След от крыльев на смуглой коже —
Будто оттиск твоей души.

Пусть люблю я не тех и редко,
Но любовь моя — глубока.
И останется на салфетке
След от губ моих на века.

Я не верю, что мир потерян
Или Богом твоим забыт...
Слышишь, кто-то стучится в двери?...
Это — сердце моё стучит.

Мне остаются одни наречья —
Только они выражают чувства.
Ты мне сказал, что ничто не вечно —
Стало тотчас же предельно пусто.

Я не люблю — я плююсь стихами.
Я не зову — я кричу и вою.
Боль моя странная не стихает,
Я не жива — но живу тобою.

Мне остаётся — смотреть и видеть,
Как умирают остатки света.
Я не могу тебя ненавидеть...
Я ненавижу тебя за это!

Юрий Екишев

Юрий Анатольевич Екишев (родился 6 апреля 1964 г. в Сыктывкаре) — современный писатель, драматург и сценарист, математик, политический и религиозный деятель. Занимается литературным творчеством с 1989 года. Сферой его деятельности до середины 1990-х гг. были переводы и подготовка к изданию православной литературы на коми языке. В 1996 году Ю. А. Екишев опубликовал повесть «Под защитой» в журнале «Континент», которая принесла ему известность общероссийского масштаба. В 1997 году журнал «Континент» (Париж) принял к публикации серию очерков Ю. А. Екишева о Коми крае «На краю Российской земли», где молодой писатель раскрыл себя как талантливый публицист. Начиная с 1997 года, Ю. А. Екишев активно публикуется в

журнале «Арт». Успех первого номера журнала во многом связан с публикацией киноповести «Родивший андел» (Ангел рода), сопровождавшейся предисловием известного русского кинорежиссёра А. Сокурова. С 1998 г. в журнале были опубликованы: повесть «Люди Твоя», роман «По глаголу Твоему съ миромъ, по закону Твоему с любовью» с приложениями в виде пьес «Борик, Витик и Хиппи», «Один только знак», «Давид и Авессага» (Арт, 1998–2000), «Дыхание ветра». В 2002 году в г. Сыктывкаре отдельным изданием вышел сборник произведений Ю. А. Екишева «О любви от третьего лица», в который вошли лучшие его повести и роман. В 2008 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Россия в неволе».

Записки о семейной рыбалке

(Из книги «Наскальные рисунки»)

Начало в № № 3 и 4 2014 г., № 1 2015 года

...

Дядя Миша Бажуков и дядя Толя Цветков тоже ходили с нами в Катыд. Рыбалка и дядя Миша — это вообще отдельная история невезения и поклёвок крупной рыбы, драматической борьбы и сходов, матерков вдогонку и ярких восклицаний. Первые три года, сколько ни брал папка дядю Мишу на Поингу — тот не мог ничего поймать стоящего, будто заколдованный, заговорённый, проигранный. Потом мало-помалу разошёлся. Здесь, в Катыде, однажды привалило и ему крупно — с папкиной помощью он поднял на бону такую щучину, что они оба потом несколько раз мне рассказывали, как думали, что тянут топляк, действовали потому довольно небрежно, как топляк этот в конце концов, у самой боны ожил и как они, два мужика, еле втащили щуку на бону и тут же в азарте и страхе — дядя Миша принялся колотить её (подсаку пришёл конец). Всё это я помню в чёрно-серых вечерних тонах, чуть дождливых и тоскливых (как всякий

мелкий дождь на реке) — я сам этого не видел, был в это время в лагере, метрах в пятидесяти от происходившего — возможно, даже спал, и только утром увидел щуку, её холодный, сталистый бок, зеленоватое, в каких-то дырочках, будто от заклёпок на подлодке, рыло — и свою тайную ревность: как так, дядя Миша ведь пошёл с нами, почему это именно ему так повезло? Он же просто присоединился к нашему с папкой походу — и вот уже он главный герой, и это его щука лежит уже поперёк всего стола в деревне дома, тускло отливая чёрно-серой чешуёй, подтверждавшей своей броневой танковой мощью его рассказ, адресованный жене, тёте Лизе, и бабушке:

— А она, гад, идёт, слышь, будто топляк... Я и тяну её, гад, буром!

Что ж, сегодня у нас с папкой роли второго плана — ничего не попишешь, и так бывает, хотя всегда хочется быть первым.

Дяде Толе, насколько я помню, в Катыде что-то не понравилось — то ли показалось не так уютно, то ли не хватало того размаха, с которым мы «накосили» лещей в Кёджуле. Мы испробовали всё: кроме продольников с бояны накидали ещё и донок на всю длину песчаной косы, и сплавали на плоту на тот берег, к устью Вежа-ты половить ляпок на удочку — всё показалось не то. И мы снялись. И поплыли домой на двух плотах.

Что было в Катыде просто замечательно и неоценимо (для тех, кто понимает) — это то, что село было ниже по течению, километрах в пяти-шести. И обратная дорога представляла собой сущее удовольствие — плыви себе на плоту или на лодочке — течение-то несёт тебя и весь груз само — ни тебе усталости, ни сбитых и мокрых ног, ни комаров, ни мошки на ровном речном обдуве — благодать, да и только!.. Хочешь — спиннинг кидай, хочешь загорай, болтай ногами в тёпленькой воде да глазей по сторонам.

И я был радостен — всё же домой, на отдых, это хорошо, и огорчён — мало поймали, это плохо. Это из моей, часто повторяемой дорожной шутки, раскладывавшей все моменты чьего-то путешествия и нашего с папкой тоже на составные. Помню фрагмент: «Я прыгнул с парашютом, это хорошо, но парашют не раскрылся, это плохо. Я упал мимо вил, это хорошо, но и мимо стога — это плохо... — и так, враскачу, проходили и проходили мгновения от дома до реки, становясь лёгкими и бодрыми вместе с папкиным сильным повторением: мимо вил... этто хорошо!.. и мимо стога... этто плохо!

И сейчас, когда наши плоты отчалили, всё было так же радужно поделено на простые цвета: у нас кончились (стухли, считай, подмоченные горе-рыбаками) черви — этто плохо! Но ещё остался хлеб, карамельки в пробитых кое-где повидлом обёртках — этто хорошо! Вот уже и Ягдор, первую с конца вотчинскую деревню, проплыли, с её белесыми утёсами, изрытыми вешней водой наподобие крымских гротов — это хорошо... И за холмами уже видна церковь, а значит, за ней дом, но мы почему-то, не доплыv до спуска к пекарне, останавливаемся на том берегу — это странно... Хотя мои мысли почти всегда были о рыбалке, и я уже мысленно прикидывал, сколько времени нам надо на отдых, и куда потом решат пойти взрослые — в Кёджул или на Поингу — и от этого зависело, возьмут ли меня или оставят... Конфеты вприхлёбку с речной водой закончились, мы плывли, кайфова-

ли, кончался июль (всё-таки просто замечательно, что и в июле, и в августе — по тридцать одному дню, жаль, не по сто тридцать одному) — и на тебе! — остановка! Зачем, почему? До дома уже рукой подать — вон уже на том берегу мой бережок, может, отпроситься, пойти одному? Так червей нет, и мы пристаём почти напротив, где также не очень глубоко, торчит под плотами травка, и не слишком быстрое течение шевелит её — всё почти как в Катыде, как везде, чем же здесь лучше? Вон и стук топоров слышен из деревни, и далёкий с продолжительным чиханием запуск трактора: ап-чхи-хи-хи-хи... — тр-р-р-р-р!..

Вот мы какие-то странные рыбаки — там, в Катыде, извели всю насадку на мелочь и просто растряжерили, а тут, у всего села на виду — закидываем донки посреди бела дня и насаживаем (ну если кто увидит — точно засмеёт) — порезанные на крупные кубики корки от белого хлеба. Это было папкино предложение. И я с недоверием и долей байроновской иронии смотрел на это безнадёжнейшее дело — это не просто плохо, а сверх плохо, это, наконец, отчаяние что ли какое-то — ловить посреди дня на хлебные корки?! Это блажь. Ну и пусть блажат наши загорелые отпускники, я-то настоящий таёжник, не боюсь ничего второстепенного — знаю, что делать. Займусь-ка я костром и чаем. Чай с хлебом (без конфет, увы... А, блин! Ура, где-то в кармане я же запрятал в фольге кусок «Сказок Пушкина», плитку которых мне сунула добрейшая тётя Эмма — это не просто хорошо, а лучше не бывает! Так, блёсны в старой, порыжевшей от ржавчины рогожке, за ними — банка с чаем, баночка со специями — лаврушка, перец горошком, и — есть! Шоколадка, роскошь, наслаждение — почему они все с шипящими шампанскими буквами — «ж», «ш» — этто хорош-шо!»)

Чай готов — чуть в глубине нашлась и смородина, и даже пара кустиков северной, ароматнейшей, редкой ежевики — тоже «ж» — хотя есть ведь и жимолость, с виду хорошая, а на вкус неожиданно влажно-горькая (хотя, дядя Миша обожает: горсть в рот — «Ах ты, гад, вкусно!»), а на вид как крупная голубика — поди разберись...

Пью чай, зову их — идём! всё готово! А они всё что-то возятся, настраивают колокольчики — ну что они выдумали, вот он, за углом, ленивый взгорок — подъём к дому, что может клюнуть на такую насадку и в таком месте?

Ну, не поймали ничего стоящего, давайте отдохнём, искупаемся как следует — женщины нас поймут, да и много ли они разбираются в рыбалке? Отдадим им все наши хвосты, а завтра ещё поймаем, хороший план, а? А как сейчас хорошо утонуть в мягкой постельке — это тебе не стог с вилами! Я даже не стал доставать сложенный вместе с удочками в чехол подсак, хотя это как бы негласно была моя обязанность — к чему? Глупости, счёл я. И зря.

Папка с дядей Толей, наконец, поднялись ко мне на берег попить чайку. Гришка бегал где-то по лесу, стараясь насшибать хотя бы грибов: маслят да красноголовиков. И тут у нас на глазах произошло чудо. Можно, наверное, нарисовать два кадра: как мы втроём сидим на бревне, как на Востоке, попивая чай — и в какой-то миг одновременно поворачиваем головы в одном направлении — на требовательный звон большого колокольчика... И вторая картина: как через секунду нас там уже нет — мы слетаем вниз к донкам (я всё ещё не

веря своим глазам) — да, так и есть, одна из донок теперь превратилась в поле битвы.

— Подсак, — требует у меня папка. — Подсак!

Я наконец, сообразил, что дело серьёзно, взлетел обратно к костру, к вещам, и стал лихорадочно вытряхивать из брезентового узкого чехла, как нарочно, как назло сцепившиеся друг с другом и подсак, и сложенные удочки, и спиннинг. И стал действовать резко, и от этого быстрота не возросла, а только упала.

Папка уже грозно требовал:

— Где подсак, е-мать?! Ну что там возишься, уйдёт ведь??!

Наконец, на берег вполз дядя Толя и быстро снизу, опираясь локтями на дёрн, а сам лёжа животом на песчаной осыпи, помог мне. Я мигом всё свинтил, сунул ему — он в доли секунды умчался вниз к папке — их двое, больше не надо.

И тут я увидел сверху эту восхитительнейшую для рыбака картину: папка осторожно, не подтягивая раньше времени, ожидая нашей помощи, водит огромную бронзовую рыбину — да не язь, а язище... И солнце сверху, чуть из-за спины, пронизывает и спокойную, не поддающуюся лёгкому ветру, тоже отсвечивающую позолотой речную воду — а в толще её то, что я мог видеть только в самых сладких зимних мечтах о рыббалке: чудо-рыба, вот-вот заговорящая с нами о наших желаниях, упустишь которую — и привет!

Дядя Толя залез по колено в воду, в траву, и встал наизготовку с подсаком в позе ожидающего за деревом богатого улова разбойника. И папка стал осторожно, где-то приговаривая, где-то поругиваясь — подтягивать, поднимать рыбину. Вот она рядом, взмах подсака, мимо, короткое ругательство, ещё взмах — бултых! — и рыба уже внутри сетки — наша, уф!

Вот тебе и невзрачный берег, и поход около деревни, вот тебе и смешная насадка! Корки... Это не корки — это опыт, чутьё, которые ещё никто не отменял — это будто какой-то отклик природы на папкину выраженную так постоянно действующую мысль о рыбе, о рыббалке — более острую, чем мою, более изощрённую, totally прощупывающую всё подряд (а не только так, как я — пойдём завтра, встанем там, где удобней, закинем, где обычно и все ловят...).

И этот язь-язило — будто фактическое воплощение папкиного постоянного желания, его знания мира, его устроения, его доброго устроения — того, что хорошо бывает совсем в неожиданном месте...

Да-а, не только бабы — я-то, молодой рыбак, оказывается ещё мало знаю о рыббалке — как она достаётся, рыбка-то, и в каких местах водится...

Где-то в будущем для меня от этого момента с язем, клонувшем на кусок корки — от этой вешки — и рок-слушание (со слабым, интуитивно-вообразительным восприятием текстов: «Пинк Флойд» — «вселенская грусть о том, как нам тебя не хватает, неизвестно кто...» (о Сиде Баретте — я ни сном, ни духом), Рик Вейкман, раз о Короле Артуре, значит — «об утрате, о благородстве, об идеалах...» — и англичанка, соседка сверху: ах, ах!), напоминавшее медленное перебирание рыбиной всякой всячины (Queen — не то, Машина — совсем не то, E.L.O. — может быть, может быть, Alice Cooper — сначала да, но всё же нет, Beatles — нет, однозначно, с Rolling'ами впридачу, Deep Purple — скорее да, чем нет, но только поздний, Black Sabbath, Ozzy Osbourne — так, приколоться на

минутку, Rainbow — где-то ближе к да, ну и так далее, и так далее, танец с девушкой под двадцатиминутный медляк — «Meddle»...) и студенческие скитания по возвышенным задворкам (закрытый, едва в щёлку доступный, ещё тишиший Донской монастырь, маленькая кофейня вглубь от Невского напротив памятника Екатерине, полупустой «Иллюзион» на ретроспективном показе и рядом — набережная Яузы, кое-где ограждение ещё сломано, ряды заброшенных домов, коммуналки в дворах-колодцах на Лиговке и друзья, слетающиеся на миг, на зов — встретиться, съехаться из разных городов — и под конъяк поиграть в преф, поругаться с записывающим — и разойтись), уже совсем рядом от того, катыдского меня-мальчишки — разъезды по всей стране, по математическим олимпиадам. Дальше — по всему миру. И — неизменное возвращение сюда, в неповторимый мир, меняющийся незаметно и никогда не возвращающийся в прежнее состояние. Ещё впереди для меня — литературные опыты, связь со словом, действие, связанное с постижением правды, воля, отсекающая лишнее, вера, как предпоследнее, что может закончиться перед некончающейся любовью, переживающая и надежду, и волю, и мечты, и внутренние терзания. И как некий промежуток на этом пути, передышка, привал — тюрьма, сны о реке, отец с мамкой в этих снах, река, в повторяющихся и новых измерениях, тепло и радость этих желанных снов, говорящих о вечнозеленой жизни — где всё лучшее, к чему привыкла, и что приняла душа, и в чём растворилась.

Убогость этих записок — как убогость пасхальной живописи: мы были, мы любили, мы ловили рыбу и отдавали её любимым, мы делились со своими близкими (проходившими через нашу жизнь) этой вечностью, сладкой и неутоляющей жажды, мы отделяли часть немощным старикам-соседям со слезящимися и оттого обведёнными снизу розовым, глазами, от которых уже пахнет их детством, которые уже не в состоянии даже дойти до косогора над рекой, где раньше стояла берёзовая роща (в моём детстве — три покосившихся, покарябанных, полуживых берёзы), а скорее — ни одного дерева и пеньки-остатки скошенной скамейки, на которую они каждый вечер приходили посмотреть вдаль, за реку, вспомнить, как было здесь раньше (пусть тяжелей, но лучше, чем сейчас), как выходили любоваться мощной игрой крупной рыбы на закате, дробной россыпью прыскающей рыбьей мелочи на мели, отдахающей от дневного гама шумной многочисленной деревенской ребятни, также врассыпную кидающейся от всплеска одуревшего от жары и кинувшегося в воду топориком проходившего мимо дядьки, сплавщика или пастуха... Они выходили на берег на эту лавочку посидеть молча, повздыхать, помахать нам, нашему рыбакскому костру, находящемуся для них на том, желанном и недосягаемом берегу.

Какой смысл в этой наскальной живописи? И в этой наскальной литературе? Они были, охотились, и это было прекрасно — красивые быки и медведи кидались на коричневого червяка-человечка с копьём, который то воевал, то плыл по реке — и, в основном, побеждал. Это история их побед, их праздников — наших небогатых словесно предков.

И сегодня я радуюсь самой весёлой радостной сути мироздания. Как бы человек ни возносился (в своих псевдознаниях о самом себе), что с веками он изменил-

ся — я вижу, что стало лишь больше в его наборе подпорок и костылей, за которые променяно много, слишком много, считая возрастающий неограниченный комфорт неким безусловным, необсуждаемым благом. Я к этому не готов. Мир, река, любовь, сплетшиеся воедино, отцовская забота и ласка, его дух, привитый мне, переданный по наследству вместе с его миром, к которому я тянусь отовсюду — из-за школьной парты, из круга друзей, засевших за «Монополию», из душевных объятий Америки, от розово-кружевного соблазнительно-пенного наряда весенней Франции, от готически-сумрачной гармонии Германии, из гранитно-соснового, почти, почти такого же туристического расклада Финляндии — от другого состава воздуха, от других, не таких уютных, усмирённых рек, от отсутствия своего клочка земли, вращающейся вокруг чего-то прекрасно-неизменного (как наша обветшавшая, старая, обжитая по верху разрушающими её кладку кустами и рябинками церковь) — сюда. Куда я никого не зову, кроме друзей.

Это, скорее, как веточка, положенная охотником на тропинке: я там был, и там делать нечего — разговор с понимающим, таким же, как ты: иди другой дорогой, своей картой, повторения слабы и никчемны, братишка — ведь мы же не китайцы, радующиеся практической стороне своего улова, мы не живём, как негры, племенным сознанием блага своей затерянной в джунглях соломенной деревеньки... — наш белый свет другой, у каждого свой, в котором он вырос весь, выкупался, и, возможно, мог бы раствориться, лечь где-то рядом со своим отцом под простым деревянным крестиком — читимый и поминаемый своим кругом какое-то время, надеюсь.

Мир поделен охотниками, и настоящие — не бегают толпами, избегая даже случайных встреч, зная друг о друге по оставленным, уже остывшим следам и умеющим читать мысли друг друга.

Глава 15. Поинга, начало

Поначалу, в глубоком детстве, меня не брали на Поингу, и я не обижался, не протестовал, не дул грибами губы — воспринимал это как должное — раз отец отправился туда — жди чего-нибудь необычного, серьёзного, весомого — ведь даже само название звучало для меня сказочно-заманчиво, затаённо: Поинга — и звонко, и по-журавлиному остро, щемящее-завораживающее, как имя девушки, только-только созревшей к первому свиданию.

Даже маму отец редко брал с собой, потому что это было по-таёжному трудно — это тебе не умиротворённые просторы по-шишкински легко раскинувшегося Кёджула, где всё устоялось, где комаров отдувает вольным ветром, где в любой момент залез в палатку — и отдохнул от их настырности, надо только вымести их, производя шум-гам парочкой веников и быстро застегнуть непослушный проржавевший замок, да тщательно заткнуть нижние щели в ногах — а уж они пусть поют снаружи, и всё же если три-четыре и прорвётся внутрь, проникнет через незамеченную дырочку у колышка — то на них можно поохотиться, дождавшись только, когда они начнут, осторожно примериваясь, холодить твой лоб прикосновениями лапок и ветерком крыльев — хлоп на ощупь! — есть!.. Не надо только прижиматься к брезентовому полотнищу — прокусят...

На сумрачной васнецовско-серовской Поинге не так. Это коренная тайга. Там нужно терпеть и иных, неотвязных, собранных в мамаевы орды комаров, и постоянную влагу-сырость (трава с тебя ростом редко бывает сухой), и постоянную необходимость двигаться с места на место, и неудобство то сплошняком заросших шиповником, мелким ивняком топких берегов, то их скользкую, утыканную пластами погребённых топляков торфяно-глинистую крутизну... Это мне только предстояло — дикая свежесть нетронутой таёжной травы, режущая ноздри чем-то совсем иным, чем околодеревенские покосы — зверино-грозным ароматом свободы, тоже превышающей размеры человека.

Пока что я довольствовался рассказами, скажем, такими, как папин друг детства Тикон Коля раз закинул с одного мыска в большой, глубокий, медленно вращающий листья и всякий сор омут крюк с миллиметровой жилкой. И клюнула такая щука, что он изрезал себе все руки, но вытащить не смог, оборвал леску.

В другой раз папка вдвоём с мамой рассказывали, как однажды перед грозой, уже на другой яме — кормили такую же огроменную сказочно-хитрюшую щуку. Мама ловила чуть в стороне, на течении, на плёсе, крупных ельцов и бегала с котелком к папке. А он прямо у неё на глазах насаживал ельца на тройники крюка и пускал с оснасточкой в омут. И неизменно следовал огромный, тихий бурун, негромкий всплеск мелькающей тяжёлым боком хищницы, которая утягивала леску вглубь с коротким всхлюпом покорно тонувшего большого пробкового поплавка. Хоть она и брала наживку, но, видно, была очень опытной и зоркой — хватала мимо тройников, аккурат поперёк, или за голову, или откусывала половинку рыбки — и папка никак не мог её подсечь. Он и давал ей время до второй потяжки, и рвал крюк сразу на себя, как только следовала поклёвка — без толку...

И тут как раз надвинулась сильнейшая гроза — папка с мамкой, скормив этой заговорённой щучице штук двадцать ельцов, вынуждены были спрятаться от ливня под ёлкой. А после грозы она уже не стала брать: кто его знает — ушла ли, притомилась, а может, всё-таки накололась на крючок в какой-то момент и решила — хватит, наелась...

Вот такая рыба, такие места меня манили, играли моим воображением. Всё это подогревалось косвенными обстоятельствами: однажды, направляясь в ближний лес то ли по ягоды, то ли по грибы, мы с папкой у забора повстречали соседского дядю Ваню, папкиного двоюродного брата, сына деда Александра. Он нёс огромную щуку, вскинув её за голову на плечо — почти до земли. Отец поинтересовался — «Здоров, Ваня! Откуда, с Поинги?» И дядя Ваня широко улыбнулся — «Ага, оттуда». Он пожал руку папке, потом мне — вернее, моя рука утонула в его широченной мягкой лапице с сапёрную лопатку. Пока мужики закурили «Беломор» и обменивались простыми, нехитрыми фразами, я боролся с противоречиво колыхнувшимися во мне вместе с радостью и тягой к родному доброму дяде Ване, как муть со дна — притаёнными ревностью и лёгкой рыбацкой завистью: а эта щука, пойди мы на Поингу, могла быть нашей... (я ещё не представлял себе её более чем стокилометровых петляний и кружений по таёжным просторам).

Ведь Поинга — исконно наши места, давно обжитые папкой, мамкой (будто застолбленные, что ли, за нами, как месторождения на Клондайке...)

В чём-то я был и не так далёк от истины — Поинга, приближаясь с востока, течёт затем километрах в пяти-шести от Вотчи, параллельно ей, сворачивая потом на северо-запад, к устью. И там, в её ближнем к нам течении, издавна были наши коренные сенокосные угодья.

К Поинге от Вотчи шло несколько дорог (сейчас сохранилось две): от середины села, прячась в лугах, шёл Поска-туй, нырявший в тайгу там, где начинался долгий-долгий спуск по влажному ручьёвому песку, устеленному поперёк в самых сложных для проезда местах деревянными плахами, наподобие мостков; и от конца Вотчи, от Ягдора, тоже была дорога — спуск в поинскую котловину, подходившая к речке выше по течению. Раньше была ещё дорога в низовья для вывозки леса из-за Поинги, но она была доступна лишь зимой, когда замерзали топи — и её забросили (никто по ней, кроме меня, заблудшего, да лосей, не ходил, но это гораздо позже). Там, в нижнем течении Поинги, стоял забор, отделявший наши, вотчинские (теперь ничьи пока) угодья, от межадорских (эти упорно косят до сих пор).

Хозяйственный этот передел коснулся меня мало — ведь папка давно уже, с 14 лет, перебрался сначала в Воркуту, в горный техникум, а потом так и остался в городе, но он каждое лето ещё помогал деду косить эти луга, густо заросшие жёсткой (на мой взгляд, малосъедобной, не очень вкусной для коров) листвянной травой, расположенные вдоль поймы реки. А было время — в нещадную жару лазали тут с серпами (косы не годились) между кочками по пояс величиной, и резали эту непослушную травяную жесть, выкашивали всё от и до...

С уменьшением деревни пыл поугас, силёнок поубавилось — стали на эти охваченные с двух сторон лесом неширокие пойменные поингские луга водить телят на лето — нагуливать вес. Вот это я помню лучше: пастуха, маленьского, сморщенного, вечно улыбчивого Жеч Валерьяна с его странностями: он жил на реке, но не ел рыбу, только мясо. И волки периодическирезали у него телят. И однажды, помню злой деревенский разговор. Вечно недовольный начальством, особенно из приезжих, неместных — с явным сочувствием к Жеч Валерьяну, как он зашёл в контору сказать директору о потерянных телятах, вечно в одних и тех же будто приросших сапогах-кирзачах, с плёткой в руках — и как вылетел от гневной затрецины кубарем через окно: плёточка, сапоги, голова, плёточка, сапоги, голова... Встал, отряхнулся, продолжая улыбаться... Директором тогда был татарин, раз в пять больше Валерьяна — он ездил по деревне на «Волге», сшивавшейся на один бок под его весом. То место, где волки разодрали телят, я видел. Там потом долго ещё лежали их головы, и суровый заядлый охотник Онись Алексей делал там засаду — подранил самку и взял самца, но выводок с раненой самкой всё же ушёл... Я жалел Валерьяна, что он вынужден так жить — в лучшем из мест на земле, и так и не знаю — западало ли что ему в душу, о чём он думал, уныло объезжая на лошади свои таёжные владения в поисках невесть куда забившихся телят. Я уважал Алексея, деловито, молча отправившегося бить волков, ни на минуту не усомнившегося в жалобах Валерьяна. Мне был понятен

директор, понятен умом, но сердцем я не мог принять такого бесчестного обращения с вольным человеком, который — сразу видно, никогда никому не ответит силой (ну да, съест на пару с кем-нибудь телёнка — так ведь лучше он, чем заберут свою часть волки...)

Всех троих давно уже нет на свете. Да и когда они были живы, я их воспринимал немножко сказочно, карикатурно — да и как можно ходить рядом с сокровищем (Поингой), и жить совсем другими заботами... Хотя Валерьян был мне понятней и ближе, потому что он был ближе к реке.

Всё такое, подобного рода, проходило, проскальзывало в разговорах рядом со мной — и я жадно ловил каждое слово о Поинге, будь то бахвальство какого-нибудь неопохмелённого сплавщика в огромных, небрежно пару раз свёрнутых броднях, весьма самодовольно цыкавшего слюной с табачной, примовской крошкой на пол автовокзала, и авторитетно ронявшего, что Поингу-то он прошёл всю, от и до (и на Поинге, хотя она была совсем малой речкой, навроде набоковской вырицкой Оредежи, вёлся настоящий, непштурочный сплав, вернее, тяжёлое проталкивание через повороты, мели, перекаты, плановых брёвен к по-настоящему сплавной Сысоле — и эти брёвна пачками, многометровыми, похожими на бобровые, плотинами, вставали заторами чуть не на каждом перекате или толпились в медленно кружившем их, усыплявшем, отягчавшем, клонившем к донному сну, омуте, и так уж устланному, как паркетом, чёрными, морёными, источниками короедом, потерянными для всех торпедами-топляками); или кто-то из учёных биохимиков где-нибудь в местной, редкой передаче вдруг возьмёт да и примется рассказывать об обследованиях чистоты воды в реках республики, и в примечаниях к своим выводам, петитом, вскользь промелькнёт, что Поинга — одна из самых чистых; а то в районной газете мелькнёт упоминание о Поинге, посёлке в тайге (закрыт клуб, закрыт магазин, остановлена вывозка...) с тем же, что и речка, названием — а я-то знаю, что это в верховьях, где она ручьём шириной, и это единственное поселение на ней, на моей реке, нарушающее её какую дикость и заповедность...

Я не знаю, да и кто может знать, где я был зачат (хотя при некотором знании математики, можно установить и это, плюс-минус эпсилон-погрешность (примечания в скобочках напоминают осиное гнездо: никогда не знаешь, пусто оно или нет, или что вырвется из его бумажно-серого нутра, как, например, сейчас — школьная арифметика и чуть антропология) в виде недель туда-обратно: раз я родился 6 апреля, значит, где-то в июне-июле... что-то там... Мои дети зачата в городе, это мне установить гораздо проще: сын — в доме через дорогу от того, где мы пережидали ремонт в пригороде, куда папка принёс первую на память крупную стерлядь; дочь — в нашей квартире в городе, в том самом двухэтажном деревянном домишке. Чтоб это установить, мне математика не была нужна, только память, да правило исключений — там не может быть, и там... Да ещё некоторое общепринятое тогда и не изжитое обществом целомудрие, осенявшее любовь и её плоды), но думаю, ещё до рождения, в маминой утробе-постельке я уже прислушивался к этому манящему слову: Поинга — ставшей для меня идеальной рекой.

Конечно, я мог быть задуман и здесь — ведь папка с мамкой воевали с той щукой в грозу, когда ещё меня не было — но это только предположение. А вся соль этого безыскусного путешествия по поворотам и отмелям прошедшей жизни — в том, что это действительно было, а значит, уже записано в книгу жизни так, без прикрас, с летописной, повторяющей мир, точностью — «в лето такое-то на Поинге реце быша...» (с каждым событием, с каждым действием человеческой воли и любви мир обогащается точной памятью, отпечатком этой любви ещё где-то в принимающей её идеальном городе с идеальной рекой) — всё несовершенство этой неидеальной книги в попытке прочитать эту запись мира, может, утрированной, склонной к рыбакским неуёмным приукрашениям — но это вовсе не плод искусства, а попытка осознать уникальное соединение желаний, страхов, любопытства, свободы и выбора — без чего следующий мой шаг в жизни будет ничто.

Дело не в размерах рыб — есть уголки на земле и получше и позаповедней — где всё превращается в банальный, прогнозируемый поход в рыбный, почти бесплатный магазин. Поинга всё же не настолько обильна, чтобы не отказывать никому, чтобы быть одинаково щедрой ко всем желающим — это река, в которой для меня её любовь и красота превосходят её всё же обильные ко мне дары, которые, понятно, и есть её любовь в самых маленьких деталях (всегда очень важных для любящих).

Чем бы я хотел владеть на земле, над чем царствовать, чему отдавать своё (и своей спутницы — любви) время? Ответы на эти детские вопросы для меня ясны — этой рекой, хотя это и невозможно. Хотя она столько раз владела моим воображением и вытесняла из моих мыслей многое и многих, очень многих. Царствовать, владеть — вряд ли удачные слова. Сжиться, быть в пределах постоянной досягаемости, быть спешеным с рекой на живую нитку — да, это другое. Здесь, рядом — можно прожить долго, периодически для выживания выныривая кудато, набрать воздуха, чтоб снова вернуться — вряд ли, конечно, тайга и река могут вместить всю жизнь (кому-то это будет бесконечно скучно) — но вмещая основные, лучшие минуты, она за каждым поворотом, как в лабиринте — может открыть выход туда, в идеальный небесный город. Или открывает, но я ещё не вижу — короче, это не река и тайга, а река и тайга и то, о чём они безмолвно говорят, вернее, молча скрывают. Вот так. Надеюсь, читатель в скобочках, самостоятельно, методом исключения, поймёт, что речь не о тварях, не о мелькающих, перемахивающих единым духом, плоской картинкой, через тропу, огромнейших серо-чёрных неопрятных кляксах (кабана-секачах), не о скачающих и издалека казущихся краем глаза торопящимися сенбернарами (вблизи-то ого-го!) отошавших и ещё не набравших к июню матёrostи молодых медведях, не о злобно рыскающих по людским тропам пиратски-кровожадных росомахах, не о неподвижных, не боящихся в своей броне из жёстких крыльев, орлах-тетеревятниках, не о всплескивающих на перекатах одновременно, будто сыпнули сверху пригоршню крупной дроби, волшебно-разукрашенных хариусах, не о плачущих оставленными детьми волках, не о судорожно-вздрагивающих, когда на них наплываешь из-за поворота, несомый быстрым течением, лосях, суетливо карабкающихся на крутик и ломающихся там дальше, дальше, ещё дальше... — речь о Том, Кто за. Кто

сотворил это всё. Через Кого начало быть то, что начало быть, и что кое-где ещё окончательно не испорчено.

Мои самые первые воспоминания о Поинге довольно смутны, отрывочны, напряжённы (для меня это почти война: постоянное напряжённое ожидание чуда и непрерывная битва с комарами, мошкой, оводами, жарой, тяжёлыми страхами. Не знаю, как воспринимал это отец, я-то для него был гирькой на ногах, обузой, — не размахнёшься особо, когда рядом шестилетний человечек). И непрерывно сказочны. Я уже говорил про ушедшие в прошлое ласковые волны золотой ржи вдоль дороги на Поингу.

Весь день мы ходили с отцом по Поинге. Ловили. На удочку и крюками. Вечер, с его прохладой выходит нещадный комар. И отец ставит передо мной выбор — ночуем на воздухе (читай, на комарах), у костра, или идём в избушку. Туда добираться моим детским шагом около часа, даже срезая по неизвестной мне коренной тропе все повороты и петли реки (я молчу, не говорю отцу о моих страхах — а что будет, если мы потеряем эту тропу, которую он и так еле различает?) Я выбираю избушку — там заведомо меньше комаров, но с другой стороны, завтра этот час мы у себя отнимаем, возвращаясь к нашим снастям, да к тому же там ещё неизвестный мне, загадочный пастух (пока для меня без имени, хотя потом появится и оно — Валерьян), и мало ли что может быть с ним — уйдёт, заперев избушку, или наоборот, достанут флягу водки, и они с папиком загудя-а-а-ат... Но желание отдохнуть от непрерывного зудения комаров (неужто они не чувствуют, что я ещё маленький?! И как это папка их не замечает — спокойно ловит, не шелохнётся...) — побеждает.

Мы идём по густому ночному туману. Отец идёт впереди в нескольких метрах, почти скрываясь в этой белесоватой тихой муте. Я только удивляюсь — как он всё же так уверенно находит дорогу, ведь кругом всё одинаково — перелесок, полянка, трава. А он только смеётся, что может найти здесь дорогу и наощупь — так ему всё въелось наизусть, не хуже его любимой физики (все эти Гуки-Левенгуки, Бойли-Мариотты потом, в школе, солются для меня в одну совершенно неудобопреваримую кашу, а он только посмеивается: вот, смотри, река стала уже — значит, что? течение стало сильнее? Значит, давление воды стало больше или меньше?.. Для меня этот хаос нагромождений излишних знаний так и остался, как Гималаи — далёким и ненужным... А вот река — другое дело. Она — как мы. Задаёт загадки, а потом сыплет подсказками, подталкивая — ну же, ну... Вот на этом длинном травянистом плёсе постоянно клюёт язь... Как его взять?)

Потом уже, когда я вырасту до отцовского возраста и буду водить там своих детей, хоть старая коренная тропа и будет еле-еле угадываться, но зато я научусь её видеть по косвенным подсказкам и признакам: вот урезом идёт вдоль полоса белой травы (по-другому сказать не могу, систематизация и всякие там названия — дудочник, бересклет и так далее — не по моей части, так же, как все птицы просто птички — побольше да поменьше, разумеется, если это не совсем уж выбивающиеся из ряда — утка или совка. Так что это просто белая травка,

такая, вернее, с белыми зонтичными штучками на концах — вот она-то кое-где и обозначала границу дороги), в другом месте — какой-нибудь дальний ориентир, вроде одиноко стоящего дерева, и думаешь — как бы деды здесь пошли-поехали со своими телегами с сеном? Ну, разумеется, мимо этого дерева — слепо идёшь на него, и вдруг — действительно, под ногами старая заросшая колея. Ну и так далее — короче, дух тебя ведёт, а ты только смотри, чтоб не шарахнуться в разные кривулины-загогулины по телячим бестолково вытоптанным стёжкам, повторяющим изгибы реки.

Избушка. Валерьян там. Кислый, странный запах полужилой, полувременной остановки-пристанища. Вытащенные на просушку старые чёрные матрасы. Замызганный столик, освежённый только новой скатертью-газеткой. Картошка с тушёнкой и комарами (при свете малюсенького, оплывшего до фигушки, огарка свечи) — обжигающая горячим жиром рот, нёбо — я голоден, как зверёк. Поскуливающая за порогом Валерьянова безродная псина. Сколотое, заткнутое небрежно бумажкой, маленькое окно. И всё же — комары, вваливающиеся пьяной цыганской гурьбой с каждым открытием двери. И сон, неглубокий, тревожный — что это за человек, поделившийся с нами своим времененным кровом?.. И почему, почему он так улыбается, краешками губ, когда я что-нибудь делаю, неужто считает меня чужаком, горожанином? Хотя рядом — отец, вотчинский от корня (в XVII веке при переписи здесь уже отмечены наши предки — братья Екишевы). И что? Что смешного в том, что я спрашиваю — можно ли куда-нибудь пристроить посушить сапоги? (А папка просто отодвигает груду одежды около печки и вешает бродни.)

Это было во времена, когда в городе потышня вроде меня болела индейскими и индийскими фильмами («А он ему х-эк! А он ему ддызы! А он дррынс по черепушке! А вождь ему шшик — по горлу!..»), когда известный телекомментатор по телевизору (а будто за твоей спиной) кричал: «Да-а!.. Такой удар мог выполнить только Анатолий Фирсов!..», когда старые, полуциркульные автобусы начали сменять какие-то другие, новостильные (и даже в деревню приезжал уважительно, с глубоким придыханием бабушкой Анной называемый «Икариус») — попроще, поэлегантней, попросторней, менее душные... — и так далее, и так далее — но всё это никогда не вспоминалось и не возникало даже тенью там, на Поинге — где были только перекаты и омута, один заманчивей другого — и боязнь потерять реку, отойти от неё хоть на шаг, и — рыбы, красивые, как женщины в вечерних платьях.

На ночь я воткнул свою лёгкую удочку в берег. Поплавок спокойно плавал за полосой травы. День был непростой — клевало средне (у меня всё больше ёрш, гад. Да сорожка.) И мы пошли повыше, к вытоптанному в траве под берёzkами лагерю. Нас трое — я, папка и дядя Миша. Взрослые достали со дна контрабандой от жён пронесённую бутылку и празднуют — отмечают начало сезона на Поинге, который у дяди Миши краток — звонок, пылящая машина — и его уже нет. Так что они — счастливы, а я как всегда — борюсь с комарами, то сяду под самый костёр, то лезу в палатку, весь закашленный, продырямленный, и засыпаю, накрытый

платком, плюнув, устав ловить шпиончиков-комаров, проникающих будто сквозь редь брезента, пробиваемую неверным, пляшущим, тёплым светом костра (читать меня выучили очень рано, и я испортил себе зрение, читая при свете холодного, синеватого телевизионного пламени из соседней комнаты — этот таёжный похож на сполохи телевизионного северного мертвеннего сияния, по сетке — на этот тёплый, успокаивающий, уютно украшенный россыпями искр, умиротворённо сочетающийся и с нетрезвым папкиным папиросным покашливанием и с вспышками радостных возгласов дяди Миши: «Поинга, гад, будто заколдованная, вчера опять...») — и я тону в сонной реке, забыв про своё раздражение на пьющих и их напитки, которым я должен был встретить их, медведями лезущих в палатку, от имени справедливости (хотя бы толкнуть локтем, не объясняя за что — сами знают)... Сплю. Просыпаюсь среди похрапывающих с обоих сторон медведей, заботливо подоткнувших мне под ноги штормовки — как, гад, на них сердиться?.. Пусть мамка с тётий Лидой сердятся. А я такой же, как они! Я мужик.

Спускаемся после чая к берегу. Моя лёгкой двухколенной бамбуковой удочки нет на месте. Что такое? Папка ворчит. Поворчи, поворчи, вот место того, чтоб ночью гоготать у костра, а потом на меня возводить напраслину, что я некрепко закрепил удочку — лучше бы рыбу ловили! Я-то знаю, что свою удочку я закрепил как следует, как рыбак, поинский. Папка пошёл вниз посмотреть следы — что же произошло, не проходил ли кто по целине, по траве, а дядя Миша — вверх по течению. Возвращается папка — ничего. Вдруг за поворотом, куда ушёл дядя Миша, восклицание: — Гад, вот она, на том берегу! Щука, однозначно!

Мы не успеваем к нему подойти, как дядя Миша уже разделся и полез в утренний туман, приподнявшийся уже над другим, попавшим под солнце, берегом — где светится у кустов своим жёлтым светом моя удочка-тростинка. Дядя Миша в несколько взмахов уже там, возится в траве, что-то нащупывает: — Эх, сошла, гад! В траве запуталась...

— Должно быть, ёрш заглотил червя у тебя, а его взяла щука, — рассуждает надо мной папка, но я и без него знаю это всё, всю разыгравшуюся картину. И как ни странно, как ни стараюсь хмуриться — я всё же доволен, даже рад: главное, что она была, моя щука, совсем рядом, и стало быть — это возможно, ловить не только ёршей, окуней да красноглазок по уютным затишкам между кувшинок и лилий — и раз это возможно, я это сделаю, не будь я не я. А им всё же надо меньше пить и ссыльаться на заколдованность — вот она, рыба, рядом — возьми, не будь простофией... Не хнычь.

Небольшая, красивая, как все поинские пески, отмель забита сплошь беспорядочной россыпью брёвен. У нас кончились червяки (я их нечаянно промочил, и они затухли, превратились в склизкие, обмякшие шкурки — на удочку ещё с грехом пополам пойдёт, а на донки, на язя — никак) — и это большая проблема в тайге. Папка меня не ругает, но я понимаю сам, что виноват — не сберёг, потому что не ценил (говорят же — потерять голову — значит, совсем уж из ряда вон — голову ты не упустишь просто так, как кружку с боны при помывке посуды, почему? Потому что бережёшь... А здесь я не сберёг что-то не менее важное — папкино отпускное и моё летнее время, всего лишь небрежно выплеснув воды из

котелка на носок с червями — а, сойдёт!.. — и оставив его на солнце, не заметив этого). Я удручён: блин, вот же бестолочь... А папка вдруг останавливает меня — «Тихо! Слушай...» Что слушать? Птицу в березняке на том берегу? Может, хrust медведя? Нет. Надо слушать брёвна... И действительно, от нагретых на солнце, разомлевших после долгого купания, бело-сырых разлёгшихся сосновых туш идёт какое-то слабо-остренъкое вжик-вжик, вжик-вжик... Будто гномы что-то пилият своей двуручной пилой: туда-сюда, туда-сюда... Папка идёт на звук и осторожно, двумя руками, снимает отмокший, отпотевший пласт коры, изнутри, будто кружевами испанской принцессы и вензелями, исчерченный ходами каких-то личинок... Вот и сама личинка, кисельно-белая, пупырчато-мягкая, в ветчинно-колбасных перетяжках по телу, с чёрно-блестящими пилками-челюстями там, где должна быть голова (по-нашему, по-коми, он смешно зовётся — пучей, хотя ничего не пучит, у нет и глаз-то нет), — это короед. Я присматриваюсь по бокам брёвен — он действительно оставляет еле заметные тонкие тропки мельчайших желтоватых опилок. На короеда у меня клюёт и окунь, и плотва — то, что мне надо: я занят очень важным делом: снабжаю папку живцами, а он ходит где-то по округе, расставляет крюки. Я один, но меня это не тревожит — папка где-то недалеко, где-то рядом, стоит его окликнуть — и он появится, но я этого не делаю — пусть лучше сам придёт, посмотрит на котелок с живцами: — Ух, ты! Отвёл душу, а?! Юралик... — и загадочно улыбнётся. Я знаю, значит, что-то уже есть у него за спиной. — Па, есть? Что, поймал?

— Пытал... — на траву валится ещё живая щуцища, будто налитая древней силой, редко хватает жабрами тёплый воздух.

— На мою?

— На твою, на твою...

— Ух, ты! — да и что сказать, перед этой красотой у меня, только входящего во вкус поинской рыбалки, слов нет, кроме внутренних, не высказываемых никогда вслух — мы рыбаки, это мы сделали, эту рыбу мы принесём домой и вывалим на стол — перед женщинами: бабулей, мамой — пусть они охают, вздыхают, радуются...

Когда нет короедов, тоже не беда — я уже знаю, что хоть это и жестоко, но придётся ворошить муравейник, раскапывая его до склада муравьиных яиц (это уж когда совсем некуда деваться) — на них, на эти белые маленькие цеплуюлоидные овальчики, напоминающие кедровые орешки, тоже клюёт, правда, похуже, чем на недовольных разжиревших короедов, по большей части мелочь: плотва, верхоплавка (уклейка, шаклейка, а по-нашему, по-детски, так и вовсе шакал), но я и тому рад. Иногда на Поинге всё наоборот — чем крупней живец, тем меньше может клюнуть щука. Щурёнок вовсе может позариться и на рыбку почти с него размером и на огромную неуклюжую блесну-«блямбу», еле ворочающуюся, называемую «Волгой» (водяющуюся у нас только из-за того, что она даётся впридачу к какому-нибудь нужному нам набору блесёнок). Да и мелкий живец почему-то держится дольше, меньше снёт (и в ведёрке, где ему больше места, и в тёплой июльской воде).

В тот раз, с короедами, с затором брёвен на мыске — мы, кроме крюков, закидывали ещё и донки под самый противоположный берег, в ямку, растянувшуюся

под длинным полукруглым обрывом. На одну донку клюёт — дёрг! дёрг-дёрг! — я шёпотом подзываю папку. Вдруг леска, резко натянувшись, провисает:

— Па, подсекай! Пора... — я по своему опыту, когда я таскал ляпок, знал, что вот сейчас надо подсечь. Но папка медлит слишком уж сильно, и я волнуюсь:

— Уйдёт! Уйдёт же!

— Тише! — он всё же не выдерживает под моим напором, под моим взглядом, просто умоляющим начать вытаскивать, — подсечка, и идёт леска с рыбой. Вот она плещется у берега — не язь, но хороший подъязок. Вроде неплохо, но папка разочарован — чем? И тут я вижу — попёрёк подъязика свежий след, царапина, обозначенная содранной до розового мяса чешуёй — щука! Щука с руку, как мы шутим про крупных, или даже побольше... Вот почему папка медлил и шикал на меня. Так значит, она там, в этой плывущей потихоньку глубине, в этой, просвечиваемой солнцем почти до dna коричневато-золотистой мутти?.. Но как её взять, как подкинуть ей блесну, живца, что угодно, чтоб она взяла? А вдруг она накололась? Почему выплюнула подъязика, из-за нас, или почуяла по натяжению лески что-то не то?

— Пойдём, сынок, всех щук не выловишь... Пойдём, рыбу почистим...

Но я лихорадочно прикидываю: а если перебраться, если расставить и там наши крюки, на той стороне, всё закидать снастями? Всей рыбы не выловишь, но к этому надо стремиться! Предлагаю отцу, но он только отмахивается — возни слишком много, мы больше потеряем, да и эту можем не поймать. Да и перейдёшь на тот берег — будет манить к этому: всегда лучше там, где нас нет. И мы оставляем эту щуку в покое, на вырост.

Папка ловит на перекате, на самой быстрине. Я стою на берегу и маюсь — ну когда мы пойдём дальше? ну что он там возится? какую рыбью мелочь? — мне-то на перекат нельзя, унесёт, зальёт сапоги, мал ещё, и я раздражённо изнываю — зачем ловить какую-то рыбку, которую отец и на живца-то почему-то не берёт — жалеет, что ли, или не подходит? Я не выдерживаю, спрашиваю: — Па, почему ты их не кладёшь в котелок?

Он оборачивается, улыбается — говорит, что это хариус. Ну и что? Мне это пока ни о чём не говорит, чтоб вот так ещё и коверкать слово, как папка «хариус» — чем же он так хорош? Папка, наконец, выбредает на берег и, предвидя мои вопросы, достаёт из сумки, висевшей на груди, одну из рыбок, и притягивает мне. И она ложится в мою ладонь каким-то особым, прохладным пожатием, будто кистью изумрудной Снежной королевы — да, я впервые тебя вижу, остроморденский хариус, вот так, живьём, хотя ты наверняка и раньше уже был в отцовских уловах, но я тебя не видел, не придавал значения из-за твоего скромненьского размера и серенького присмиревшего вида. А тут ты дрожишь в моей руке, и я уже догадываюсь, что ты особенная рыба, особенная статья, правда? В чём твой секрет, в чём загадка, я ещё не могу определить? Ну, поживей других, побойчей, носик поострой — но тут папка разворачивает осторожно двумя пальцами спинной плавник — и я понимаю — да, хариус — это новое, неведомое ещё мне чудо. Этот красивый, серебристый с благородными цветными пятнами-крапинками веер — вовсе не чета сопливому, похожему на обглоданный ободранный зонтик ершиному

плавнику-огрызку или родственной окуневой спинной растопырке, и даже влажной мягкой язовой бахроме и лещиным крыльям.

Холодное подрагивающее благородное чудо в моей руке свидетельствует само за себя — да, какой живец из такого красавца! пусть им служит неповоротливая, и так выглядящая жертвой сорога — а этот житель стремнин — вольная птица, боец, воин, одетый соответствующе — и ловить на него ещё кого-то грех, оскорбление его благородного естества, он сам по себе ценность, живой идеал, украшение россыпи наших рыбных сокровищ (говорят, где-то «Отче наш» при переводе на один из реликтовых языков звучал как «рыбу нашу насущную дай нам на каждый день» — там, где не было понятия о хлебе. И я думаю, каждый день на такой «рыбе насущной», как хариус, можно прожить до вечности).

Первое время хариус не занимал какое-либо весомое, значимое место в нашей поинской рыбалке — он был сравнительно редок, невелик, не очень увесист и тяжёл, как язи, щуки, налимы — да и малодоступен по тогдашним, забитым брёвнами перекатам, куда мне, дошкольнику, лезть было немыслимо: перекаты быстры, обманчивы, холодны, невероятно красивы — вроде и не так глубоко, и приветливо машет хвостиком какая-то травка на дне, и весело, чистенько, мирно лежат открытые разноцветные пятна-камушки — воды будто почти нет, а шагни — и окажется, что обманчивая стремнина скрывает, что тут и взрослому по пояс. Протяни руку к кажущемуся близко камушку — и она оптически сломается, станет как бы не твоей, плоской — и не достанет, не дотянется — только взбурлит вода, и по локоть станешь замёрзшим ледяным Каём...

Сказывалось ещё то, что когда папка был здесь либо с дедом на покосе, либо в краткий миг выходных — то времени было в обрез, и надо было ловить существенное что-то, на всю семью — не до хариуса, которого, может, было и не мало, но не вёдрами, не мешками, не бочками (хотя Флегонт Арсеньев уверяет, что ещё недавно, лет сто пятьдесят назад, от Усть-Сысольска плавали на такую же речку — Лем-ю (Черёмуховая река), где теперь стоят дачи разных шишек — и ловили там хариуса именно бочками. Верю, было такое. Но только там, где во время нереста люди не изводили рыбу ничем, даже в колокола не звонили, где не мыли в реке машины, где не сыпали в реку хлорку, чтоб собрать ничтожный процент полуодыхлых рыбок, где её не глушили тротилом, электроудочками (само слово какое-то неласковое), где давали отдыхать реке и излюбленным местам: цивилизация же несёт бесплодие, когда она безумна и стало быть безблагословенна). Зато папка уже настолько сжался (не скажу изучил) со всеми поворотами, плёсами, заводями, островками, перекатами реки, что иногда передвигался прямо от одного перспективного места к другому («Па, а почему сюда не зашли, на этот поворот, а вдруг тут рыба?» «Тут большой круг, и всюду сейчас мель по такой воде...» — я потом, выросши, проверял — и правда, мель — неинтересный песчаный мелководный безтравный серп реки, куда не стоит соваться по малой воде и тратить силы) — от рыбы к рыбе — одновременно приучая и меня оттачивать своё нарождающееся мастерство, а кое-что брать даром, по наследству, примерно зная уже сквозь приобретённый таким образом взгляд — кто может в этом местечке клюнуть, когда, а что пропустить... — рыбачий охотничий инстинкт и азарт ведут по реке, читая её, как книгу, как вечную, усложнённую, правда, таёж-

ными суворостями, игру — кто кого перехитрит, каждый раз с новыми условиями: ветер, солнце, дождь...

Особо мне нравилось, когда папка устраивал что-нибудь ненарочно показательное, будто река с ним вступала в сговор. Вот сидим мы у Валерьяновой избушки. Ходили мы за ягодами за Поингу, но попутно, отдохная, ловили и рыбу. Тут же, потягивают с нами чай унылые межадорские мужики-рыбаки, пришедшие снизу, от устья, жалуются — не клюёт, нет тут рыбы, вся ушла куда-то, вывелаась, потравили, испугали сплавом, избита зимними заморами, задохнулась, исчезла... — и так далее, с матерком и сокрушениями. И Валерьян молчит, только чуть, как всегда, чему-то усмехается, и папка вроде кивает, чуть не поддакивает, а сам — хват спиннинг — и прямо у всех на глазах, у всей компании, продолжающей пить густой терпкий чай с чагой и смородиной, встаёт чуть ниже избушки, на избитом-переизбитом всем, кому не лень, всеми прохожими, небольшом галечнике-перекатике, где, кажется, и пескари-то редкость, остались только самые премудрые, не поддающиеся... Папка всё так же, будто продолжая беседу, даже не глядя, закидывает спиннинг. Блесна булькает в стремнине у противоположного берега, а леска ложится полукругом и огибает дугой по низу небольшой, застрявший посреди переката, островок травы — блесна чиркает над дном, болтаясь туда-сюда, и заплыдает за траву — всплеск! Мгновение борьбы, твёрдая папкина подсечка (будто взмах метательным ножом, но только в обратную сторону, на себя) — щука делает свечку, но папка смело, спокойно, и всё так же, вполоборота ко всей честной компании, болтающей о том, что рыбы нет, подтаскивает её к берегу и слегка небрежно, для полноты картины, я так понимаю — выкидывает её на берег. Аккурат под ноги зрительного зала, где зрители в шоке, в оцепенении. Мужики тут же побросали свои ложки с подостывшим варевом из Валеряновой картошки да пачковых гороховых супов и тушёнки — и стремглав похватав снасти, кинулись на реку — хлестать её в поисках ответа: как же так?! Ведь они только что, подходя к избушке, прошли это место, только что изрезали, избичевали своими самодельными спиннингами-коротышками всю реку, как дряхлую упрямую корову — и ни грамма удачи?! Папка вернулся со щукой к избушке, к костру, бросил её на траву у столика на обдувчике, и продолжил пить чай. У молчаливого Валерьяна только сочилась добрая ухмылка сквозь морщинки у глаз — правильно, так их! — пусть знают, чьи это коренные места и кто тут настоящий рыбак, а кто пустослов: погода, ветер, замор... Я тоже молчу, внутренне невероятно гордясь папкой — вот это по-нашему, так и надо утирать носы этим чужакам-пришельцам — пусть ищут свои места, а сюда, извините, нос свой совать нечего, эти места — наши, и рыба тут тоже наша, ручная, заговорённая! Вот мы сейчас чай пьём, — и она отдыхает, а как встанем, да как пойдём! — и она попрёт, голубушка, никуда не денется...

В другой раз у папки вышло целое представление для Валерьяна с напарником. Мы только-только пришли на Поингу по срединной, основной дороге (Поскастуй), которая выходит на большой, почти правильной полукруглой формы, травянисто-песчаный перекат, к его выгнувшейся к нам середине. Первые минуты, первое волнение — как нас встретит река, с виду всегда приветливая: у нас под

ногами мягкое полукружье травы, а под противоположным берегом, под кустами — стрежень и течение. Можно, конечно, пойти вправо, в самое начало переката, и начинать ловить сверху, но мы нетерпеливы — вид реки пробуждает жадное внутреннее неистовство: скорей скинуть рюкзаки, настроить удочку, побыстрей забросить — клюёт ли хариус? На худой конец — елец?..

Не клюёт. Это ясно уже минут через десять, когда молчаливые быстрые струи раз двадцать проносят поплавок, червя с крючком, мушку — мимо самых заманчивых, самых аппетитных заводинок... Заброс, ещё заброс... Спускаешься ниже — река молчит. Так, может, это и к лучшему? Иногда хорошее начало оборачивается занудным блеклым продолжением — ждёшь, ждёшь чуда, а его всё нет и нет... Хариус капризничает, понятно. Но и елец молчит. Один только пескарь дёргает изредка. Пока я машу удочкой без толку, папка настраивает резиновую двухместную лодку (он её купил недавно, и пришла пора выплывать, опробовать её). Может, ему повезёт — всё же мне основные места с берега пока недоступны — они там, у того берега. Папка неловко вертится на траве, приспособливается — как держать лодку, чтоб её не сносило, и как при этом ловить с неё. Тут на берегу, снизу, от избушки, показались всадники — Валерьян с напарником. Папка уже принаорился — брать прядь травы и узлом привязывать к бортовой верёвке — и держит, и легко можно отцепиться, если только сама трава не соскользнёт, не расплетёт простенькую петлю-узел, не оборвётся по своим неживым, как детские волосики, стеблям — и поплыvёшь незаметно...

Валерьян с напарником останавливаются на берегу, над нами, не торопясь здороваются, закуривают, сообщают, что подались вверх по течению Поинги, поискать — куда забурились опять телята. Папка ведёт с ними неспешную деревенскую беседу — и тут у него берёт рыбина — удочка в дугу. Валерьян и его друг попыхивают папиросками, смотрят внимательно сверху, как папка ловко водит рыбину, как она бултыкается в речке — настоящий праздник, бесплатное зрелище (правда, пока с неизвестным концом). Лошади ржут, недовольствуются, видимо, достают их овода и им хочется почесаться, продравшись по невысокому ивняку, или залезть в воду — но Валерьян с напарником резко их осаживают, поругивая за непонимание момента — папиросы уже забыты — оба охают, волнуются, когда папка подводит рыбину к лодке, но промахивается с первого раза подсакнуть... Всё же в лодке довольно неудобно и низко по отношению к воде — сидишь, раскоряченный крабом, ни встать, ни опереться, как на берегу, ни приловчиться поудобней. Я уже даже не переживаю, не смотрю туда, где рыба, только сочувствую папке — язина (я уверен, что это он) уворачивается, глыбой живого камня раздвигает течение, — а папке непросто в низкой подло-вертлявой лодочке одной рукой держать в полукруг изогнувшуюся удочку, а другой подводить капризный, путающийся мотней в стремнине, подсак. Только бы не сорвалась, только бы не сорвалась, только бы не помноженный на количество зрителей рыбацикий позор, трагедия... Только бы не тенькула леска и не распрямилось вдруг луком согнувшееся, потёртое, едва уже живое на стыках (приходится подсовывать веточки или спички) удилище... Только бы это поскорей кончилось... Следующая попытка: папка вновь, отведя руку с удочкой в сторону, будто русский богатырь с мечом, другой — мягко, нежно, снизу, тютелька в тютельку, аккуратно подсакивает речного богатыря. Есть. Е-есть! Всё, конец фильмы!

Валерьян сплёвывает присохший окурок, перемигивается с напарником, молча — хорошее зрелище! И они трогаются, поддёрнув своих, гораздо менее норовистых, чем резиновая лодка на быстрине, покорных лошадёнок: — Давай, пока!.. Если что, ключ-то знаете где... — без особых комментариев к только что прошедшему, только уверившему ещё раз всех — кто тут, на реке, лучший... Конечно, он, мой папка — без лишних слов.

От этого придорожного переката до Валерьяновой избушки километра полтора болотистыми лугами и перелесками (река, конечно, крутым боком выходя к тропе, показав сверху с высокого берега свои таинственные манящие прелести, и вновь капризно изогнувшись в тайгу, длиннее). Ниже избушки — тот небольшой перекат, где папка выдернул показательную щуку, и где плещутся хариусы-недомерки, малыши-карандаши, сбивающие на лету жирных сизых мух, откормленных на телячьем выгоне, усеянном их плюхами-минами, при приближении взрывающиеся роем рыжих подслеповатых мушек-маломерок...

Дальше река надолго отходит от хорошей тропы, делая подряд три петли, которые сверху, наверно, выглядят будто старая торговая эмблема «Адидаша» — три лепестка, сложенных вместе наподобие каннабиса (теперь упразднённых ради какой-то очередной расчленённой пирамиды, на мой взгляд, гораздо более опасной, чем конопля). Первый поворот мало примечателен и безымянен — он однозначно мелок и только на самом изломе, в ямке — может затаиться стайка хорошего хариуса, и дальше — опять плоская, во всю реку мель. Лишь на переходе к другому повороту — интересная глубокая яма с торчащими на крутом изломе промытыми поваленными серыми чудовищами — столетними пеньками. Это — Выль-kyрём, новый рукав, здесь начинается следующий поворот-лепесток, здесь река на отцовской ещё памяти, оставив в стороне калачик-старицу, прошла напрямик. И дальше поворот-лепесток с названием Опош-кёдж (поворот Опоша). Наши соседи по деревне, по Чумансикту, чей дом стоит забор в забор с нашим — по прозвищу Опош, из которых осталась одна лёгкая ветхая подруга бабушки — Анна. Меня иногда гоняют к ней на двор с ведром — за питьевой водой (хоть два шага, а так лень — ведь надо набрать воды, поставить ведро у забора, перекинуться через слеги и забрать ведро — ну как тут не стукнуть дном, не облиться, не замочить шорт или сандалий, не выругаться втихаря?!?) Да, вода у ней вкусная, и что? Не умерли, пошли бы тётки (они в основном и привередничают насчёт воды) за своей, из двора — подумаешь, оседает известковый налёт на стенках самовара да носик превращается в тонюсенькое наганное дуло. Подумаешь, разноцветная плёнка идёт по поверхности заварки! Если уж на то пошло, то самая вкусная вода не у Опошей, а на поинских перекатах — пьёшь и не можешь напиться!.. Вот это вода — остальное только название. Но я хожу к Опош-Анне не только с досадой — как бы я ни был мал, а то, что она одна, и у меня есть повод забежать к ней за таким пустяком, или за чем-то ещё (кружкой козьего молока, отнести охапку луковых перьев, капустный пирожок) — меня сначала, конечно, как всякого лентяя, ломает — а потом услышишь её, Аннин, тихо-осенний шелестящий голос, её размеренно-спокойные ласковые слова (вот, клубнички возьми, на тебе на рыбалку кусочек мяска сухого — пожуй, пожуй, андел...) — и отпускает ломота и

лень, и накатывает желание когда-нибудь ещё зайти, что-то сделать, чуть, в меру детских сил, приободрить глядящего уже сквозь слезающиеся старческие отжившие глаза древнего тихого Бога.

Раньше тот, средний в троице, поворот-лепесток был их сенокосным красиво опоясанным угodyем, с тонкой, всего в два-три десятка метров талией между началом и хвостиком поворота-кольца. Во время сенокоса, ближе к полудню, к обеду, Опош-Иван, закатав штаны повыше колен, проходил этот поворот-перекат с удочкой и сумой, и надёргивал на добрую уху котелок с верхом ельцов и хариусов.

Следующий лепесток — старая лесовозная дорога (вернее, зимник для перехода по дну тракторов) с глубокой ямкой на повороте. Ниже — опять подходит тропа, и наш брод на ту сторону — на лужок, где когда-то волки били Валерьяновых телят, а их стрелял Ониш Алексей — и тропа по зимнику — в тайгу, на болото, и дальше — на брусничные боры.

Я впервые живу у Валерьяна один. В самом начале чуть не произошёл казус — я пришёл к избушке, а она закрыта. И я не помню — где лежит ключ. Что делать? Ночевать у избушки, у костра? Глупо...

А приближается вечерок с густыми комарами, висящими в небе будто живая, колышущаяся плёнка-покров, будто остановившаяся паутина с трепещущими живыми узелками, которая вот-вот упадёт сверху и налипнет на лицо, на руки — не отдерёшь, не отмоешься.

Ковыряюсь в замке штопором от своего перочинного ножа — и щёлк! — нет, не замок открывается, ломается кончик — пружинка ножа. И как нарочно — слышу — топочет жеребец, подхрюкивает на ходу под седоком — Валерьян объявился. Еле успел выдернуть-вытряхнуть кончик штопора из замка и присесть как ни в чём ни бывало к костру, авось, Валерьян не заметит моих шпионских пассов? Не заметил.

— Ты чего на улице?
— А, забыл, где ключ...
— Так вон же, под доской, под ногами...

Я живу у Валерьяна, бегаю ежедневно за ягодами на ту сторону, а на обратном пути проведаю то один поворотик-лепесток, то другой: с рыбой-то веселей. Валерьян морщится, но всё же ест уху из хариуса и щуки, выбирая только крупные, бескостные куски — и остальное (как бы незаметно, чтоб я не видел, не обижался) скормливая псу под скамейкой. Я и не огорчаюсь: всё как раз в меру, сколько надо — и рыбы, и времени. Вот только моя тара для ягод слишком быстро заполняется — я бы ещё здесь пожил, а придётся возвращаться. Валерьян деликатен — тоже ездит где-то в тех местах, где и я, тоже что-то собирает (оставляя до зимы в лесу), и на разговоры случайно встреченных мужиков о том, что вот — в тайге ни ягоды, ни гриба — только мне подмигивает: мы-то знаем, да не скажем, где ягода лежит-полёживает, да?

Валерьянова избушка приманивает всю шатающуюся по тайге братию — вот свалились на наши одинокие головы какие-то совсем уж невезучие рыбаки: только и про то, что нет рыбы здесь и уже никогда не будет...

Я молча беру спиннинг — и прямиком на Опош-кёдж: там в начале и в середине переката есть затишья, которые я ещё не обследовал в эти бесконечные солнечно-вымытые дни одиноких хождений по тайге — а раз я там не был, значит, там может быть рыба (это где я прошёл-прочесал всё досконально, делать нечего — самоуверенно шепчет моё сознание).

И через четверть часа (конечно, не как отец — у всех на глазах, но всё же) молча возвращаюсь к избушке и вешаю под скат крыши связку ещё живых, ещё трепещущих щук. Было бы побольше времени — были бы ещё ельцы и хариусы в сумке, так, для оправы, так сказать, драгоценного камня. Так на чём мы там остановились, рыбы нет? Конечно, нет, разве это рыба, вот раньше...

Валерьян только по обыкновению прячет ухмылку в мелкий ус да начинает легко, как фокусник в цирке, жонглировать маленьким топориком и поленом — так, что рядом ровно, аккуратной горкой, ложатся запасы на ночь. Ну что, или болтать будем, или ужинать? А мне втихаря подмигивает — так им, так! пусть носы утрут, рыбачки залётные... Пусть носами пошвыркают — а то не клюёт, рыбы нет... — ловить надо уметь!

Память, как крылатая ракета, приспособившаяся к ландшафту — может доставить тебя за секунды в место и время некоего действия, полностью вспомнить которое — невозможно. Ведь не слишком существенные детали отлетают мгновенно, облака становятся либо слишком низкими, сплошными, набрякшими водой, как старческие мешки под глазами, либо кучевыми (детские кучки на обоях в спальне?), или перистыми (да, как перья, лёгкие, застывшие, будто придавленные невидимым стеклом, зафиксировавшим ворсинки) — но это только слабые аналогии того уникального бездонного низкого поинского неба, всегда разного. И так — чего ни коснись. Всё неповторимо, неописуемо, отмечено печатью отринутого, отвергнутого мира — облака молчат о тех местах, что они прошли, о тех бурлящих городах, что они видели, и безмятежно блаженствуют в почти бесконечном ложедолине реки. Только смутные пятна человеческого вторжения несут сюда испарину чадящего, галдящего мира-базара, мира — рынка страстей и обманчивой пустоты.

Хмурое, бессолнечное осеннее утро. Мы только проснулись, сидим, пьём чай с отцом и Валерьяном у избушки. У нас запланирован долгий, длиной в день, спуск до нижней избушки на лодке — мне, как обычно, и хочется поскорей начать ловить рыбу, войти в ритм реки: перекат, затишок, ямка, плёс — всякий раз перестраиваясь: удочка, спиннинг, щучья удочка, живец, блесна, мушка на хариуса... — и лень: тело разламывается от такого же долгого вчерашнего дня. Надо собираться, подкачивать спустившую за ночь лодку, укладывать вещи, чтоб ничего не мешалось и чтоб всё было под рукой. Чтоб себя ободрить, ищу чего-нибудь такого, вкусненького, даже сам не поймёшь, чего — вприкуску к чаю, в пакете со сладостями... Поднимаю голову — мимо по лугу плывут три пятна-человека. Основная тропа идёт напрямик, не сворачивая на мысок к избушке — и вот появляется эта расфуфыренная троица: вернее, двое полностью экипированных по-городскому:

в новеньких, с иголочки, нулевых комбинезонах, бродни подняты от росы, спиннинги, чехлы, рюкзаки — всё свеженькое, неободранное. И впереди какой-то виноватый, будто сильно согрешивший, невзрачно, по-серому, одетый в мятое, устаревшее, человек. Он отделяется от тех двоих, подходит к нам, здоровается, прикуривает от головешки, перекидывается парой незначительных слов с отцом, с Валерьяном («Вода-то низкая, упала...» — «Да, упала...» «А обещали дождь в верховьях...» — «Когда-то и дождь пойдёт») — и, обернувшись назад, на тех двоих, терпеливо стоящих и не подходящих к нам поздороватьсяся, кидает папиросу в костёр и идёт к ним, вести их дальше.

Городские с каким-то чуть пренебрежительно-невнимательным, отсутствующе-начальственным видом, молча ждут — то ли начальство средней руки (высокое-то не ждёт, не вздыхает нетерпеливо — оно придёт к костру и постараётся навязать свой режим), то ли сотрудники органов на отдыхе — для них нет ни небес, ни их, будто сказочно-кулисных, скрывающих основное в мире, колыханий, ни таёжных разговаривающих обстановочных деталей — мы вместе с избушкой для них часть скучного пейзажа, из которого они пришли взять своё, за что заплатили вперёд. И это меня раздражает: якобы освоив городской ландшафт, они и сюда припёрлись делать то же самое, только то, что умеют, под что приспособлены их пухлые нежные ручки: «Иван Васильевич, встаньте вот сюда... Закиньте вон в ту ямку... А тут за поворотом — хороший перекат, надо бы Вам попробовать хариуса... Дайте спиннинг подержжу...»

Отец с Валеряномроняют друг другу пару слов: — «Коля-то (прозвище опускаю) совсем сдал...» — «За бутылку уже водят их сюда...» — «За бутылку?» — «Да по всем своим местам».

Несмотря на свои малые лета, я понимаю, что Коля — этот сломленно-тихий человечек с провинившимся побитым видом — наш, вотчинский, и что он вот так, по-рабски дёшево, за стакан (который он едва удержит в своих пляшущих, неспокойных руках) — ведёт этих ненашенских пришельцев по нашим местам (они уже вот-вот скроются на тропе, ведущей туда, где Опош-кёдж, где мель и брод на ту сторону Поинги). И во мне рождается, вскипает пузырьками кипятка обжигающая душу неприязнь к этим городским (я сам никакого отношения к ним не имею, я не такой, я лазутчик в городе...) — как они могут, вот так, хитростью, незаслуженно, исподтишка, шагая по людским слабостям — лезть туда, куда их никто не звал? Кто их тут ждал — река, тайга — чтобы они потом в своих прокурорских кабинетиках, покуривая, хвастались: «Я на той неделе такого хариуса (щуку, кабана, лосёнка — неважно) взял...» — и конечно, об этом жалком Коле не то что слова, ни воспоминания нет. Ах, хотелось мне, чтобы Коля, как Иван Сусанин, завёл бы их в глушь и непролазный бурелом, которого тут вдоль Поинги километры — и там бросил, оставил бы (не насовсем, хотя бы на несколько минут, чтоб встряхнуть слегка за шкирку, голубчиков) — поделом этим «крепким хозяйствчикам»! Да только по влажным, заячьим, обмелевшим глазам Коли я видел, что у него духу не хватит дёрнуться — его самого стакан крепко держит за шкварничек, и душа только вот так, по-щеняччи, через взгляд — поскуливает: помогите, спасите...

А, фиг с ними. Сладкое, вкусное... Что-то вертится в мыслях, но я не могу уловить... На том берегу, у травы — всплеск, мощный, по-хозяйски открытый, громкий — щука? Если выплыивать, то придётся возвращаться...

— Щука? — тоже настораживается отец.

— Бобёр... — вяло машет Валерьян, берёт кусок хлеба, надевает его на палочку и протягивает к успокоившемуся, притихшему пламени — подсушить, подвялить, чтобы схрумкать свежую, с дымком корочку, а под ней — тёплую отпотевшую мякушку... — На прошлой неделе лежал всю ночь за бревном — ждал, когда вылезет. До полуночи так и не вылез — хитрый, как медведь...

Потом мы узнаем, что на Поингу ради какого-то эксперимента завезли бобров, да не русских, а канадских, пожирающих всё. Я ещё буду удивляться — а куда делись так примелькавшиеся в детстве кувшинки и лилии, рядом с которыми ловилась прорва мелочи? Оказывается, бобёр заезжий сожрал, выдирая мягкие сладковатые корни. И рыбы стало меньше — вот тебе и биологи, знатоки природы, лучше б ничего не трогали. Тоже мне, улучшители. Лучшее улучшение — ограничить доступ таким людям, без небес, способным только набивать чрево, как Робин-Бобин из детского стишка...

Галечник скрипит — папка тащит нагруженную лодку к ямке — я уже сижу на корме, за спиной рюкзак, плотно вошедший между сиденьем и кормой. Валерьян, корочка, скулящий пёс, вкусненько... Точно. Объёмистый мешок — там же мамины экспериментальные сухарики! Я оборачиваюсь и, нарушая компактность, слаженность упаковки, отстёгиваю ремни рюкзака, лезу в глубину, нашариваю этот пакет. Папка уже в лодке:

— Ты что, забыл что-то?

— Да вот, мамка же положила нам... Попробуем?

— Давай.

Сухарики смешанные: и чёрные, и белые, изготовлены в нашей новой газовой плит-духовке... М-м-м, мне именно этого и не хватало! Солёненькие, чуть похожие на неизвестных личинок, палочки-сухарики, слегка обугленные по краям, Валерьян, подсущенный хлеб, лайка, длинная мель, в течение которой можно успеть и кружку выпрыгнуть из-за спины, из развороченного, чертящего одним ремешком по воде, рюкзака — дальше уже ямка на повороте, потом плёс, Выль-kyрём, начало Опош-кёджа, и — щуки в заворотинках и глубинках, хариусы с ельцами на стремнине, до бесконечности, до вечера, до устя, до конца мира, жизни или каникул...

С приобретением чёрной, тяжёлой, двухместной резиновой лодки (глянь, какой толщины резина — военная...) наши путешествия по Поинге преобразились, стали объёмней, многосерийней (как «Семнадцать мгновений» по сравнению с «Ошибкой резидента» — папка в молодости, худенький, чуть небритый студент с фотографии времён аспирантуры (рядом я — квадратный лупоглазый крепыш в рубашке в горошек) — чем-то неуловимо напоминал мне Георгия Жженова — рубленостью черт? очаровательной прокуренной голоса?)

Но сначала мы испробовали лодку на Вычегде, в пригороде, всё в тех же Тентюках — куда чуть не сразу из магазина (дома развернули, повздыхали аромат, прочитали инструкции-гарантии, осторожно и неловко скатали) приехали на пробу, что же это такое — двухместная надувная штуковина из каучука толще сапожного

(точно, армейская!) с крупными, серьёзного характера проушинами для вёсел (напоминающими ручной бестолковый эспандер) — что это за зверь такой?!

Спускаемся на берег, но не к запани, а выше — на песочек (сегодня нам рыбаки не по пути, сегодня очень важный день — почти как день «Кон-Тики»). Вытряхиваем на песок всё содержимое брезентового сидора, приспособленного под наше чудо, разворачивающееся с таким приятным клацаньем и шлепками резиновых пластов... Что такое? Без клапана? Ты в мешке смотрел? Да... А когда лодку сворачивали дома, куда положил? На диван... Урок номер один: клапана — это самое главное в лодке — всегда совать их внутрь, в центр, понятно? Да... Я думал, ты положил... Урок номер два — всё делать самому. (Потом мамик сошьёт нам специальный чехольчик для клапанов — чтобы не вздрагивать в холодном поту...) Но всё равно, ещё долго я буду попадаться на папкину шутку — когда приходишь на берег, и он с матерком начинает ругаться: так и разтак! Клапана-то забыли... — и мертвенький холодок по спине: эх, едрит, раз-едрит!..) А теперь что, не возвращаться же! Папка, как мог, своим дыханием, с перерывами-перекурами — надул оба баллона (глаза красные, голова кружится, вот, блин, удружили, сыночек, положил аккуратно клапана на диванчик, чтоб не упали...) Затыкать пришлось, вкручивая деревянные круглые, грубо обтёсаные по размеру (хорошо, хоть нож взяли — это мы уже проходили, что такое жизнь без ножа...) колышки-клинышки в старчески свистящие чёрные рты, которые не заткнёшь, и борта противно обмякают, обвисают, как дряблые мышцы.

И мы поплыли через Вычегду, смешно чапая коротенькими плавниками-вёселками (вдев их согласно инструкции-манулу в специальные гнёзда, как на рисунке — что нас впоследствии больше не устроило). На той стороне, на длиннущей песчаной косе (Вычегда, и всё, что с ней связано — раз в пять больше Сысолы, и раз в тридцать-сорок Поинги) — я играл в песочную войну, захватив с собой два самых драгоценных сокровища из моей огромной военной коробки: железный танк Т-34 (с крутящейся башней и подвижными колёсами, но уже без гусениц) и самоходку (как в фильме «На войне как на войне»). А папка просто отдыхал: развёл костёр из похожего на высушенные мамонтовые кости бело-серого плавника (жаркий и бесполезный, мы даже чаю не попили) и позабрасывал (походил по кромке воды босиком) старенький спиннинг-коротышку, но ничего даже не клюнуло. Погода портилась, и с противоположного высоченного, украшенного порослью роскошных, расправившихся на воле ёлок срывался на нас, вниз, сильный ветер, засыпая мои окопы и дороги, прижимая к низу дым от костра, который стал похож на реактивный самолёт, оставляющий ровный след и где-то внутри, в турбинах, скрывающий ревущий огонь...

Надо было переправляться обратно. И было уже страшновато — Вычегда будто облизывалась белыми язычками волн, ожидая, как это мы решимся двинуться? Солнце перестало греть и только светило в дико несущихся низких клочковатых облаках (как плешь у какого-нибудь старичка-скрипача, всклокоченного и небрежного) — и ещё поигрывало брызгами на огромных, вздыбившихся посреди реки валах, в которых наша лодка шуршала, переламывалась, вздрагивала, шлёпнувшись плоскостью на следующую волну, чуть не складываясь пополам, чуть не пропуская воду внутрь. Я держался за борта и только кивал папке в ответ, что если... лодка... пере... вернётся... то... нельзя... выпускать... из рук...

верёвки (идущей вдоль бортов) — да, да, да (о нет! только не это, не переворачивание, не ненавистная в купании вода, не смерть, не ужас последних зеленоватых пузырьков, идущих из тебя уже под водой, ох, мамочка, о, ещё волна, о, Господи...) Уже на том берегу, всё же переправившись, я вдруг понял, что железный танчик так и остался в своей засаде, в своём песчаном укрытии — мой любимый, бесценный (таких больше не продают) танчик, который я выменял чудом. Я стоял и жалел о нём — вот он, недалеко — вон там моя большая ценность. Сказать папке? И ему плыть? За каким-то танчиком на этой развалюхе с деревянными, как у бочки, затычками? С такими неловкими лягушачьими лапками-вёселками? Не... Промолчу...

Дома мы с ходу сделали сразу несколько выводов и улучшений (кроме мамкиного чехольчика для клапанов). Папка срезал эти круглые проушины для вёсел, а сами вёсла сделал соединяющимися в одно большое, длинное, двухстороннее, как у байдарочников на Олимпийских играх. Да и верёвка по всей окружности нам была не нужна — за неё могли зацепиться тройники, когда вытаскиваешь щук. И ещё — я перестал брать с собой игрушки. Дома я ещё мог себе позволить превратить пару комнат в поле боя — десант сосредотачивался в моей, и на нескольких кораблях выходил в большую комнату, где начиналась нелёгкая и кровавая высадка пластмассовых воинов на побережье красно-чёрного паласа... Но уже без любимого танчика, который, как какой-нибудь сент-экзюпериевский лётчик, погиб в песках Вычегды — и я стал взрослеем, пойдя ради папки на осознанную, очень дорогую для меня жертву.

Наверное, это произошло раньше (взросление) — ещё до вешек, обозначенных потерей танчика и приобретением лодки, ведь чтобы с неё ловить, нужен уже совершенный набор навыков и воли, глазомера и решительности, чтения рыбьих повадок и силы рук — и, конечно, всё это приобретено было раньше, при пеших путешествиях детства по поинским дебрям, в сухопутной, прибрежной жизни.

Незаметно для самого себя я прокоптился, просмолился у таёжных костров чуть не до состояния мумии (несколько раз мы пробовали использовать антикомарин с новомодным тогда названием «Дэта», но он в жаркие дни, смешиваясь с потом в жгучую, неприятную дрянь, режущую глаза, ноздри, раздражающую руки, так опротивел, что с тех пор (и по сей день) я в тайге ничем не пользуюсь, предпочитая тренировать волю) — и теперь отважно штурмовал таёжную реку с самой простой счастью, на которую поймал первых поинских щук — достаточно крепкое, сделанное из местной ивы, удилище, леска потолще и грузило с уловистой блесной. Забрасываешь блесну куда можешь и куда позволяют трава, кусты, — и ведёшь к берегу. Всё просто. И эффективно: кое-где даже я доставал до другого берега, а значит, по идеи — мог обловить всю реку: теперь не надо было ждать, когда засигналят папкины крюки — всё было в моих руках.

Мы бродили с отцом, вооружённые такими вот нехитрыми щучьими удочками, по берегам, уже кое-где истоптанными телятами, и возможно, рыбаками (я всё ревниво выглядывал места поглуще, где трава не примята, где её стена девственна, не порушена, мне всё казалось, что именно в нетронутых местах нас ждёт только наша, екишевская, удача — и я всё продирался сквозь немыслимые чащи,

учась не цеплять сухие растяжки еловых веток кончиком заброшенной на плечо, слегка смотанной удочки (конечно, если цеплял, я ругал дурацкие ёлки, специально задерживающие меня, и с каждым рывком сыплющие горсти иголок, назло целясь мне за шиворот) — и папка нырял в какую-нибудь расщелину, а ты шёл дальше, вперёд, где ещё всё нами не тронуто.

Щуки клевали красиво (этого сказать мало о чудесном, на грани сказочного добра и зла, их появлении) — миг, и ты уже не ведёшь спокойно вполводы аккуратно играющую блестяшку, не чертишь, будто циркулем, леской по воде плавно размывающуюся дугу, а с всхлюпом, с иномирным толчком что-то, выстрелив из невидимой засады, повисает живой, волчье-зубастой, буро-спинной хищной торпедой на твоей счасти — она! Так, значит, что дальше? Подсечка! Правильно, как папка учил... Дальше? Не рвём из воды, не поднимаем на воздух, не стремимся оторвать голову — ведём, ведём к берегу... Удочка! Следим, чтобы не было острого угла между леской и удилищем — обломает... Так, боком, боком, пружиним удары, подводим по воде... Выкидываем! Есть!

Я бросаю удилище — рыба где-то в траве, и я кидаюсь туда: прижать, прищучить, быстро головой в сумку — бряк! Ворочайся теперь, крутись — уже наша! Моя!

Беру, сматываю расхристанную удочку (чуть не наступил в бешеном волнении, чуть не хрюнул пополам), теперь дальше, на берег. Это что? Сколько прошло времени? Несколько минут? Полчаса? Кругом — тишина, настороженная, будто засадная. Только тайга где-то высоко шумит от верхового ветра. Был ли здесь папка, нет? Крикнуть? — он не любит, когда я его отвлекаю (я ведь уже взрослый). Но, может, похвастаться щукой? Нет, не надо — пустая трата времени (плюс некоторая доля суеверия?) Я же рыбак — надо двигаться дальше, как шёл. И ловить. Не может быть, чтоб я пропустил папку... А это чьи следы? Телята, волки? А может, медведь где-то шарит в кустах, или, не дай Бог, росомаха или рысь, расписанные вечерами у Валерьянова костра посильней всяких ужастиков? Нет, это только кажется, что я один на один со своими страхами и рекой, и природной неподдельной зубастой хищностью — я-то точно знаю: где-то на конце тонкой невидимой ниточки — папка. Он чувствует меня, он придёт всегда на помощь — и это даёт мне свободу — я не один, я защищён и самостоятелен, когда разделяюсь со всеми страхами и их хозяевами — демонами, лезущими в сердце, но разом побеждёнными моим благоразумием и смелостью: да если надо, если уж на то пошло, то я вдоль реки и сам могу добраться до избушки! Тогда чего волноваться, чего трусить и паниковать? Хе, подумаешь!

И всё же страх где-то притаился — норовисто взбрькнула в сумке щука — я вздрогнул, от сердца к ногам сошла горячая лавина — я один в тайге, один, один... — с которой опять пришлось справляться и действием, и мыслями. Щука? Пусть култыхается, это уже часть улова, это бабушке, маме, да и я не откажусь от поджаристого ароматного ломтика. А пока перейдём, вернее, продержимся к следующему местечку, где можно закинуть удочку. Может, блесну поменять? Нет, это уже суэта — от добра добра не ищут. А где блёсны, я их, случаем, не потерял? — и опять мгновенный, колющий в одно и то же место под сердцем, страх. Движение — похлопать по карманам — нет, вот он, комок — это ситцевая тряпочка, в

которой завёрнуто несколько лучших блёсен (ещё зимой, дома, я их раскладывал, мечтая — и на эту попробую, и на эту — и язя, и окуня... а в итоге цеплял ту же, что и папка — зеленоватую, с тёмными лепестками краски, красиво, по-женски качающуюся в воде «Уралку», на которой бесчисленными ударами щучьих зубов уже выбит некий знак вдоль блесны, наподобие процарпанного крестика — присмотреться поближе — всё в заусенцах от щучьих хваток и ударов, вся эмаль в маленьких искорках там, где откололись кусочки. Эта блесна — самая верная, и в дождь, и в солнце, чего же ещё?). На всякий случай передвигаю лямку сумки, чтоб рыба култыхалась за спиной. Что ещё надо? Я готов в бой — иду вверх по течению, вслед отцу. Можно, конечно, пропустить парочку мест, и невзначай накинуть его — даже повод есть с этой щукой. Но это для маленьких. Что я буду делать рядом, только мешать. А я сам с усам... Вот отличное место — за спиной, слева, справа — нависают тёмные кусты, но есть просветик — забросить разок и провести блесну. Заброс, солнце посередине реки выхватывает сквозь воду, как красиво, элегантно идёт будто танцующая бальный танец порхающая эфемерная бабочка-блесна — и я веду её наискосок реки, чтоб она прошла чуть ниже травки и не задела пуантами-тройниками ни грана зелёной вязущей тины, портящей весь короткий миг танца — и хищный рывок из-под травы! — удар тупого драконьего существа — щука-охотница бьёт наверняка! на этот раз я не столь ловок, да и места развернуться не так много — щука (дракон, Яг-морт, Черномор, похититель Людмилы) бьётся, а я тяну силой к берегу, сам не замечая, как леска запутывается в сплетении сухих ветвей — и в следующий момент щука вдруг повисает в воздухе, поднята над водой, и — недоступная... Как ни странно, она висит вытянувшись, не брыкаясь, не шевелясь, будто сама крайне удивлённая таким положением вещей. Я тянусь с берега и не могу дотянуться... Вот теперь без папки — никак! Придётся бежать за ним, надеясь, что щука не сорвётся. Дальше река чуть отходит от леса, образуя мысок с высоченной луговой травой, девственной, сплетённой в одно живое, будто высохшее море, в которое я погружаюсь с головой (вот когда надо тропинок — их нет), периодически выглядывая на берег и осторожно окликая: — Папа... Эй, пап!

И неожиданно в одном месте невидимый, он хрипло откликается: — Юралик, что случилось?

Я взахлеб: — У меня щука!.. Я её! Она висит!

— Слушай, потише, у меня тут крупная клюнула!..

Я шёпотом: — Па, я её вытащить не могу, она висит! Пойдём... — папка, наконец, сообразил, что мне надо помочь, что я повесил щуку, как медаль, на куст (так бывает при неудачном забросе — раз, и блесна висит, на том берегу, на ветке, и качается, как серёжка — а тут целая щука).

— Ладно, не шуми, — папка вынужден отвлечься от своей клюющей крупной щуки и пойти со мной. Как ни странно — рыба всё ещё висит. Папка мигом подтягивает вверх бродни, которые расправляются с шлепком — и он уже в воде — хватает рыбину под жабры, а затем отцепляет мою леску. — Тащи, рыбак... Рыбаки ловили рыбу, а поймали рака! Целый день они искали, — ну и так далее, все вы знаете, что они искали. А я не обижуюсь — ведь главное моя рыба — здесь. И я её прибавляю к своей первой, о которой даже забыл в пылу событий: — Па, а у меня ведь есть!..

Но ему некогда — он спешит туда, к своей, и я отпускаю его: время дорого, не стоит его разменивать на пустые слова, ведь и так всё видно.

Мы соединимся к чаю или к обеду — либо папка меня найдёт, либо я догоню его, уже разводящего небольшой обеденный кострик. И тут мы церемонно «складываемся» — меряемся, у кого больше «штук, да не рук» — ура, поровну, по три! Конечно, его щуки больше, крупней, дородней — матёрые, слов нет. Но я рад другому — поровну — это для меня очень важно, потому что это и есть справедливость, это и есть смысл моей маленькой жизни.

Я вырасту, но мы всё так же будем соревноваться — кто больше, у кого крупней, у кого улов красивей (ворох крупных хариусов, безусловно, перевешивает парочку средненьких щук) — хотя, конечно, к тому времени мастерство во многом сравняется. Но есть ещё и везение, и кураж, и какая-то особая отметина — печать что ли, отличающая любой достойный улов и любого настоящего рыбака от профана этого дела: крупная, достойная рыба даже на траву, под ноги падает красиво, не просто брякаясь неживым поленом — обязательно сверкнёт благородным отливом или каким-то мистически-драгоценным блеском чернёного тусклого-матового серебра.

И вот берег позади. Плавание... Первые плавания, первые долгие поездки, первые открытые реки, первые ощущения от её знакомых, в чём-то неуловимо похожих, и всё же разных поворотов, открывающихся перед тобой, как бесконечная книга, всегда с неизвестным, новым продолжением того же сюжета, и с непредсказуемым концом — как лучшая книга, которую можно читать, не останавливаясь, с любой страницы — перед которой мы в чём-то переставали быть отцом с сыном («яко во гресех роди мя мати моя», я был неправ в начале главы) — и становясь роднее родного, рождённые и питаемые не плотью, но духом, несущим нас, ведущим, зовущим, в каждом закоулке реки припрятавшем для нас нечто особенное, что не унесёшь с собой, не перескажешь, что будет сочиться душевной сладостью (но как только уйдёшь — станет мелким галечным камушком, неизвестно как попавшим под сердце, который не вытряхнешь, который при каждом ударе будет напоминать о себе), не утоляя жажды, а заставляя возвращаться вновь, и вновь, и вновь.

Это река. И многие из наших бесконечных первооткрытий сделаны ещё до лодки, на плотах, в краткий промежуток-междувременье (застой, эпоха торжества серости и пошлости? — для кого как...), когда на Поинге ещё вёлся молевой сплав, вернее, его подобие, которое, наверное, больше изматывало сплавщиков, чем крестьян насаждение кукурузы у нас на Севере (она, обиживаемая лучше любой элитной капусты или морковки, вырастала сантиметров на тридцать — и этим дело кончалось, потому что кончалось лето). Сплавщики, успевая пропихнуть по половодью, по большой воде, только часть запланированных, складированных огромными штабелями в верховьях брёвен (лес, кстати, был отменный — весь в меру спелый, ровный, нехилый, толстенький) — всё остальное лето, как река входила в привычные берега, в межень — мучились, почти вручную проталкивая, пропискивая бестолковые стада будто живых брёвен — и это по реке шириной

всего-то кое-где в два-три застрявших поперёк балана — а куда им было деваться? Приказ, чья-то воля...

Но нам, рыбакам, это было на руку. Это было доступное, не очень законное раздолье (плоты вязать не разрешали — они застревали первыми, да и гвозди и проволока портили дерево, но мы всё же вязали настоящие плоты, и это только усиливало мой восторг), почти повсеместный рай — хороших брёвен на плот можно было собрать в любом месте.

Когда папка (ещё в деревне) во время сборов на рыбалку либо уходил на холодную половину, либо нырял в амбар, а потом показывался с пучочком переливчато потрёпывающих гвоздей и обворачивал их в старую газетку — я уже знал, что мы (может быть) соорудим плот и (вероятно) поплыvём, почапаем вниз на хлюпающей плитке-развалюшке (ура!), и, о! кстати, плитку шоколада надо не забыть (раньше они были другой формы — тоже как плот, с тремя перекладинами, хотя у наших плотов их обычно было две, и те не поперёк, а немного наискось, под углом друг к другу).

Плот, наскоро, на живую руку прихваченная, притопленная, хлипкая, норовящая разъехаться растопыренными пальцами развалюха — какая это роскошь! Не надо до одури лазать по мокрым кустам, по скользким берегам (вверх, вниз, вверх, вниз, не клюёт, вверх, а может, не надо вниз, ведь не клюёт здесь — и хитришь, пропускаешь места, и рыбу...), не надо трясти зацепившейся леской удочки мерзкие, нарочно высывающиеся всюду сухие ветки, не надо следить, чтоб мягко ступать, чтоб не стукнуть, не топнуть лишний раз (увидев потом разбегающуюся рыбу), не надо бояться, что потеряешь тропу, что разминешься с отцом (плот с рекой тут нас связали), не надо тащить всю поклажу (вот она, ворохом, в центре — следи, лишь бы не вымокла), да и не надо теперь придумывать, восстанавливать по папкиным рассказам, как всё было, как клюнула огроменная рыбина и как она сорвалась — всё, теперь он рядом, теперь всё как на ладони — сидишь на чурке-пенёчке на своём конце плота и облавливаешь поделенную теперь пополам реку (твой этот берег, мой тот), да ревниво периферическим зренiem поглядываешь — как он там? куда закидывает? Что впереди? Вон там красавая травка — хорошо бы плот так развернуло, чтоб она была моя, с моей стороны...

Конечно, и на плоту есть свои минусы — то он стоит колом в какой-нибудь вязлой длиннющей омутинке-заворотинке, и приходится выталкиваться к течению. То наоборот, несётся, как сумасшедший по стремительным, красиво расцвеченным по дну (будто на уличных неприхотливых картинках) перекатам — а вокруг быстро проносятся очень завлекательные заводинки, затишья в траве — и не успеваешь закинуть снасточку, и даже если успеваешь, то мелькнёт боком, хвостом небольшая сторожевая щучка, поиграет, не возьмёт как следует с первого раза, и тю-тю... — а второго-то уже и не будет — ты уже будешь слишком далеко, если только не останавливать плот, причаливать, соскакивать на скользкий берег (а то и в воду), возвращаться... — но это уже в редчайших, только особо достойных внимания случаях. А нет — плыви дальше, ищи, лови свою удачу, которая, может быть, у тебя за спиной, а тебя как раз разворачивает не в ту сторону, заставляя

закидывать не туда... — и от досады мажешь и вешаешь блесенку на куст — опа! медаль за небрежность, и хорошо, если сдёрнешь (наловчившись уже в этом нехитром деле), а если нет, и пойдёшь собирать в пучок ветки и листья, осыпая на воду мелкую ивовую обрезь (в детстве загадывали за спиной, петушок или курочка? — ободрав одним тряпкающим движением метёлку травы) — то гляди! леска вытягивается в струну, и не заметишь, как оборвётся — дзинькнув... — и освободившаяся блесенка — в воду, в ямку — плюх! и пошла на дно, вечным опавшим листом... — плот-то — это тяжёлая неповоротливая бегемотинка, которую вот так, сразу, не остановишь, не подтянешь за леску... Но главная опасность — не эта, главная — затор, сквозь который не прорваться. И приходится бросать своё вмиг ставшее жалким и несуразным, боевое судно. Поэтому, когда папка только лезет за брёвнами в воду, только пригоняет их тебе — подержать, приладить, выровнять — держиши их, ещё не ставшие плотом, и молишься: только бы не затор, только бы не затор, только бы не то, что может лишить смысла нашу весёлую возню с далеко не игрушечным, не тем, что хлюпают по пригородным карьерам, плавсредством («Как думаешь, четырёх брёвен хватит?» — «Па, может ещё?!» — «Не, хватит! Не будем жадничать» — и булыжничком или твёрдой корягой, а лучше топориком — бумс! бумс! — по гвоздям...) На что это можно променять? На три аккорда и песню на непонятном языке про то, что какая-то там Люси в небесах с бриллиантами? На «дорожку» кокса? На сильно мясной обед? Не знаю на что, но многие меняют... Хотя, казалось бы, на что можно променять путешествие в рай?

Тётя Лида, папкина младшая сестра (жена дяди Миши Бажукова), и баловала меня, и привечала, и требовала словесной взаимности: — Ну-ка, племянник, кто твоя любимая тётя? Ну-ка, иди, тётю-то поцелуй... Ишь, вот ведь нелюдимый какой растёт! И не поздоровается... Вода-то есть дома, нет, не занёс? Понятно... Всё, как отец, как отец — смотрит, как бы на речку удрать, к воде, к воде, да на другой берег!.. — ворчала она обычно уже с порога дома. Она же подарила мне первое спиннинговое удлинище (до этого я довольствовался старыми — и палками, и катушками со слетевшими пластмассовыми ручками, которые приходилось возвращать на место и обвязывать стёршийся от бесчисленных забросов алюминиевый шпенёк хитрым узлом-стопором из толстой лески). Конечно, тётя Лида не разбиралась в том, что она покупает — и взяла мне подарок не глядя, по названию — спиннинг он и есть спиннинг (у папки уже имелись разномастные огрызки этих обычно слабо склеенных шестиугольных закидушек, не очень пружинящих и довольно ломких, стандартных — как если сравнивать с гитарами — это были инструменты для начинающих, где жёсткие струны были на чудовищном расстоянии от грифа и нужна была почти шахтёрская сила в пальцах, чтобы прижать их и взять, вернее, изобразить хотя бы первые три аккорда, лишь отдалённо напоминающие ми, ля, ре — как ни настраивай... Но я был рад и такому, приладил к нему свою потрёпанную «Невскую» катушечку, пропустил леску в кольца, подобрал грузило, сделал петлю на конце и сразу нацепил блесну — снасть готова; леска натянута, удлинище чуть согнуто, блесна тройником зацеплена за внешний край барабана — как заряженное ружьё, осталось обновить и пристрелять...

Обновил... Довольно скоро. Мы тогда впервые отправились далеко вверх от Валерьяновой избушки — к мосту через Поингу, по которому гораздо раньше (ещё в дедовы времена) вывозили лес из-за Поинги исаневские лесники (мост впоследствии сожгли в несколько приёмов — чтобы поменьше лезли за Поингу редкие ещё тогда обладатели автомобилей (читай — приближённые районного начальства) — и он превратился в тоскливый ряд обгоревших свай, связанных поверху проржавевшим, прогоревшим кое-где одиноким тросом). Над ямкой свыше всегда скапливалась плотина из мусора, брёвен, досок, плотиков, коряг — упёршихся в сваи вечным, непреходящим затором, украшенным венком из набившейся сухой травы и веточек, и кружевами грязноватой пены.

Идти от дома до моста было совсем неблизко по моим меркам — около тринадцати-четырнадцати километров. Но в тот раз всё было просто — нас подбросили (редкое счастье в поинском мире): с нами был дядя Миша (а он, спрямляя пути своего кратчайшего отпуска, иногда пользовался негласными райкомовскими привилегиями...). Я помню некоторую неловкость, некоторое внутреннее недоумение — неужто возможность использовать машину даёт какой-то внеочередной пропуск в мой одинокий (кому-то покажущийся тоскливым, но, повторюсь, «это та тоска, что грусть») нетронутый мир? Но это было так редко (в основном, я путешествовал вдвоём с отцом), и так ещё далеко от высказанности в словах — что всё покрывалось шумной суетой погрузки-выгрузки, первых восклицаний на тишайшем берегу реки, первых шагов по влажной траве (от дома — и сразу сюда, ну разве не здорово?), отточенного до мельчайших тонкостей моросящим мелким дождиком аромата сочной, сминаемой нами, нашими пожитками, травы — это легко проскачивало и забывалось (хотя я был сторонником тех, кто сжёг этот мост, и пару раз тревожно вставал в стойку и вострил уши, когда шофёр стал задавать излишние вопросы: а дальше как, дорога нормальная? а грибы там есть? а брусника? а птица боровая вышла уже на дороги? — и мысленно грубил: нет, нету, не знаю, не надо туда лезть...)

Мужики втроём: отец, Миньон и дядя Миша полезли под мост и стали сооружать два плota, а я быстренько соорудил чайку, с удовлетворением отмечая, что следы машины, примявшей траву и кое-где рванувшей дёрн, затянуло влагой, бензиновый дымок рассеялся, да и её жужжение поздним предосенним шмелём обратно по песчаной дороге, по холмистому, всё поднимающемуся от Поинги водоразделу с Сысолой, затих и из точки превратился в общий «белый шум».

Плоты заякорены шестами в глину, чай недопит (в чём преимущество плota — бери прямо так, в котелке, ставь — захочешь, допьёшь), решаем — кто с кем плывёт, и тут загвоздка — мне хочется с отцом, как всегда, но тогда получится — Миша с Миньоном, а это не дело (у дяди Миши на тот момент отношения с Поингой были очень сложные — он несколько лет подряд ходил с папкой в походы — и ничего стоящего! ни одной нормальной рыбы! ни одной... — будто действовало колдовство или заговорённость, хотя я их внутренние, в связи с наличием машины в этом уравнении, формулировал совсем по-другому, как закон сокращения справедливости: хотите на Поингу в любой момент, в любой час, без долгого, годами копящегося опыта, чуть не складывающегося в ежедневные приметы (зацвёл шиповник — хариус пошёл на мушку), хотите всё просто? — получите,

вот вам молчащая, затаившаяся, будто вымершая река, вот вам уныло текущее безрадостное время...). И мы пришли к тому, чтоб Миньон отправился с папкой вперёд, а за ними — мы с дядей Мишней: опытный с неопытным, и я не уверен — кто был неопытный в нашей паре: я или дядька?

Но в этот раз все приметы, законы, суеверные загады — прорвало. Началось с меня.

Только мы отчалили, взгромоздившись каждый на свой чурбачок (верх рыбацкой роскоши — сидишь, как на троне — видишь всё вокруг, размахнуться — есть пространство за спиной, где так же, только в другую сторону, восседает напарник — красота!), только разминулись плотами — отец с Миньоном на шестах прошли чуть вперёд на пару поворотиков — как у меня отменная поклёвка! и первая же поклёвка — и спиннинг сломан! И ведь за мгновение до этого дядя Миша стал меня поучать, что я неправильно ловлю с плота, что это неправильный заброс — вдоль кустов, параллельно береговой линии, а что надо тянуть леску от берега к середине, будто рыбка уходит... И тут удар! Я несколько скептически выслушивал эти дяди Мишины сентенции (внутренне, в глубине всё же задумываясь — а вдруг правда? а вдруг из-за своего упрямства — вот я так хочу! — у меня не клюнет?) — и тут так рвануло из рук всю мою новенькую, вылизанную до мелочей снасть, будто взорвалось что-то! И я только, как посторонний наблюдатель стал про себя отмечать: вот я держу в руках ручку с катушкой, вот удаляется по леске вглубь какая-то беспомощно повисшая палочка с уже ненужными кольцами, вот сама почти миллиметровая леска с всхлюпом режет воду вдоль кустов, хотя это и неправильно и не должно так быть... — так это же половина моего удилища! — соображаю я, прия в себя, а у меня в руках — расхристанный обрубок с обжигающей, стремительно раскручивающейся катушкой... Щука! Где-то там в глубине под кустами — рвётся в коряги, и ободок катушки жжёт палец невольно, инстинктивно притормаживающий её.. Тут и дядя Миша сообразил, что там в глубине, в неправильно, не по стандарту обловленном мной омуте бьётся щуцища! И надо помогать её тащить!

Ценой покарябаных, побитых пальцев мне удалось остановить её ход, но тогда она решилась на другое — зайти мне за спину, и если удастся — поднырнуть под плотом. Мне пришлось перекинуть леску через голову (попробуйте это сделать в нервном состоянии и с жалким огрызком спиннинга в руках — я посмотрю), и самому крутануться в ту же сторону — а тем временем подоспел уже и дядя Миша, тоже прочитавший этот манёвр — он уже схватил вот-вот готовую заползти под плот леску и стал выбирать, активно чертыхаясь и перемежая излюбленным «вот, гад!», «тяни», и на всплески хвоста вышедшей к поверхности рыбы — «йобут!.. (далее совсем непечатно)» — тут уж мы вместе, поочерёдно перебирая леску, выдернули наконец щуку вместе с волной прямо на плот (вот что просто выше всех преимуществ — так то, что он низкий, широкий, удобный — не надо никаких подсачков, никаких тебе пугающих рыбу движений, чтоб подхватить её с головы, никаких трагедий, связанных с неловким промахом, или хитрым изворотом рыбы, умудряющейся зацепить блесну снаружи сетки подсачка и сойти... — выхватываешь её себе под ноги и не зевай, прижимай голову — следи только, чтоб не переборщить, не перекинуть через плот, или наоборот, недотянуть — ударить

головой о бревно, оглушить — и обратно — хоть лови руками... И такое бывало).

Всё. Царица этого омута, почему-то пропущенная и отцом и Миньоном, была наша. Да ещё с какими подробностями, какими деталями, какими волнующими кровь поворотами сюжета!.. Эх, можно было бы — я б, наверное, тоже закурил и выругался, как взрослый! Хотя я и так уже не маленький — вот доказательство, пошевеливает плавниками... Конечно, было очень жаль новёхонький, с иголочки, подарок — но внутри ворочалось и нарастало удовлетворение — вот тебе и неправильный заброс... Ну, кто тут неопытный?.. А я первый поймал!.. Что ж ты, дядя Миша, опять скажешь, нет тут рыбы?.. Я же видел, я же знал, что эти удилища — никуда не годятся... Знал, и всё же форсил этим подарком, украшал его блёснами лучше новогодней ёлки, примеряясь, как будешь забрасывать, как тащить?.. И что? Вытащил щуку с руку? Вот тебе и мастерство — первая же серьёзная рыба сломала спиннинг... Надо было держать поперёк идущей леске, чтоб гнулось, а не под острым углом, на излом! — ведь всё знаешь, а упрямый, гад — что значит, порода екишовская, папкина, тёткина... Теперь думай, что делать — этот огрызок никуда не годится, только в утиль, в старый рыбакский хлам (который, впрочем, мы не даволяли никому из женщин ни переносить из угла в угол, ни даже трогать — а вдруг когда-нибудь понадобится...)

Как только страсти поулеглись, дядя Миша крикнул на всю реку: — Хо-хоу!

Где-то за мыском отзвались отец с Миньоном. Мы им радостно доложили, что у нас первая рыба, и что мы встаём на починку.

— Но... — отзвались эхом невидимые отец с Миньоном.

Мы причалили и ещё сильнее отстали, когда стало ясно — придётся мне перейти к строму (удилищу с блесной) способу ловли. И теперь надо было ловить уже не сидя на сидушке, а стоя. И дядя Миша через какое-то время (заброс к берегу, блесна идёт к центру реки) сравнял счёт, но я опять вырвался вперёд — красиво (хотя скорее всего, это мог видеть я один), чертя полукруги вокруг своего кончика плота, блесной-бабочкой и леской нарезая полотно реки, сверху кажущаяся непрерывной сменяющейся лентой, смутно прорисованных (сезанновских и других импрессионистских) весёлых пейзажей — высекивает щука, хватает блесну, подсечка, и ты уже её самостоятельно, смело, уверенно (будто бременский музыкант поводящий гитарой) — берёшь, по-мужски прижимая к впадине между брёвнами плота... И снова фартит дяде Мише, вновь он, расставив локти, пыхтит — «Стой, гад!»

К привалу у нас была ничья: три-три (правда, моя первая, хотя я не стал этого уточнять при всех, была всё же значительно крупнее — снисходительно, как полагается мужику, промолчал)... И у отца с Миньоном было меньше нашего (это я тоже отметил про себя, как факт для неписанной истории), потому что Миньон все свои поклёвки суётливо проворонил.

После привала Миньон пересел ко мне (не от невезения, а, я знаю — от того, что уж больно было много шума для невыносящего суёты папки: «Эх, какая сорвалась красавица!» — «Помолчи», — «Толя, давай вернёмся, я её тогда не

упущу, ты за ветки подержишись, она ведь, наверно, уже успокоилась» — «Помолчи!» — «Да, хорошая была, здоровая — она как схватит! А я растерялся, чуть в воду не упал...» — «Миньон, ты замолчишь, нет?» — «Всё, Толя, молчу, молчу... Так значит, не вернёмся? Надо место запомнить...») — и уже я с молодым задором и гораздо большим снисхождением вынужден был реагировать на его суetu: — «Юрочка (не могу сказать, что мне нравилось такое дядькино обращение — терпеть его я мог только потому, что был на рыбалке и был главным на этом плоту), не холодно тебе? А? Давай, свитер достану... О, смотри, вот там моя щука стоит, вон у того топляка!.. Юрочка, не хочешь моих киевских попробовать блесен? (отворачиваюсь, чтоб Миньон не видел моей надменной улыбки полного рыбакского превосходства — ну, скажите на милость, ну какого такого лещего он привёз с собой все эти и не только эти безделушки? Мы уже при выходе на Сысолу опробовали его смешные, наполовину из авиационной резины сазаны донки-закидушки, на которые на Десне ловят таких карпов! таких лещей! таких сомов! — и долго плевались, когда огромные грузила вязли в нашем, видать, особенно вязком северном иле, когда какая-нибудь небольшая ляпка запутывала всю эту идеальную снасть, и так-то по-сиротски обмякшую, опутанную грязью, местной травой, облепленную на немыслимых по количеству шести, семи поводках (!) разным мусором... — всё это, и рассказы про сазанов, я списывал на обычную киевскую ностальгию по родным местам) Юрочка, давай местами поменяемся, что-то спина затекла и ноги — ой, ой! — утонем, иди сюда, а я здесь пройду...» — делать нечего, для чего-то посреди реки меняемся концами плота, может, мой чурбак комфортней, а мой конец плота не так опасно тонет в воде!..

Во всяком случае к следующему привалу я Миньона облавливаю (как и должно быть) и благодаря этому не сержусь, благодушествую, дожидаюсь, пока нас догонят поотставшие отец с дядей Мишой. Вот и они. Я, как можно небрежней (и эффектней) кладу на траву нашу рыбу (вернее, конечно, мою), чтоб ненароком указать, что это я, я (гаршинская лягушка-путешественница) поймал... Но оказывается не до того — отец с дядей Мишой, обессиленные, приваливаются к берегу, причаливают кое-как и ещё до их рассказа, по изнурённым фигурам, я уже вижу — что-то произошло из ряда вон... Но что? И где рыба? И оказывается — точно: только мы с Миньоном умчались вперёд, снимать сливки, как у дяди Миши на одном омуте — на самую бесперспективную, на самую, можно сказать, безнадёжную блесну (огромную, неуклюжую, нетаёжную уж точно, «Волгу»-блямбу и по форме, и по издаваемому при забросе звуку) — клюнула такая щука-монстр, щуцища-крокодил, что водила их (на плоте!) по всей яме, и не давалась, и делала свечки, и уходила под плот, и рвалась в кусты, и в итоге — сорвалась, оборвав миллиметровую леску... — что я понял, это было действительно так, раз этому участником и свидетелем-очевидцем был папка, теперь нервно куривший и пересказывавший всё чётко и сокрушённо. Дядя Миша молчал, вздыхал и только сокрушённо посмеивался нервным хохотком: — Хо-хо, вот гад!.. — когда папка всё вновь переживал: — Миша, эх, не надо было её буром тащить! Зачем тащил?.. И ведь опытный уже рыбак! А буром попёр, попёр!..

— Да, гад, буром-то я зря. Думал сначала — топляк...

— Миша, Толя! А ну, далеко это было?! Давай вернёмся. Ну-ка я на свои киевские попробую, а, Толечка? — влез Миньон, но только все отмахнулись, до того ли?

Пора была устраиваться на ночлег. Уху сварили из одних щучьих голов — такую наваристую, что под утро остатки превратились в заливное, в крутой холо-дец с вкраплениями разваренной белой, отставшей от костей, щучьей плоти. Я несколько жалел, что наши щуки (теперь уже не разберёшь, где чья) превратились из-за опасений летней жары вот в такую поленницу — груду просоленных обезличенных тушек. Зато Миньон смаковал головы до последней косточки, всё приговаривая: «Юрочка, золота дитя! Настоящий рыбак!» — что мне было и приятно, и постыдно (совсем как бабушка — но ей-то можно, она ведь на то и женщина).

В другие разы, в другие свои плавания с отцом я попадал на этот омут, и он неизменно напоминал — вот тут «Мишина» щука — и переходил на шёпот при приближении. Но она у нас не брала — она, действительно, осталась Мишиной, такой, какой я представлял её в воображении — матёрой, избирательной, поволчьи хитрой... Эх, не надо было буром! — мне виделся и дядя Миша, как он борется, как он истово наматывает леску на похрустывающую бухту катушки — будто стараясь перетянуть, переломить судьбу, перебороть все неудачи, все прежние пустые походы — идёт, гад! И вижу, как в сердцах, искренне сплёвывает отец — тьфу, еттиг! — когда лопается леска и следует мгновение паузы и тишины. — Ах ты, паттайя! Тьфу?.. Ну куда ж ты буром-то?! — ну и ещё, конечно, неопределённые артикли и вполне определённые выражения.

16. Небольшое отступление

Эти записки сделаны весной-летом 2008 года, на зоне (для облегчения археологической датировки своего архива, состоящего из бесконечных стопок бумаги, косых, пожелтевших — как торт «Наполеон» на срезе). Это к слову, не для какой-то ненужной сентиментальности. Просто в обычных книгах автор выводит себя поверх или побоку (смотря какого сорта выдумки ему нужны для придания «реализма» и «приемлемого отражения действительности» (разбояняжёенный словесный нарко-коктейль) — того, что империя дала сотворить ему от своих избытоков, не послав на смерть, но призвав к такой форме гражданского служения, как писательство — спасибо, не заразив (или наоборот) иными социальными болезнями). В нашем случае всё напротив — анти-империя всячески старается, чтоб не появилось даже такой публикации — эти записки уже изымались, арестовывались, отшманывались (с угрозами в адрес автора в получении новой добавки к сроку), просматривались в отделе безопасности... По приказу сверху автору тотчас, не зная что с ним ещё сотворить (ну не в изолятор же), влепили «красную полосу» (поставили на профучёт, задним числом, на всякий случай — а вдруг там, в записках, идеологическая бомба?) — это когда помимо шести обязательных получасовых проверок на плацу в день (шесть по полчаса — три часа в день как минимум), он должен ещё каждые два часа являться на отметку на КПП — вот он, я (называешься), особо опасный преступник, склонный к тому, что вряд ли признают наши старающиеся выглядеть всё-таки людьми, тюремщики (это не мы такие, это начальство — мы только исполняем, и даже

сочувствуем... — «стокгольмский синдром» только наоборот, стремление быть солидарными, исходящее от них — к нам... Но это не проходит — тюремщик, будь он хоть «Петрович», хоть «Николаич», а в основном — Камал, Давид, Онджубас, Радж, Наиль, Назим, Шекерхан, Асаныч, Гурамыч, Рамазаныч, Нурагалич, Алсу... — каково для русского языка и уха? — остаётся тюремщиком, служителем анти-империи...). Я уж не считаю 100%-ных проверок, когда кто-то ушёл в побег «по синей грусти», или просто отсыпается где-то в недрах сумрачных бараков, а его всё не могут найти и посчитать...

Демоническая попытка украсть время в сочетании со склонностями к садизму (руки из карманов... имя-отчество называем... снова начать?.. почему в тапочках... смотрите, тут работают женщины — а вы в шортах, с наколками... Это нельзя, и к тому же среди вас могут оказаться насильники... — потрудитесь не опаздывать — без труда, как говорится, не вытащишь и рыба из пруда... кто опоздал — составим бумаги...) — они ездят на допотопных машинках, которые им за «чай-курить» чинят, переобувают те же зеки, о которых они ломают черенки лопат, разбивают руки — они втихаря, готовясь к пенсии, содержат барышнические ларёчки (да и в зону иногда запускают потрёпанные «четвёрки» с быстро раскладывающимися прилавками: джинсы, носки, остроносые туфли — не хватает только сетки с арбузами) — они в строжайшей тиши строят где-нибудь на южных морях себе домики (ведь выдержать в местном климате лет двадцать для них, не местных — это почти подвиг...) — и что взамен за их унизительную «работу»? Только возможность ещё унизить тех, кто ниже и слабей... — это их премия, бонус, добавка к «заработной плате... И они в недоумении, в шоке — кому я перешёл дорогу? Что же я скрываю, чем же так насолил анти-империи (год централа и год лагерей) — тем, что не следую «либеральным ценностям», или что отрицаю гламур, прочую пидерсию, и основу нынешней извращённой сущности химеры — повсеместное, включая самое высокое, курирование европейских наркотрафиков (фамилии называть не буду — не хочу, чтоб в этой книге остался хоть такой след агрессивного жидовства), барышничество (размером только побольше, вместо арбузов и туфель — месторождения и энергосистемы), покоящиеся в воньком флёре «культуры лёгкого разврата»? Да, сладкой вони бездарного паразитизма я предпочитаю воспоминания об кисельно-уксусном запахе промокшей старенькой штормовки, списанной отцом, и вновь одетой моим дядькой Миньоном в последний приезд (больше он не смог найти возможности выбраться из Киева, до самой смерти — однажды только прислал посылку, куда впихнул пучок искусственных цветов, которыми он пытался приторговывать после обвала всех границ и пенсий, чтоб выжить — и не выжил). Да, наверное, это страшно для нынешней системы, судите, впрочем, сами.

Раз за одну только крамольную мысль о полной неспособности и несостоятельности нынешнего режима — сажают, то для меня это и есть доказательство того, что я на правильном пути (помимо статистики тех, кого посадили, кого убили, оставили сиротами, ограбили, лишили будущего, совратили, пренебрежительно проигнорировали...). Раз за слово можно так испуганно хвататься, раз исполнители чуждой, чужой воли (с именами, хрустящими на зубах) так боятся,

сами не зная, чего от них хотят из вышних кабинетов, и умоляюще глядят в глаза: — ну не пиши ты ничего, а?.. вот такого... ну, сам знаешь... — значит, всё правильно.

Значит, стоило и писать, и дышать, и родиться на беду нынешней убогенькой системе насилия, детективов, кавказских буферов, лагерей, уничтожения деревень, потребления лакированной хрени...

Приступая к этим наскальным рисункам, я намеренно хотел оставить в стороне тот убогий «современный» мир, который без сожаления покидаю всякий раз отправляясь в свой дом в деревне, а он вот как! — толкает под руку, навязывает режимчик, наворачивает, нагнетает, гонит системной жуты, стараясь подчинить, раздавить в одну мокрую лужу быдла и черни, лишить истории, святости, свободы — чтоб я забылся, и забыл многое, чтоб проникся и жил его мелкой ничтожной верочкой (ну не верой же назвать продажное убожество) во всемогущество «золотого тельца» — и даже, как в «Матрице» — договорившись, сепаратно схитрив — я получу средства, и на них смогу купить себе и приличную жизнь, и какое хочешь сказочное прошлое. Вот такое предложение. Вот такая идёт торговля.

Даже сейчас, прия с очередной проверки и «краснополосной» отметки — я продолжаю, просто продолжаю, без особой перспективы, стараясь, насколько возможно на русском языке, просто запечатлеть: мы были, мы есть. А кем мы будем — стоит ли ставить в зависимость от хилых рассыпающихся выдумок (кими наполнены все лагерные библиотеки) и хрипящей, давящей силы золотого тельца, всей своей тушей, всей машиной наваливающегося и навязывающего — молчи... ешь дневную баланду (отрицаем)... пойдёшь на лесоповал (испугал...), в карцер, в изолятор...

Эту небольшую, стоящую отдельно зарисовку — чёрный молчаний ряд людей, по одному выходящих из строя и произносящих имя-отчество — можно сравнить с тем, как в монастыре идёт по дневному обыденному круговороту служба: полунощница, часы, утреня, обедня, вечерня, повечерие...

— Только там другой проверяющий, — улыбается на свиданке, выглянув в окно и увидев проверку, архиепископ Стефан.

Да, за проверки, конечно, отдельная благодарность: вряд ли я при огромнейшей природной лени самостоятельно набрал бы сил вот так часто, монотонно, поступательно — выходить подышать и помолиться. Ведь внутрь я запускаю только то, что считаю нужным — кто может без моей воли проникнуть мне в душу и запрещать поминать близких, родных — кого за здравие, кого за упокой? Стою, молюсь, оттаскиваю волю, даже при возможности отмазаться — возникает какая-то пустота: все стоят, а ты как бы выпал — лучше всех, что ли? В хате у братвы (достойной и понимающей), у Феди Тюменского и московского Вовки Бабона — висит перекидной календарь, который маленькой надписью Иоанна Златоуста тоже вторит нашим делам: «Нет ничего в мире выше молитвы, нет ничего и равного ей». И в кратких перерывах между проверками — иду сюда, к своим небольшим, насколько возможно более точным картинкам, конечно, неисправимо

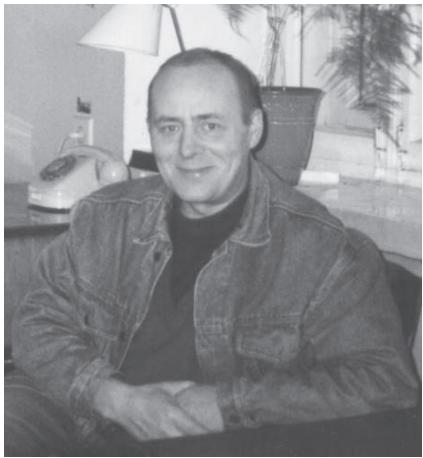
ниже по значению, чем чья-то искренняя непрерывная молитва в рядах — но не ниже нашего достоинства и цены нашего краткого земного времени.

С чем ещё сравнить? С тем, что из непрерывного течения жизни — воспоминания, непрерывного воскрешения слов и образов — мы заплыли на миг в старицу, побултыкали вёслами в чёрной стоячей воде, прикинули — что тут ловить? — карасей, окуней? — и вновь вышли на волю, на течение (это я об этом отступлении).

Зачем? Чтобы снова убедиться в силе, гораздо более действенной, чем все угрозы и соблазны мира, когда одинокий, немощный, лишившийся перед смертью ноги (безнадёжный артроз, ампутация), богатый фантазиями и нищетою не-прикаянный старик (дядя Миньон ненадолго пережил отца, и уже чуя конец, писал моей маме, ушедшей в монастырь, жалобные письма-фантазии, чтоб она забрала его к себе из Киева, чтоб помогла умереть на родине, а не так, в далёком краю среди так и не проданных искусственных цветов и не пригодившихся больше донок-резинок) — вдруг встаёт в моей памяти и одним движением сметает весь нынешний мирок тех, кто стремится господствовать и нашей землёй, и нами, кто хищно сосёт нашу нефть, и нашу кровь — тех, чья нефть пахнет кровью, и чьи имена и кровь воняют хуже всякого бензина... Так их, Миньон! Так их... Наша порода...

Продолжение следует...

Евгений Козлов

Евгений Валерианович Козлов чужис 1960-йдээ воян Емдін районса Эжов деревнянын. Йоңдліс ассыс гиждәяссө «Войын кодзув», «Арт», «Чушканзі», «Би кинь» журналъасын. «Водзывын пыдди», «Узытём войяс», «Кык книга» — поэтлён асшор кывбур чукёръас. Комиöдис финн-угор да роч поэтъясоц: Глеб Горбовскийöс, Игорь Шкляревскийöс, Ар Сергиöс, Октябрина Вороноваöс, Александр Суровоöс, Андрей Поповоöс. Налысь комиöдом кывбуръас позыб лыддынын өтувәя сборникъасын да журналъасын.

Федерико Гарсиа Лоркалысь, Лопе де Вегалысь, Нина Мазурлысь, Миклош Дярафашлысь, Николай Островскийлысь коми кыв вылё Евгенийон вуджöдом пьесаяссө пунктисны республикаса театръасын. Уна кывбур поэтлён лио сыланкывийн. Шыладсо гижисны Алексей Ген, Александр Фёдоров, Андрей Шахов, Александр Чувьюров, Михаил Герциман.

Евгений Козлов пырё Россияса гижись котырё. Уджало «Чушканзі» журналын.

«Ме коркё ставсö тэныд висътала...»

Арся мич

Арся вöрысь талун вайин
Моздор тырыд мич
Ыркыд лысванас, и тайён
Ловлы сетин лич.
Кусысь би моз ме нин песси,
Луныс вöлі сьöд.
Тайё здукас мыйкё вежсис,
Ачым на ог тöд.

Тайё арыс медся шуда!
Тайё арыс прöстö чудö,
Тайё арыс козыналис мен нöшта өти здук.
Тайё арыс, тайё мичыс!
Со и андел меным вичмис,
Ставсыс гажтöмтчом кык ловсö видлы онi юк!

Аски босытлы менё сьöрссыд,
Öтнамöс эн коль.
Аддзам ордым муса вörссыд,
Буджам ичöt ёль,

Пестам би, мед сэні сотчас
Лов и съёлём дой.
Мичсö вайём пыдди водзёс
Козьнала тэдвой.

Ме виччыся

Вежон помассяс, и бара чужан сиктö
Колö мунны — кыкысь некодí оз кор.
Войнас арыс меным кольёма визитка,
Кильчö помысь аддзи зарни рёма кор.

Вай пасьтась шоныда и лок,
Эн дöзмы, вевъялан ли он.
Ми асьным вочам помтöг нок.
Но ладнö. Квайтын. Павильон.

Югыд раскё быд во син гажёдны вола,
Танí здук кежлö да бордъяссылö лов.
Корлысь гылалёмсö аддзыивны тэн колö,
Татшöм мичыс сэсся мёд воöдз оз ло.

Но ладнö. Квайтын. Павильон.
Вай пасьтась регыдджык и лок.
Эн дöзмы, вевъялан кöть он.
Ме мёда виччысьны звёнок.

Лов да съёлём

Ме тэнö эг тёдлы,
Ме кусны нин мёдлі,
Ме виччыси сы мында лун.
Но тёлыся войё
Тэ бобулён воин
Да торкин и олём и ун.

Лов да съёлёмын вен,
Лов да съёлёмын вен.
И öтиыс колö,
И мёдыш мен колö,
Но кодсö нё бöрйыны мен?

И ышмёма лолой,
 И тэ сылы колан,
 И ниномысь сийё оз пов.
 Но съёлём оз сетчи:
 «Тэ му вылас лэччи!»
 Но му вылас здук тэ он ов.
 Ме лолёс ог пёръяв,
 Ме тэнё нин борий,
 Мен тэ кындзи некод оз ков.
 Ме сувтёді съёлём,
 Но сыйтёг со, вёлём,
 Му вылас и здук ме ог ов.

Ов, муса-й, ов

Кольё нёшта здук —
 Ме бара муна.
 Олём сідз нин дзуг,
 Эн менё кут... Эн борд.
 Вёлі бан и гуг,
 Но ёти югыд лунё,
 Андел лунё тшук,
 Ме кёсъя воны бор.

Торъялам кё тёдлытёг,
 Мый ме тэныд висьтала,
 Кодыр ковмас эновтны
 Шоныд руа горт?
 Кадыс ёдйё лэбовтас,
 Оз ков синва кисьтыны,
 Торъялам кё тёдлытёг,
 Менам муса морт.

Кольё уна во,
 Но индём лунё
 Ме кё бор ог во,
 Эн содтав дояд сов.
 Тэнад фото со,
 Сідзко, ме ог вунёд.
 Мед кёть мый оз ло,
 Ов, муса-й менам, ов!

Зэр шы улёт

Луныс бара сэтшом мисьтём,
Кёдзыд зэр оз дугдыв, кисьтö,
Öшинь дорын сулала ме, гажтöм, гёгёр сьöд.
Сöмын некодi оз висьтав,
Дыр-ö зэрыс тайö кисьтас,
Сийö лоас вежавун на, гашкö, ме ог тöд.
Ме нин виччысыны ог вермы,
Кёдзыд киын эзыс перна,
Мöвпöй лэбö вылö-ылö, быттьö югыд борд.
Ог тöд, ог тöд, мый и керны,
Бöрд кöть серав либö кевмы,
Медым менсым кевмысъёмös кылiс: Енмой, ворд!

Зэрö, зэрö,
Коблы, коблы!
Зэрö, зэрö,
Кодлы, кодлы
Лёктö песан,
Кодös кöссян венны? Ме ог тöд...
Зэрö, зэрö,
Кылан, кылан,
Лöньялы, медым
Муса нылан
Öшинь пыр мен ыстiс нюм
И збыльмис шуда вöт!

Ак, кутшом öдий

Ак, кутшом öдий лэбö кад,
Он тöдлы — бергöдchan, а сёр нин...
И мёдан кёдзыд зэръяс ёрны:
«Но мыйся олöм — тöлк ни лад!»
Ак, кутшом öдий лэбö кад,
И мёдас öдийöджык на лэбны,
Да сiдз, мый синъястö не дзебны...
Но ме и казьтылёмнас рад.

Кор тайö вöлi?
Коли дас,
А гашкö, унджык лэбис во.
Эм олöм книга костын пас —
Льём дзоридз тэён вайлöм со.

Дзик быттьё ловъя, сёмын кос.
 Эн вёрзьбд, киссяс —
 Колъё ёг.
 Мый волі, вунё либо оз,
 Но ми нин восьтім мёд лист бок.

Ак, кутшом ёдйё лэбё кад.
 И съёлёмён, и лолён кыла.
 Ме думён бергёдчыла ылё —
 Син водзын тэ да тувсов сад.
 Ак, кутшом ёдйё лэбё кад...
 Эг чайт, мый вермас лоны тадзи —
 Ме оні ловлысь петём аддзи,
 Кор другысь восьті лимонад.

Сыла тэнүйд

Со бара воис миян дінё гажа тулыс,
 И дзоридзъясён тыри ставлён ёшинь улыс,
 Но ог нин вермы козынавны ме дзоридз тэн,
 Он кывзы ньёти кыв, и мый нё ёчны мен?

Ме аддза мича дзоридзъяссё нывъяс киысь,
 И сэтшом съокыд овлё съёлём вылын сыысь,
 Кор кыла, кыдзи пышёй эзысь бордъя шуд,
 Но гёйрвоа, сийос оні он нин кут.

Ме сыланкывсö тайös сыла сёмын тэнүйд,
 Но медся югыд луныс лои вой кодь пемыд.
 Тэ косътін менсым съёлём, сорсис вой и лун,
 Но лёз синмыд, но нимыд оз на регыд вун.

Гортын арсявой

Ӧгыр вылё плита пачё
 Чётва тыртём «Прима» пачка.
 Кабалыс чукыртчас да
 Лэдзас еджыд тшын.
 Сиктыс узьё. Мамё узьё.
 Чискан шыён чайник пузьё.
 Вой шёр бёр, и кадыс мунё —
 Лэбис олём джын!

Коркё пета кильчö помö,
Чöвта куритчанöс вомö,
Песта öгыралысь би да
Чайтсяся öти здук —
Пемыд енэж тырыс кодзув,
Менам киын нöшта кодзув,
Чöж туй ийтчис кок ув мукöд —
Бöтын ставыс тшук!
Киöс нюжöда и судза
Енэжыслысь йир.
Коркё лэбалöмьсь мудза,
Доналöма вир.

Асъядорыс гортö пыра,
Шоныд руён кучкас нырö.
Жаль, но ойбыртлыны колö...
Сьёлём вылыш нор —
Бара, бара, бара, бара
Аски асыв мунны карö,
Но ме тöда — татчö коля
Мыйкö донатор.

Киöс нюжöда и судза
Енэжыслысь йир.
Коркё лэбалöмьсь мудза,
Доналöма вир.

Турёбаліс вежон чёж

Турёбаліс вежон чёж,
Потшöс юр йывъясöдз тола.
Мамö, юётö унджык пёж,
Шойчтан лунъяс кежлö вола.
Ломта пывсян куим гор,
Öкмöм няйтсö сота жарас.
Ок и дöзмыла тан карас,
Парма чуркйысь чуктöмтор.

Топыд ордымöд,
Багыль ордымöд
Дзибрöс пыжын моз локта гортö ме.
Мир туй вывсяныс абу матын öд,
Коскöдз войлася, кысся матькöмён.
Но öд мёдёма да, он кос,

Корё бияснас
Чужан поз.

Волас тулыс, волас ар —
Сиктад туй и олём вальдö.
Сё пёв бурджык сэки кар —
Гёгёр дзиридалö асфальтöн.
Сöмын бара кыскö лов.
Быттьö лäчкö шедлöм пышкай,
Кольё вежоныс — и пышъя...
Гортын шаньджык нянь и сов.

Топыд ордымёд,
Вошлöм ордымёд
Дзибрöс пыжын моз локта гортö ме.
Мир туй вывсяныс абу матын öд,
Няйтсо лоя да кысся матькёмён.
Но öд мёдёма да, он кос,
Корё бияснас
Чужан поз...

О-ë-ë-ëй!

Миян ёшинь улö воис
Дзоридз кёра нывка-юнь.
Сыё радейтчома войыс,
Войбыд синъяссö оз кунь.

Ой-ë-ë-ëй!
Бара тувсоввой
Узъны некодлы оз сет:
Муса нылöй, пет вай, пет,
Татшöм войö он жё узъ,
Петав, петав, зарни тусь,
Лок, карас гуляйтам!..

Кöсъян тöдны, кодар сетчам?
Мунам, кытчö индас чунь.
Мунам сэтчö, мунам сэтчö,
Кöнi ыджыдалö юнь.

Ме тэн шулi, мися, чеччи,
Енэж синъястö эн кунь.
Мунам сэтчö, мунам сэтчö,
Кöнi ыджыдалö юнь!

Реквием*

Мый водзö лоö, тунавны ог мёд...
Кöть сэсся мыйта
Бышлолав да падъяв,
Мый лоны, ачыс енмыс оз на тёд.
Тэ сёмын
Менё казьтыв кадысь кадö.

А воас еджыд турёбъяса тёв,
И менам позыйн торксяс олан ладыс,
Но юр ог вошты —
Быттьё эн и вёв...
Тэ сёмын
Казьтыв менё кадысь кадö.

А кёсий кё öд, öзйылі на сідз,
Мый шуда мортён нэмтö кылін асътö.
Но оні мусмём öткалунтö видз,
А менё
Кöть нин öтчыд вонас
Казьтыв.

Ме сэки унмовсъла,
Но садьма — му вылас ог тёр,
Лов пессьё, быттьё турёб шёрын пасътёг...
Тэ енэж жириас горзан:
— Локта бёр!
А меöдз воё:
— Казьтыв, казьтыв, казьтыв...

Ангел

Час джын кежлö ангел,
Пуксян орччён да лыддян мен олём —
Радейтöм ийылысь роман,
Сёмын водзö ни бёрсö он тёд.
Час джын кежлö ангел,
Югыда бордъяй, кытысь тэ волан?
Дзескыд жыръяса пемыдас тан
Мый тэ: вемёс ли помасътöм вёт?

* Нелли Морозова (Реквием. Пер. Е.Козлова).

Тэнö кори и локтiн.
 Эн мун!
 Гашкö, мыйонкö съёлёмтö дойдi?
 Мыйла тэнö эг аддзы ме войдöр,
 Орччён ветлiм кö сы мында лун.
 Сет мен вёля да кыпавны сет,
 Сет мен позянлун лоны кöть орччён.
 Ме ог кор, медым нэм кежлö кольччин,
 Сöмын — волiн кöть коръяскö мед!

Час джын кежлö ангел.
 Талун садьми да чуймёмён кылi:
 Кодкö ставсö дзик вежёма тан,
 Ассым ичётик позйös эг тöд.
 Час джын кежлö ангел
 Кёнкö керкаын ноксöё да сылö
 Радейтöм йылысь романс.
 Тайё тэ?
 Висьтав — вемös ли вöt?

Пужъялёма

(Кысыкё кывлём сыланкыв)

Быд дзоридз веж на волi войдöр,
 А талун — видзöд — ставнас чусалёма
 Да гажтöм нюмён съёлём дойдö...
 Пужъялёма.

Гörд шондi лыбöдчылö надзён,
 А войыс ёнакодь нин нюжалёма,
 И чеччан асывнас да аддзан —
 Пужъялёма.

Сьёд енэж йирас гёгрös тёлышь,
 Став мусö вуджöръясон вуджралöма.
 Тан ветлö сöмын йирмög-тёлыш.
 Пужъялёма.

...Да, кадыс лэбö, весиг тюрö,
 Зэв уна вежёр кудайшь вушъялёма.
 А мый нё лоис тэкöд, юрой?
 Пужъялёма,
 Пужъялёма,
 Пужъялёма...

Мёдам юны водка сорён чай

Воа аслам сиктö, чужан керкаö,
Радла — ѹёзö пырны оз на ков,
Мам на танi олö, пессьё-бергалö,
Воклон челянд гажёдöны лов.
Рытнас ыджыд пызан сайö чукörtчам,
Быттьё эз и вешый уна во.
Сöмын мамлён чужём вылын чукыръяс
Тöдчёдöны вежсьюмъяссö. Но...

Мёдам юны водка сорён чай,
Варовитам ассыным ми пай,
И ог шу, мый олём бур эз вай.
Ӧшинь сайын ыджыдалö май.

Коркö тадз жö радейтлi ме тулыссö,
Сöмын талун юрын тölк ни лад:
Бабö-й-папö югыд лунö кувлiсны,
Оз тай бурдöд, вöлём, лэбысь кад.
Казытышта, и бара синва чепёсий,
Быттьё синмö пырис турун ёг.
Дзулькнита ме водка, няньтор чепольта:
Вошийой, вошийой, пукалыштам лок!

Мёдам юны водка сорён чай,
Варовитам ассыным ми пай.
И ог шуюй — олём бур эз вай,
Ӧшинь сайын ыджыдалö май.

Лэбачьяскöд арнас карё мёдёдча,
Сэнi менам котыр, сэнi удж.
Аддза вётён — зэръяс улын кётöдчö
Чужан керка, быттьё пöрысь кутш.
Тулыссö да менё сiйö виччысью,
Таысь отдор нинём оз и ков.
...Кыр ўылас кор Ӧшинъяснас мыччысясь,
Меысь водзджык воас сэтчö лов.

Мёдам юны водка сорён чай,
Варовитам ассыным ми пай,
И ог шу, мый олём бур эз вай,
Ӧшинь сайын ыджыдалö май...

Олышт

Мый ме талун тэныд сета,
Медым небзис съёлёмвыв?
Гашкё, ичётик кассета,
Кён эм тёдса сыланкыв.
Сийос гижлёма нин важён,
Но тэ олышт сэкся гажён...

Гашкё, казтыштас тэн гёлөс
Ылі мусысь сөдз ю йыв,
Зэра гожём, сора тёлсысь.
Бипур дорын сыланкыв,
Кодёс гижлёма нин важён.
Но тэ олышт сэкся гажён...

Эн, эн татшом нора кызвы,
И эн шогав, муса ныв.
Кыдзи сэки, сыланкывсö
Отвыв ньёжйённикён сыыв,
Мед и гижлёма нин важён,
Но тэ олышт сэкся гажён...

Со и торъялім ми

Со и торъялім ми —
Тадзи важён нин коліс.
Отвыв кусодім би,
Коді пессис да оліс.
Дойёдз топоді ки,
Тайкё шудным сэн волі.
Со и торъялім ми,
ОНІ отнадлы воля!

Ов кыдзи кёсъян,
Тэнё нинём оз кут.
Ов кёні кёсъян,
ОНІ отнадлы воля.
Ов кыдзи кёсъян,
Гашкё, тёдлан на шуд.
Ов кодкёд кёсъян...
Тэкёд шуда ме волі!

Со и торъялім ми.
Со и торъялім ми.
Со и торъялім ми.
Со и торъялім ми.
Со и торъялім ми,
Ставсö вунöдны кёсий.
Коркö кусöдлом би
Век на сьёлöмын öзйö!

Вай кусöдам бисö

Тэнад мелі синъясö ме дзорга.
Некор наысь ог и пёт.
Кыдзи овлі, мыйла овлі коркö?
Аддзысылам-ö аски, ог на тёд.

Вай кусöдам бисö,
Мед личавлас лов.
И öшиньысь йисö
Пач ломтам да сывдам.
Вай кусöдам бисö,
Ме тані, эн пов.
Вой шевкнитас кисö,
И кодзула енэжас кывтам.

Вёр-ва узьё, сийёс нем оз торкав,
Ичёт лов моз аддзё югыд вёт.
Шуда гозйён лоам-ö ми коркö,
Либё ловным талун лоас пёт?

Вай кусöдам бисö,
Мед личавлас лов.
И öшиньысь йисö
Пач ломтам да сывдам.
Вай кусöдам бисö,
Ме тані, эн пов.
Вой шевкнитас кисö,
И кодзула енэжас кывтам...

Ме коркё ставсö тэныд висътала

Ме коркё ставсö тэныд висътала,
Но ёні юасьны оз ков.
Вай, бурджык, курыдторсö кисъталам,
Мед сïйё небзьёдыштас лов.

Эн юась, кёні шойтi-келалі
Да мыйла қыв эг гијжлы тэн.
Ме ёткён овны дзикöдз велавлі,
Но вётлыны эн тэрмась, эн!

Öд сiдз нин аддзысълывлам шоча ми,
А талун тэкöд сэтшом бур.
Тан сöмын лолöй менам шойччылö,
И тэтöг ньоти дой оз бурд.

И эн кё вöв тэ тайё му вылас,
Ме эськö важён эг нин ов.
Öд кымынысь ме верми кувны, но
Пыр тэлань кыссис мудзём лов.

Сизим лун

Кылан, муса мортöй,
Менам шоныд гортö
Кевмытöг да кортöг
Волы, пальёд шог.
Меным тэкöд югыд,
Меным тэкöд шоныд,
Меным тэкöд гажа,
Сёрнитыштам лок.

Волiн тэ, и шуда сизим лун
Вöлi менам, весиг вошлi ун.
Мунiн тэ, и помтöм сизим вой,
Курыд синва,
Пöдöм лов
Да съёлём дой...
Ой!

Кор нин сэсся волан?
Лун кöть мекöд олан?

Тöдан, кыдзи колö
Тэнад мелi ки.
Тэтöг сэтшöм пемыд,
Тэтöг сэтшöм кöдзыд,
Войбыд сöмын тэныд
Öзий менам би...

Ой, тувсов войёй

Ой, тувсов войёй, тэ став олёмсö кыпöдан.
Ой, тувсов войёй, тэ унмös менсым пальöдан.
Ой, тувсов войёй, гажа тувсов войёй,
Ме бара шуда казтылёмён тыр.
Майбыр, сё майбыр, том пора дай тулыс,
Майбыр, сё майбыр, долыд олан кад.
Майбыр, сё майбыр, качай юра нöрыс,
Майбыр, сё майбыр, дзоридзальсь сад.

Ой, тувсов войёй, тэ мыйла сьёлём сылётан?
Ой, тувсов войёй, тэ мыйла менё ылётлан?
Ой, тувсов войёй, муса югыд войёй,
Со бара гортö асылётз ог пыр.
Майбыр, сё майбыр, том пора дай тулыс,
Майбыр, сё майбыр, ловзьысь ывла выв.
Майбыр, сё майбыр, радейтчом кö суис,
Майбыр, сё майбыр, шуда авъя ныв.

Ой, тувсов войёй, тэ став олёмсö кыпöдан.
Ой, тувсов войёй, тэ лолёс бара пальöдан.
Ой, тувсов войёй, менам сьёлём дойёй,
Тэ мыйла волин — да ме динё эн пыр?
Майбыр, сё майбыр, том пора дай тулыс,
Майбыр, сё майбыр, лёз синъяса ныв.
Майбыр, сё майбыр, «Радейта!» ме шулi,
Но сiё мунис, мунис и эз кыв.
Майбыр, сё майбыр, том пора дай тулыс,
Майбыр, сё майбыр, кымын узьтём вой.
Ме сэки чайтi, мися, пыр жё кула!
Но кутшöм регыд бурдiс сьёлём дой...

* * *

Шондібаной, зарнианой, югъялан тэ енэж шёрас,
Помтём уджтö ассыыд панан рытъя кыаодз, а бёрас
Быдмас абуыс и эмыс — сидз нин лёсъёлдöма јенмыс.

Ой, олём, олём...

Турун сi кöть туган-ниа — коркö кулас да и пöрас,
Мыйкö, гашкö, сотчас быын, дзиköдз тöрmas ли, но бёрас
Выль олысылы вын кö сетас, бара быдмög сэтчö петас.

Ой, олём, олём...

Муса мортой, ловъя лолой, чужан-быдман парма шёрас,
Нэмтö мырсыёмён и олан, сэнi-й ойбыртан, но вёрас
Кольё озъянаён быыд, чös туй вывтi ветлысь пиыд.

Ой, олём, олём...

Коньёр съёлём, ок тай вёлём мыйта шогыс-гажыс тörö,
Ставсо верман нуны чола бёръя здукöдзыд, а бёрас,
Шань мортлы кö выныд вуджас, мыла сыйланкыв на чужас.

Ой, олём, олём
Чужысь ловлы ыстö чолём,
А мёд аскинас
Мунысылы нин ёвтчö кинас.
Мыйла му вылас и волам...

Штудии

Татьяна Дронова

*Татьяна Ивановна Дронова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы, истории КНЦ УрО РАН. Автор более 115 научных работ, в том числе монографий: *Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX–XX вв.)* (2002), *Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре* (2011); *Семья и брак староверов Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в повседневной и обрядовой жизни (середина XIX – начало XXI вв.)* (2013). Автор-составитель *Тематического словаря пословиц, поговорок, присловий Усть-Цильмы* (2014).*

Фронтовые письма Арефана Степановича Носова

2015-ый год объявлен Годом патриотизма в Республике Коми. Понять это соци-альное чувство, наполненное любовью к своему Отечеству и готовностью к его защите, нам помогают фронтовые письма участников Великой Отечественной войны, многие из которых отдали свои жизни, беззаветно защищая свою Родину. Фронтовые письма периода Великой Отечественной войны уже давно не являются личной перепиской, многие из них переданы в музеи и стали достоянием людей, интересующихся историей своего Отечества.

А.С. Носов.

В семье Анны Мироновны Тирановой хранятся фронтовые письма её дяди — Арефана Степановича Носова — адресованные жене Анне Илларионовне Носовой. А.С. Носов родился 7 ноября 1910 г. в с. Трусово Усть-Цилемской волости Архангельской губернии (ныне Усть-Цилемский район Республики Коми) в крестьянской семье. Его родители Степан Михайлович и Фёкла Ивановна воспитывали семерых детей. Отец владел церковной грамотой, был кузнецом, плотником. Мать растила детей, занималась хозяйством. Фёкла Ивановна умерла, когда Арефану исполнилось 18 лет. Вторая жена Степана Михайловича — Акулина Ивановна — не проявляла любви к детям, в связи с этим младшего шестилетнего брата Мирона Арефан Степанович взял на воспитание в свою семью.

А.И. Носова.

Так случилось, что у Арефана Степановича и Анны Илларионовны все дети умерли в младенчестве и впоследствии Мирон со своими детьми до последних дней жизни заботился о жене своего брата.

Из автобиографии А.С. Носова известно, что он закончил два класса в сельской школе, с 10 лет начал трудиться: занимался охотой, работал на лесозаготовках. В 1930 г. женился, а в 1932 году вместе со своей женой Анной Илларионовной вступил в колхоз «Труженик», откуда его отправили на десятидневные курсы культармейцев, по окончании которых Арефан Степанович работал ликвидатором неграмотности. С января по июнь 1933 г. он обучил грамоте 60 человек и был премирован костюмом. В 1935 г. закончив курсы счетоводов, работал в том же колхозе счетоводом. С 1 октября 1937 года был выдвинут на работу в районный земельный отдел инструктором-бухгалтером.

галтером, где работал до 1 апреля 1938 года. С 1 апреля 1938 года по решению Райкома и Райисполкома был переведён в Усть-Цилемскую РКШ на работу преподавателем по колхозному счетоводству, где трудился до 10 сентября 1939 года. С 10 сентября 1939 года по 5 января 1940 года работал бухгалтером Печорской базы сельхозснабжения. Арефан Степанович был активным общественником, работал в участковой избирательной комиссии при Трусовском избирательном участке в период выборов в Верховный Совет СССР, Верховный Совет РСФСР и Коми АССР, в местные советы депутатов трудающихся.

В январе 1942 г. был призван на фронт, зачислен в медико-санитарный батальон, но уже в марте этого же года направлен на двухмесячные курсы политруков. Воодушевлённый этим, он шлёт обращение к жителям района: «*Моя мечта сбылась. С первых же дней Отечественной войны с германским фашизмом я был до глубины души возмущён озверелым нападением германского фашизма. Учимся повседневно. Горим желанием принять непосредственное участие с оружием в руках вести борьбу с фашизмом. Сейчас моя мечта сбылась. Я направлен в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Я заверяю трудающихся района, что я буду вести борьбу с врагом не щадя сил, энергии и жизни. Мой лозунг «Победа или смерть». С этим лозунгом мы победим. Я призываю всех трудающихся нашего района работать самоотверженно, не щадя сил и энергии, каждому на своём посту. Работать так, как призывает наш вождь товарищ Сталин. С именем Сталина мы победим! Враг будет разгромлен.*

Арефан Носов».

Подобные письма-обращения фронтовиков, адресованные землякам, оставшимся в тылу, и в редакции районных газет известны по музеинм коллекциям, формирование которых началось в 1940-х гг.¹

¹ Сова В.А. О войне рассказало не всё... (Работа Национального музея Республики Коми по комплектованию материалов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) // Европей-

По окончании курсов Арефану Степановичу было присвоено звание младшего политрука, и в этой должности он отправлен на Калининский фронт в стрелковую роту: «*На учёбе я чувствовал себя хорошо и усвоил необходимые поставленные задачи. После присвоения звания политрука на меня ложится серьёзная ответственная задача по воспитанию бойцов. На выполнение этой важной задачи, на окончательный разгром немецких извергов, на то, чтобы вести за собой бойцов. Я заверяю вас, родные, что эту почётную и ответственную задачу выполню с честью, не пожалею ни крови, а, если потребуется, и жизни. Нет возвышеннее чести быть политическим руководителем нашей доблестной Красной Армии* (письмо от 28.04.42)». В ноябре 1942 года ему было присвоено звание старшего лейтенанта: «*22 ноября 1942 года: Мне правительство присвоило звание старшего лейтенанта. Сейчас учу бойцов сокрушительным ударам по врагу.*

Все письма Арефана Степановича пронизаны чувством глубокого патриотизма. В 1942 г. Арефан Степанович получает известие от жены о гибели её брата и в последующих письмах к ней он, утешая её, клянётся отомстить за его смерть: «*Когда читаю ваши письма, сердце каменеет от печальных известий и ненависть к врагам, заклятым немецким извергам, удесятеряется. Одна мечта — отомстить за смерть наших родных, здоровье и слёзы наших жён и матерей. Дорогая, мы этих извергов недочеловеков бьём день и ночь и будем бить до тех пор, пока они не будут стёрты с лица священной земли. В предыдущем письме я вам дал клятву отомстить за вашего брата. Я эту клятву выполняю* (письмо от 25.07.1942). «*Данную вам клятву отомстить за вашего любимого брата Степана Илларионовича я выполняю. Пять фашистских гадов полегло от меткой моей пули, и до тех пор я их буду истреблять, пока не будут истреблены все гады. С того времени, как я давал вам клятву, бойцами моего подразделения истреблено три десятка немецких извергов* (письмо от 14.09.42)».

Жизнь на фронте была безрадостной, почти в каждом письме Арефан пишет, что скучает и ждёт желанный час победы над врагом, чтобы вернуться в родной край к своим близким, привычной мирной жизни: «*Жить, правда, скучно, но ничего не поделаешь — война. Окончим войну, снова заживём по-старому, как с вами жили восемь месяцев тому назад*»; «*Изменений в моей жизни пока не произошло. Жизнь наша известная. Ранее, бывало, ходишь и думаешь, где бы убить уточку и наловить рыбы, а теперь всё это остаётся пока воспоминаниями. Охотимся сейчас за двуногими зверями, которые в пищу не годятся, и на свете им жить нельзя. Эти звери, о которых я пишу, они опаснее всякой заразной болезни, они всё на пути сжигают, мирных людей убивают, а потому и мы их так ненавидим и истребляем, как бешеных собак*» (письмо от 25.04.1943).

Мучительные дни военных походов, боевые действия, длящиеся порой по нескольку дней, фронтовик воспринимает по-мужски — мужественно, а в письмах с иронией пишет о фронтовых буднях: «*Нахожусь на Калининском фронте, занимаем оборону, слушаем и проводим ежедневную музыку под свист пуль, под разрывы мин и снарядов. Но, дорогая, не печалься, мы пока в надёжных укрытиях,*

ский Север СССР в стратегии Второй мировой войны (на материалах Коми АССР).— Сыктывкар, 2005.— С. 182–183.

и нам ни пули, ни мины, ни снаряды не страшны. Ожидаем приказ товарища Сталина пойти на окончательный разгром врага (письмо от 19.07.1942)»; «Привет, Анна Илларионовна. С приветом Арефана. Сообщаю, что я пока жив и здоров. Едем танцевать, танцы теперь известные, сама знаешь. Пиши письма по тому же адресу. Передай всем родным по горячему привету. Затем особо писать нечего и некогда. До свидания, дорогая. Жду письма. Горячо любящий вас Арефан.

2 декабря 1942 года».

Несмотря на трудности, Арефан Степанович находил свободную минуту, чтобы написать любимой жене, ободрить её: «Жизнь наша боевая, выполняем священную месть гитлеровским извергам. Сейчас сидим в маленьком шалаше с боевыми друзьями, но разрывы и канонада не перестают. Наша жизнь ежедневно в походе с боями. Погода стоит неплохая, сырья, ноги всё время сырье. Здоровье моё пока так неплохое, но ревматизм в ногах крепко оказывается. Боюсь, что может привести к худшему, но пока сил моих хватит быть проклятое немецкое зверьё (письмо от 01.03.43.)»; «Сейчас ежедневно выполняем боевые задачи, ходим в разведку. Вчера делали набег на немцев, истребили десятки немецких гадов и взяли одного в плен. С нашей стороны потерь не было. Бьём немцев, надо сказать, там, где они нас не ждут (письмо от 28.03.43.)»; «Желание и стремление одно — как можно большие истребить гитлеровских выродков, тем самым приблизить час победы и встретить вас! Сейчас сижу с друзьями в маленьком блиндаже, находимся в лесу, в полкилометре от линии фронта. Снова готовимся быть гитлеровских гадов, а затем гнать их на запад, очищая нашу священную землю (письмо от 12.03.1942)»;

Безусловно, солдаты скучали по своим близким, особенно, если в тылу оставались молодые жёны. Частые письма Арефана Степановича были проявлением любви и внимания к жене: «Живу неплохо, но скучновато, особенно без вас, но ничего не сделаешь — война. После разгрома врага снова заживём счастливо, как в бывалые дни. У меня есть, дорогая, к вам просьба, правда, я вчера об этом уже писал, но ещё раз напоминаю. Пиши чаще письма и вышли свою фотокарточку» (письмо от 02.11.1942). Ответные письма фронтовик получил лишь спустя полгода. В этот период в письмах к жене он постоянно обращается с просьбой писать почаше: «Я пока жив и здоров, живу хорошо, но от вас ни от кого не получал ни одного письма. Думаю, наверно, забыли (письмо от 25.05.1942)»; «Анна Илларионовна, я уже не собирался писать, видимо, вы считаете меня погившим и обо мне забыли, потому что как уехал я из дома, я не получал ни от кого ни одного письма, но решил ещё раз написать и уведомить вас, что я пока жив, здоров и невредим (письмо от 05.07.1942)». Первое ответное письмо Арефана Степановича получил 19.07.1942 г. и сразу же пишет ответ: «Я спешу вас уведомить, Анна Илларионовна, о том, что я ваше письмо, ещё первое, получил, которое писано 20 июня 1942 года. С тех пор, как я уехал от вас на войну, я получил от вас первое письмо. Хотя ты писала немного, я читал его бессчётное число раз»; «Я вам уже писал бессчётно писем, но ответы только что начал получать. За эти письма я вас, Анна, бессчётно раз благодарю. Когда я ваши письма читаю, то как дома побываю и прошу писать почаше, а я по мере моей возможности буду писать (письмо от 25.07.1942)».

В иные месяцы Арефан Степанович отправлял жене по пять-шесть писем. В них он не сообщает о трудностях, с которыми фронтовики сталкивались ежесменно. Письма фронтовика наполнены ненавистью к врагу и одновременно он утешает и поддерживает жену: «*Я принял присягу на верность Родине и партии Ленина-Сталина. Эту священную обязанность я клянусь выполнить честно, бить врагов буду до тех пор, пока будет во мне биться сердце. Я прошу вас не печалиться, конец нашей общей победы недалёк, враг ранен смертельно, осталось только его добить, и несомненно он будет добит невдолги, хотя и как бы он не сопротивлялся*» (письмо от 19.02.1942).

Как человек активной жизненной позиции он призывает её пополнять знания, несмотря на трудовую занятость: «*Ты пишешь, что поступила на работу дорожным мастером. Это, конечно, неплохо, но надо больше учиться грамоте в свободные минуты для того, чтобы быть полноценным работником*» (письмо от 26.02.1943). Из писем известно, что уже в 1942 г. питание на фронте было хорошее, в обмундировании тоже затруднений не было: «*Я живу, можно сказать, хорошо, одели с ног до головы, пожалуй, всё на себе не унесёшь, питаемся хорошо, вооружены до зубов. О наших успехах читай в газетах*» (письмо от 01.12.1942), но когда была разрешена рассылка посылок из дома, то Арефан Степанович обращается к жене с просьбой: «...*нам разрешён сейчас до 1 января 1943 года приём посылок для бойцов в армию. А поэтому прошу, если есть возможность, выслать пару носков, перчаток пару, перочинный ножик, бритву и зеркальце, а на гостинцы, что сумеешь. Не буду скучать, если и пошлёшь водочки разогнать скуку и вспомнить нашу разлуку. Если будет возможность, направь на память посылочку*» (письмо от 02.11.1942). В ответ благодарит: «*Затем сообщаю я тебе с глубочайшей благодарностью о том, что сегодня получил твою посылку в полном порядке, а так же получил два письма, от тебя и от папаши. За вашу заботу я вас благодарю бесчтюно раз*» (письмо от 22.01.1943). «*А посылки мне дороги тем, что вы обо мне не забываете, и хорошо то, что ты мне послала носки и перчатки. Правда они и есть, но ваши более удобны в боевых действиях*» (письмо от 11.02.1943).

Существенную помощь семье оказывал и Арефан Степанович. В период Великой Отечественной войны фронтовики от генералов до рядовых бойцов получали заработную плату, которую выплачивали регулярно наличными деньгами, позднее и аттестатами. Из письма Арефана Степановича: «*Я работаю политруком стрелковой роты, работа ответственная и почётная. Оплачивается хорошо, 1360 рублей в месяц. Я тебе перевёл уже в третий раз 800 рублей. Если получила всё и если родные и мой отец нуждаются в деньгах, то ты их поддержи*» (письмо от 19.07.1942). Почти в каждом письме он сообщает о денежных переводах, иногда повторяет информацию, вероятно, опасаясь, что не все письма будут получены адресатом: «*Я тебе, Анна Илларионовна, переводил денег четыре раза: три раза по 800 рублей и один раз — 700 рублей и отцу 200 рублей. На днях вам ещё переведу*».

В письмах Арефан Степанович сообщает о военной повседневности: «*Живём мы пока хорошо, питание хорошее, и в свободное время набираем малины и варим варенья... С 8 октября 1942 года нахожусь на отдыхе, от фронта 10–15 километров. Живу неплохо, но, надо признаться, что скучновато. Не отказался бы повидать вас и родных. Но прежде, чем повидать то небо, врага проклятого*

доконать надо (письмо от 01.11.1942)»; «Моя жизнь пока без изменений, жив и здоров, письма от вас получаю и пишу вам регулярно. Это считаю пока что единственным развлечением и утешением, а поэтому в дальнейшем с вами переписку будем продолжать (29.09.42)»; «Месяц находился на отдыхе, сейчас принял новое подразделение, народ хороший, особенно ком. состав. Подготавливаем бойцов на окончательный разгром немецких извергов. Сообщаю, что я живу и вою неплохо, но надеюсь, что буду жить и быть заклятыми врагов ещё лучше до полного их разгрома (13.11.1942)»; «Вчера встретил земляка с Красного Бора. Мы с ним встретились как близкие друзья, нашли самогону и хорошо выпили, конечно, вспомянули и вас. К тому же в этот же день я получил письмо от Петра Илларионовича. Он пишет, что живёт хорошо. От Алексея получил письмо. На днях мы танцевали, танцы удались хорошо, фрицы недовольны нашими танцами. Конечно, им нельзя и быть, чтобы были довольные (18.12.1942)».

Последнее письмо от мужа Анна Илларионовна получила в июле 1944 г., официального подтверждения о гибели фронтовика не было. По её просьбе Мирон Степанович — брат Арефана — отправлял запросы в военные архивы и только в 1962 г. был получен ответ из Архива Верховного Главнокомандования: «На ваш запрос о судьбе вашего мужа Носова Арефана Степановича сообщаем, что старший лейтенант Носов Арефан Степанович 4 октября 1944 года погиб при форсировании реки Вийке Эма Июгы и похоронен в деревне Юхнова Тырвинского уезда (ныне Варгского района) Эстонской ССР».

Фронтовые письма Арефана Степановича — это ещё одно свидетельство Великой Отечественной войны. В них читаются эмоции, чувства советского человека, беззаветно любившего свою Родину и самоотверженно ей служившего. В письмах отражено благородное отношение к жене и близким, искренняя забота о них. Вниманию читателей предлагаем некоторые письма Арефана Степановича, адресованные его жене — Анне Илларионовне Носовой.

* * *

1.

Добрый день, весёлый час! Пишу письмо, не вижу вас. Здравствуйте, мой близкий друг и товарищ Анна Илларионовна. С боевым и сердечным к вам приветом ваш друг Арефан. Сообщаю вам, что я жив и здоров, того и вам желаю. Анна, я от вас в одно время письма получал регулярно, но сейчас уже много времени не получаю ни от тебя, ни от родных. Анна, я тебе переводил денег ранее 5 раз 3700 рублей и отцу 200 рублей. Не знаю, всё нет получали. Сегодня ещё тебе перевожу 1000 рублей, отцу 300 рублей и сестре Агаше 200 рублей. Я живу пока, можно сказать, хорошо, жизнь моя пока намного улучшилась. Анна, пиши письма чаще. Передай всем родным по привету, а папаше низко кланяйся. Пиши, как твоя жизнь, каково отношение к тебе родных, какие новости и изменения дома. Затем до свидания, до скорой победы и близкой счастливой встречи. Жду письма. С горячим задушевным к вам приветом. Арефан.

17 ноября 1942 года.

Передай привет Карпам и Герману. Мой адрес: 1709 Полевая почта, часть № 83. Вышли фотокарточку. С приветом, Арефан.

2.

19 февраля 1942 года.

Поздно вечером делать нечего,
Сажусь за стол еловый, кладу листок почтовый,
Беру перо в руки, пишу письмо от скуки.
Ты лети, письмо, да сизым голубем,
Выше леса ты, да дремучего, ниже облака синего.
Лети, писемцо, извивайся, никому в руки не давайся,
Дайся ты тому, кто друг сердцу моему.

С красноармейским к вам приветом, Анна Илларионовна, пишет близкий вам друг, догадайся сама. Передай по горячему привету папаше, Степану Михайловичу, и Акулине, Карпу Григорьевичу и сёстрам, Анне и Агафье, Иллариону Ефимовичу и Татьяне Ульяновне и всем молодкам, сёстрам Агафье и Парасье со всеми её детками и всем родным и знакомым. Пару слов о нашей жизни. Мы живём хорошо, питание хорошее, обмундирование получили всё новенькое и тёплое, свои вещи и одежду я сдал в фонд обороны. Успеваемость в боевой и политической подготовке по всем дисциплинам на отлично. Ещё сообщаю, кто со мной земляки из одной части: Бобрецов Степан Петрович из Мылы, Чупров Григорий Иванович из Усть-Цильмы, Поздеев Илларион Неофидович из Ермицы, Рочев Иван Петрович из Усть-Цильмы, Ермолин Андрей Максимович с Бору.

Ваш брат Петрован вместе с Григорием Лазаревичем и много устьцилом с ними пока проживают около одного места, видимся частенько. Я вам писал письмо 10 февраля 1941 года, но не знаю, получала его или нет. Очень бы охота знать про вашу жизнь, да знать письма не пишете, и не пишите до нового адреса. Адрес, если будет возможность, то сообщу телеграммой. Я обращаюсь к вам с просьбой: работайте, не покладая рук, учитесь грамоте, читайте газеты, помогайте всем, чем можете, фронту. Этим самым вы поможете быстрее стереть с лица земли заклятых извергов — немецких оккупантов. Я принял присягу на верность Родине и партии Ленина-Сталина. Эту священную обязанность я клянусь выполнить честно, бить врагов буду до тех пор, пока будет во мне биться сердце. Я прошу вас не печалиться, конец нашей общей победы недалёк, враг ранен смертельно, осталось только его добить, и, несомненно, он будет добит невдолги, хотя и как бы он не сопротивлялся. Затем особо писать нечего. Правда, не знаю, где ты проживаешь, пишу на Трусово, но если ты проживаешь в Усть-Цильме, то, считаю, ваша сестра вам перешлёт моё письмо. Затем до свидания, до скорой победы и близкой встречи. С боевым красноармейским товарищеским приветом, близкий вам друг, любящий вас Арефан.

3.

22 ноября 1942 года.

Добрый день! Здравствуйте, близкий друг Анна Илларионовна. С боевым к вам приветом ваш друг Арефан. Во-первых, я сообщаю, что писем от вас не получаю, что я жив и здоров, вам пишу очень часто, но не знаю, почему вы не пишете. Прошу писать, связи со мной не прерывать. За время пребывания в армии, за 11 месяцев я научился бить врага наверняка. Мне правительство

присвоило звание старшего лейтенанта. Сейчас учу бойцов сокрушительным ударам по врагу. Жду письма. До скорой встречи. Арефян. 1709 Полевая почта, часть № 83, Носову А. С.

4.

7 января 1943 года.

Здравствуйте, Анна Илларионовна и все родные и знакомые. Во-первых, спешу передать вам мой боевой и сердечный привет и массу наилучших пожеланий в вашей жизни и работе. Во-вторых, уведомляю вас о том, что я на днях получил вашу открытку и сегодня два письма. Читал я по несколько раз и безгранично был рад. За письма вас, дорогая, благодарю бесконечно раз. Вы пишете, что послали бы фотокарточку, к сожалению, никак нет возможности сфотографироваться. Если бы была возможность, то вы бы давно и без просьбы выслали. Моя физиономия за год войны не изменилась, только стал посугорее и злее к врагам. У тебя есть старые фотографии, возьми и прибавь к ним форму русского офицера, и получится точно я. Анна, ты пишешь, что послала посылку, за что сердечно благодарю, хотя ещё и не получил, но буду рад ожидать. Я просил выслать тебя фотокарточку, ты пишешь, что нет возможности фотографироваться, но хотя из имеющихся у тебя не старых да вышли, буду ждать. Ещё сообщаю, что я от Петра Илларионовича на днях получил письмо, он живёт неплохо. Мирону написал письмо, но от него ещё не получил. Если будете писать, сообщите ему мой адрес. 15 декабря я вам перевёл 2000 рублей, а также папаше 300 и сестре Агаше 200, как получите, сообщите. О моей жизни за период года можно написать целую историю, но этим займёмся после войны. Но скажу пару слов, что я честно выполняю свой долг перед Родиной и будьте спокойны, я его выполню до конца.

Анна Илларионовна, у меня есть к вам несколько пожеланий. Вы пишете, что письма часто пишете, это хорошо, за что вас сердечно благодарю и желаю в дальнейшем держать письменную неразрывную связь. Пиши о вашей жизни, и идут ли на пользу тебе мои деньги, как живут родные и чем занимаются, как они относятся к тебе! Напиши всё подробно, какие новости и так далее. Затем особо писать нечего, живу сейчас в блиндаже около деревни, занимаем оборону и обучаем младших командиров. Писать больше не о чём, но пользуюсь тем, что осталась бумажка. Передай мой боевой сердечный привет: Агафье Илларионовне и Кристине Родионовне, Алексею Петровичу, папаше Степану Михайловичу и Акулине Ивановне, брату Карпу Степановичу и молодке Анне Фёдоровне, зятю Карпу Григорьевичу, сёстрам Анне и Агафье Степановным, а также Герману Васильевичу, дяде Василию, сестрёнкам Афанасье и Дуне, Парасье Илларионовне и племяшам Капе, Акулине и Никифору. Напиши, как живут твои родные, и передай им мой пламенный привет. На этом писать я кончаю. Остаётся одна мечта — скорее добиться бы победы и встретить вас и поговорить с вами, как бывало, и всем обо всём рассказать. Но пока до нашей встречи будем разговаривать письмами. Затем до свидания. Жду письма. До близкой победы и скорой встречи. С сердечным приветом и пламенным поцелуем, ваш Арефян. Мой адрес прежний: 1709 Полевая почта, часть № 83, Носову.

7 января 1943 года.

5.

28 марта 1943 года.

Привет с фронта! Здравствуйте, родные, милые друзья. Милые, любимые, вас забыть нельзя! Здравствуй, любимый друг Анна Илларионовна. Шлю я вам мой боевой привет и массу наилучших пожеланий, здоровья и счастья! Сообщаю вам, дорогая, я от вас порядочно времени не получал писем, но сегодня получил пять твоих писем и был безгранично рад. Не могу найти слов, чтобы выразить свою благодарность. Короче говоря, благодарю от всей души. Ещё сообщаю, что сегодня же получил письмо от Якова Максимовича. Он выписался из госпиталя и снова встал в строй, чтобы громить немецких гадов. Сейчас пару слов о своей жизни. Я пока жив и здоров. Сейчас ежедневно выполняем боевые задачи, ходим в разведку. Вчера делали набег на немцев, истребили десятки немецких гадов и взяли одного в плен. С нашей стороны потерь не было. Бью немцев, надо сказать, там, где они нас не ждут. Ну и всё. Сейчас пару слов в ответ на ваши письма. Выслать фото, я давно бы выслал, да негде взять, сам рисовать я не умею. Если будет возможность, то я сфотографируюсь и вышлю обязательно. Затем писать кончаю. Передай всем родным мой горячий привет и наилучшие пожелания. Пиши чаще, очень жду. Пиши письма по новому адресу: Полевая почта, №81004 Б, Носову А.С. Пиши по этому адресу, даже если на конверте будет старый адрес. До свидания, дорогие. Крепко целую. Арефан.

6.

24 мая 1943 года.

Привет с фронта!

Здравствуйте, Анна Илларионовна и все родные! Шлю я вам свой боевой и сердечный привет и много-много хороших пожеланий. Сообщаю вам, родная, что я пока жив и здоров, чего от всей души и вам желаю. Анна, вот уже скоро два месяца, как я не получаю от тебя писем, бывает очень скучно. Когда получишь письмо, то как-то становится на душе веселее. Не проходит часу, чтобы я не подумал о вас, и часто приходится вспоминать. Когда вспоминаешь о прошлом, то сердце камнеет от жгучей ненависти к немецким извергам, которые нарушили нашу цветущую счастливую жизнь и хотели её у нас отнять. Не бывать этому! Подлый враг скоро получит решающие удары Красной Армии. Порукой этому нерушимое единство нашего народа. Порукой этому нас ведёт к победе товарищ Сталин.

Пройдут года, и я снова увижу тебя.

Ты улыбнёшься, к сердцу прижмёшься.

Я расцелую тебя!

Анна, я Мирону писал письмо, но оно пришло обратно, он, видимо, выбыл в другой госпиталь. Если у вас будет новый адрес, то напиши. Я живу пока хорошо, стоим в обороне, готовимся к решающему сражению. Анна, будьте спокойны, мы прогоним этих гадов, чтобы они никогда не вздумали нападать на наш свободолюбивый народ. Писать кончаю. До свидания, дорогие.

Игорь Жеребцов

Игорь Любомирович Жеребцов (род. 24.11.1960 в г. Сыктывкаре)

Окончил сыктывкарскую школу № 4, исторический факультет Сыктывкарского госуниверситета, с 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, занимал должности от старшего лаборанта до заместителя директора по научным вопросам. С 2011 г. — директор института. Один из ведущих учёных-историков Российского Севера. Опубликовал более 300 научных работ, в том числе более 30 книг. С трудами И.Л. Жеребцова связано становление исторической демографии как особого направления научных исследований на Европейском Севере России. Плодотворно ведёт популяризаторскую работу, опубликовал 17 научно-популярных книг, руководил изданием краеведческого журнала.

Михаил Таскаев

Михаил Владимирович Таскаев. Кандидат исторических наук, зав. отделом истории и этнографии, зав. сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Автор более ста публикаций, в том числе монографий «Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.)». Сыктывкар, 2000; «Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 – первая половина 1930-х гг.)». Екатеринбург: УрО РАН, 2011; соавтор коллективной монографии «История Коми с древнейших времён до современности».

Коми учёные-гуманитарии — участники Великой Отечественной войны

В преддверии 70-летия Победы вызывает интерес изучение вклада интеллигенции в разгром фашизма. В годы войны интеллигенция отдавала все свои силы, знания и опыт борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Её представители сражались в рядах армии, трудились на самых ответственных участках в тылу. Настоящая статья посвящена коми учёным-гуманитариям, участникам Великой Отечественной войны, внёсшим вклад в создание и развитие историко-филологических исследований в Коми филиале АН СССР. Кратко биографии учёных уже рассматривались в сборнике «Судьбы, опалённые войной», справочнике «Учёные Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН» и некоторых публикациях [1].

В июне 1941 г. Академия наук СССР обратилась к учёным мира с призывом сплотить свои силы для защиты мировой культуры от фашизма. Президент Академии наук В.Л. Комаров, выражая чувства всех деятелей науки, заявил: «Участие в разгроме фашизма — самая благородная и великая задача, которая когда-либо стояла перед наукой, и этой задаче посвящаются знания, сила и сама жизнь советских учёных». Учёные АН СССР вместе со всеми научными работниками и преподавателями вузов подчинили свою жизнь и знания патриотическому призыву: «Всё для фронта! Всё для победы!».

В годы Великой Отечественной войны была создана Коми база АН СССР, в составе которой с 1944 г. значился отдел (сектор) языка, письменности и истории коми народа, ставший основой будущего Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Учёные-гуманитарии внесли свой вклад в победу в Великой Отечественной войне, принимая участие как в решении практических задач помощи фронту, так и непосредственно в боевых действиях.

Алексей Николаевич Александров родился в 1919 г. в Тамбовской губернии. В 1941 г. закончил исторический факультет Ленинградского университета. Ушёл на фронт добровольцем. Воевал на Северо-Западном, 2-м Прибалтийском фронтах, командир роты. Трижды ранен, инвалид войны. Награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 ст., медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1962 г. поступил на работу в Коми филиал АН СССР, в отдел истории. В 1968 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Вклад трудящихся Коми АССР в победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Автор свыше 70 научных трудов, среди которых монографии «Во имя жизни. О подвигах трудящихся Коми АССР на фrontах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Сыктывкар, 1966), «Труд во имя победы. Вклад трудящихся Коми АССР в победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)» (Сыктывкар, 1968) и др. Один из авторов и редакторов «Истории Коми АССР с древнейших времён и до наших дней». Руководил отделом (сектором) истории в год создания ИЯЛИ в 1970 г. Скончался в 1993 г. Оставил воспоминания, в которых так, например, описывал один из своих боёв за освобождение Риги в 1944 г.: «8 октября моя рота участвовала в разведке боем у последнего рижского оборонительного обвода... После десятиминутной артподготовки бросились всей ротой в первую линию траншей и очень скоро расправились со всеми, кто там находился... Оставил заслон в первых траншеях, при его огневой поддержке мы бросились вперёд, надеясь сходу овладеть и второй линией траншей, расположенных уступами. С криком «Ура!» один взвод ворвался в траншею и начал «очищать» её автоматным огнём, но второму взводу этого не удалось сделать. Завязался тяжёлый бой, появились раненые и убитые. Мне пулями пробило левую руку и стопу правой ноги. Превозмогая боль, пришлось вмешаться и самому поднять взвод в атаку. Началась борьба уже в самих траншеях. В этот момент пуля угодила мне в живот и перебила несколько ребер. В горячке я снова вскочил, но тут же упал от нового сквозного пулевого ранения, после чего я уже не мог встать на ноги... Пока около меня хлопотал санитар, к ногам упала немецкая ручная граната, готовая вот-вот разорваться... Латыш-санитар, рискуя поплатиться жизнью, отбросил гранату от моих ног, и она разорвалась в воздухе: мы оба получили ещё по одной отметине...» [2].

Яков Николаевич Безносиков родился в 1918 г. в с. Спаспоруб Усть-Сысольского уезда Северо-Двинской губернии. В 1938 г. поступил на факультет языка и литературы Коми государственного пединститута, с 3-го курса которого был призван на фронт в 1941 г. Л.А. Жданов писал о боевом пути Я.Н. Безносикова следующее: «После окончания Лепельского пехотного училища и курсов «Выстрел» Якова направили в 131-ю армию и назначили командиром роты ПТР 249 отдельного истребительного противотанкового дивизиона. Он участвовал в тяжёлых оборонительных и наступательных боях в районе Ржева. В своих воспоминаниях писал: «Мы буквально не вылезали из окопов, тянувшихся вдоль нашей передовой линии обороны. Часто залезали на так называемую нейтральную полосу, иногда достигая фашистских окопов. С обеих сторон действовали снайперы». Командир батареи «сорокапяток» Безносиков был награждён орденом Отечественной войны II степени. Последний бой наш земляк принял осенью 1943 года под Смоленском. Здесь он получил тяжёлое ранение, а потом почти восемь месяцев в операционных и госпитальных палатах Череповца и Иркутска врачи боролись за его жизнь. Даже на больничной койке Безносиков думал о будущем и готовился к нему. «Продолжаю учиться, — сообщал он в письме на родину из Иркутского госпиталя. — На днях сдал политэкономию социализма на «отлично». Теперь готовлю немецкий язык и советскую литературу. А потом — госэкзамены». Текущие экзамены за четвёртый курс Яков Безносиков сдал экстерном. В июне 1944 года капитан Безносиков был демобилизован и вернулся в Спаспоруб. Инвалид II группы продолжал долечивать раны войны. После ампутации левой ноги ниже колена трудно было привыкать к протезу и ходить, опираясь на деревянные костыли. Во всём помогала жена Анна Васильевна, с которой судьба соединила ещё до войны на студенческой скамье» [3].

За участие в боях Я.Н. Безносиков был награждён орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945 г. экстерном закончил КГПИ. В 1954 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Борьба КПСС за воспитание трудящихся в духе советского патриотизма в послевоенный период (1946–1953)». С 1958 г. зам. председателя Президиума Коми филиала АН СССР, в 1961–1972 гг. зав. отделом этнографии и археологии. В 1968 г. Я.Н. Безносиков стал первым коми историком, защитившим докторскую диссертацию «Культурная революция в Коми АССР». Автор свыше 150 научных работ, среди которых «Культурная революция в Коми АССР» (1968), «Развитие народного образования в Коми АССР» (1973), «Рассвет над Коми: Очерк истории культурного строительства в Коми АССР» (1986) и др. Скончался в 1989 г.

Александр Александрович Вежев родился в 1911 г. в Усть-Сысольске. В 1939 г. закончил факультет языка и литературы Ленинградского университета. В 1941 г. мобилизован в Красную Армию на фронт, воевал на Волховском, Ленинградском и 1-м Украинском фронтах. Капитан. Награждён орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945–49 гг., 1951–1971 гг. работал в Коми Базе (филиале) АН СССР. Первый учёный секретарь ИЯЛИ. Опубликовал свыше 200 научных работ, посвящённых коми литературе, среди которых монография «Зарождение и становление коми советской литературы» (1966). Основоположник коми научного литературоведения. Скончался в 1977 г.

Василий Николаевич Давыдов родился в 1924 г. в с.Межадор Сысольского уезда Коми АО. Мобилизован в 1942 г., воевал на Сталинградском, Юго-Западном, 4-м Украинском фронтах. Командир отделения гвардейского миномётного полка, разведчик. Старший лейтенант. Освобождал Крым, Польшу, Венгрию, Чехословакию. Награждён орденом Отечественной войны 2-й ст., медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1951 г. закончил истфак КГПИ и поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР. В 1958 г. В.Н. Давыдов защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Коми автономная область в период восстановления народного хозяйства СССР (1921–1925 гг.)». С 1961 по 1968 гг. являлся зав. отделом истории Коми филиала АН СССР, в 1973–1978 гг. — зав.сектором истории досоветского периода ИЯЛИ, в 1978–1985 гг. — зав. сектором истории периода феодализма и капитализма ИЯЛИ. Автор 56 научных работ, среди которых «Подготовка и начало массовой коллективизации в Коми области (1926–1929 гг.)» (1959), «Образование автономной Коми области. Сборник документов» (1971, в соавторстве) и др. Редактор 19 коллективных научных работ, среди которых «Очерки по истории Коми АССР» (Т.2), «Очерки по истории Коми партийной организации», «История Сыктывкара», «История Коми АССР с древнейших времён и до наших дней» и др. Скончался в 1992 г. [4]

В своих кратких воспоминаниях «От Волги до Эльбы» В.Н. Давыдов так писал о действиях отрядов «катюш», выявление целей для которых поручалось разведчикам: «Запомнился бой за станицу Верхне-Курмоярскую на Дону (может потому, что сразу после боя видел результаты нашей «работы»). Станица стояла на высоком берегу речки, вся утопала в садах и была сильно укреплена. С нашей стороны — голая степь, полого снижающаяся к речке. Наши наступавшие пехотные части здесь застряли. На помощь им направили полк «катюш». Дали два залпа, и станица была освобождена почти без боя. Когда мы (разведчики) вошли в неё вместе с пехотой, кругом всё горело и дымилось, везде валялись обожжённые трупы и боевая техника (в том числе батареи тяжёлой артиллерии)» [5].

Павел Григорьевич Доронин родился в 1904 г. в д. Проньдор Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. В 1926–27 гг. учился на историко-этнографическом факультете МГУ. В годы войны капитан стрелковой роты П.Г. Доронин принимал участие в боях на Калининском, 2-Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. Четырежды ранен, брал Берлин. Награждён медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». С 1946 по 1949 и с 1962 по 1966 гг. работал в отделе языка и литературы Коми филиала АН СССР. Опубликовал около 70 научных работ, среди которых «Извайльские партизаны. Исторический очерк» (1957), «Установление Советской власти в Коми крае. 1917–1918 годы» (1961) и др. Скончался в 1967 г. [6]

В Национальном архиве Республики Коми (ф. 1346) хранится огромное количество рукописных работ П.Г. Доронина, которого можно образно назвать «Колумбом коми летописания: «... очерки, статьи по истории Коми края (рукописи, машинописные экземпляры, черновые наброски), по вопросам развития первобытно-общинного строя на территории Коми края, зарождения и развития феодальных отношений, повинностей, административного деления и управления краем в

XVII в., крестьянских выступлений в XIX в., истории Серёговского солеваренного завода, выступлениях рабочих, истории разработки печорских богатств, проведения буржуазных реформ в сер. XIX в., развития общественной мысли и научного самосознания в XIX – начале XX вв.; политической ссылки и политссыльных в крае, развития школ по Усть-Сысольскому уезду (1912–1918 гг.), о первых библиотеках и музеях, быте крестьян, истории гг. Усть-Сысольска, Ухты. Работы П.Г. Доронина по истории гражданской войны и борьбе за упрочение советской власти в крае... Статьи по историографии, истории Коми края: о фальсификации в вопросах периодизации первобытно-общинного строя и зарождении феодализма, возникновении и развитии биармийской теории... Копии документов по истории Коми края с древнейших времён до XVIII в. (выписки из летописей, писцовых книг, исторических актов, рукописного архива Шегрена, «Собраний археологической экспедиции», «Приказных дел старых лет», «Усть-Вымских рукописей XVIII в.», «Древних российских грамот», дневников В.А. Русанова, В.Н. Латкина, «Вологодских губернских ведомостей», журналов, Ведомостей Всеобщей переписи (1887 г.). Копии статей и оперативных сводок о военных действиях в период гражданской войны... Картотека знаменательных дат по истории Коми края XVIII в.; справочные материалы по старинным мерам и весам в Коми крае и на Руси, по христианскому календарю... Статьи по литературоведению и языкоznанию: об этапах развития коми литературы до революции, творчестве Г.С. Лыткина, К.Ф. Жакова, П.Ф. Клочкова, А.А. Чеусовой, В.И. Лыткина, И.А. Шергина, М. Н. Лебедева, Е.А. Шахова; об исторической тематике в коми драматургии, о проблемах языкоznания, зарождении письменности и печатного дела в Коми крае. Выписки из произведений К.Ф. Жакова, П.Ф. Клочкова, И.Т. Чисталёва, устав зырянского литературного общества «Асья кыа», русские народные песни, бытавшие в Коми крае до революции...» [7]. Немало доронинских материалов хранится и в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН [8].

Плесовский Фёдор Васильевич родился в Спаспорубской волости Усть-Сысольского уезда Северо-Двинской губернии в 1920 г. Закончил филологический факультет КГПИ в 1941 г., в этом же году был мобилизован на войну. Воевал на Волховском фронте, после ранения закончил в тылу военно-фельдшерскую школу им. М.В. Ломоносова и снова был отправлен на фронт. В марте 1943 г. получил тяжёлое ранение, ему ампутировали ногу. В 1944 г. был демобилизован. Награждён орденом «Отечественной войны» 2 ст., медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Инвалид войны 2 группы. В 1951 г. защищает диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Сказки народа коми». В 1952 г. поступает на работу в отдел языка и литературы Коми филиала АН СССР, в дальнейшем сектор литературы и фольклора ИЯЛИ. Опубликовал около 40 научных работ, среди них монография «Свадьба народа коми» (Сыктывкар, 1968). Скончался в 1988 г. [9].

Пропшев Василий Иванович родился в с. Лыаты Усть-Вымского уезда Коми АО в 1921 г. В июле 1941 г. был призван в армию, закончил Пуховичское военное пехотное училище, расквартированное во время войны в Великом Устюге. Воевал на Волховском фронте, командир взвода ПТР в составе стрелкового полка. В марте 1942 г. был тяжело ранен и впоследствии демобилизован. Награждён

двумя орденами Красной Звезды и медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1943–1965 гг. работал в органах МВД Коми АССР. В 1961 г. заочно закончил историко-филологический факультет КГПИ. В 1965–1968 гг. начальник управления, а затем министр бытового обслуживания Коми АССР. С 1968 г. работает в отделе истории Коми филиала АН СССР. В 1975 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Вклад трудящихся Коми края в победу советского народа в годы гражданской войны (1918–1921 гг.)». В 1970-е гг. являлся одним из ведущих специалистов в области истории гражданской войны в Коми крае. В труды В.И. Прошева вошли далеко не все собранные им материалы. В частности, он во время сбора материала для кандидатской диссертации записал около сотни воспоминаний участников революционных событий и гражданской войны, содержащих весьма интересную информацию по названному периоду, в т. ч., например, о красном терроре и массовом негативном отношении к красным отрядам на Печоре. По идеологическим соображениям эти факты в 1970-е гг. не могли приниматься во внимание, и исследователь не использовал их в своих трудах, сделав в диссертации обычный для того времени вывод о всенародной поддержке трудящимися Коми края советской власти, партии большевиков и Красной Армии. В.И. Прошев опубликовал около 20 научных работ, среди них монография «За власть Советов» (Сыктывкар, 1980 г.), вышедшая уже после смерти автора. Скончался в 1977 г. [10].

В.И. Прошев оставил краткие воспоминания о войне, где писал, в частности, о действиях отрядов ПТР: «Моя фронтовая служба проходила на Волховском фронте. Началась она с получения первого в полку противотанкового ружья (ПТР Симонова) и комплектования подразделения бронебойщиков, обучения личного состава обращению с этим новым в то время мощным стрелковым оружием. Взвод комплектовался по принципу добровольности из числа наиболее крепких, выносливых и уже обстрелянных бойцов. Кроме ПТР личный состав был вооружён винтовками, противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью... Оборона. Она не всегда легче наступления. Например, первый раз я был ранен именно в обороне, ещё при комплектовании взвода, когда ходил из взвода во взвод, из роты в роту, из батальона в батальон и попал в зону артиллерийско-миномётного обстрела. Но остался в полку, продолжая выполнение порученного задания» [11].

Рочев Николай Никитич — первый директор ИЯЛИ. Родился в с. Брыкаланск Ижмо-Печорского уезда Коми АО в 1922 г. В 1940 г. закончил Печорское педучилище в с. Мохча. С началом войны добровольцем ушёл на фронт. В декабре 1941 г. закончил Череповецкое пехотное училище. Воевал на Калининском, Сталинградском, Украинских фронтах. Был ранен. Освобождал Украину, Румынию, Венгрию, Польшу и Чехословакию. В 1945–46 гг. следователь СМЕРШ. Журналист Ю.Ионов так писал о боевых делах Н.Н. Рочева: «...После нескольких месяцев воинской учёбы в Череповце и боёв на Калининском фронте в дни разгрома немцев под Москвой он прибыл под осаждённый Сталинград. Двадцатилетний лейтенант прославленной 24 Железной дивизии, уже вдоволь опалённый войной, он командовал взводом 82-миллиметровых миномётов. Однажды в жарком августе 42-го, ему, едва вышедшему из боя на командный пункт 1 гвардейской армии,

поручили сопроводить к НП армии самого маршала Жукова. Маршала сперва шокировал почти растерзанный вид молодого миномётчика, но, поняв, что тот с передовой, Жуков смягчился. На НП армии они встретили К.Рокоссовского и члена Военного Совета Н.Хрущева. От такого обилия «звёзд» лейтенант даже растерялся: у кого ему просить разрешения отбыть в часть: у заместителя Главковерха Жукова или соратника самого Сталина по правительству и Политбюро Хрущёва?.. Но Сталинград запомнился не обилием маршальских звёзд, а огнём и кровью, бесчисленными боями и атаками. Как-то в ноябре 1942-го, незадолго до генерального контрнаступления, из-за нехватки солдатского пополнения в атаку послали наспех собранную офицерскую роту в белых полуушубках и портупеях вперехлёт. Обрадованные возможностью истребить офицеров, немцы в упор расстреливали роту из пулемётов, сзади накрывали мины, а в первый скопой степной снег залечь было невозможно. От роты едва остался взвод... Тогда в армии как раз ввели институт офицеров связи, восполнивших нехватку радио и телефонов. Стал офицером связи, круглосуточно курсировал под огнём вдоль линии фронта в полосе прославленной 62 Армии генерала В.Чуйкова с машинописным листочком-удостоверением, с которым он, кроме прочего, «не подлежал задержанию заградотрядами»... Выйдя из этой огненной купели, офицер связи Николай Рочев затем пошёл с армией на запад, фронтовыми дорогами Украины. Здесь, кстати, он попал в 18 Армию и встал на учёт в парторганизацию, которой руководил начальник политотдела армии, будущий генсек Л.Брежнев. ... В конце 44-го, вблизи от украинской границы, капитана Рочева, фактически замначштаба полка 24 Самаро-Ульяновской Железной дивизии в числе группы других офицеров военный совет 4 Украинского фронта направили на укрепление кадров военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам»). После недолгой учёбы в Ужгороде Рочев стал следователем СМЕРШ 18 Армии. Военный опыт плюс педагогическое образование и ещё юношеское увлечение человековедением помогли ему быстро освоить сложную профессию фронтового контрразведчика. Сколько дел и операций оказалось затем на счету Н.Рочева на территории как Украины, так и освобождавшихся Красной Армией стран Восточной Европы!.. Довелось Н.Рочеву работать и в лагерях военнопленных с пленными, причастными к вражеской разведке. Со временем он стал старшим следователем, руководителем группы розыскников. После войны был переведён на аналогичную должность в контрразведку Закавказского военного округа, где пришлось бороться с диверсантами на советско-турецкой границе» [12].

Майор Н.Н. Рочев награждён орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны 1 и 2 ст., Трудового Красного Знамени, польским орденом «Серебряный крест за заслуги», медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За храбрость» (Чехословакия). В 1955 г. закончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве. В 1969 г. в Высшей партийной школе при УК КПСС защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук «Идейно-воспитательная работа партийных организаций ордена Ленина Коми АССР в период между XXII и XXIII съездами КПСС». В 1970–1985 гг. директор ИЯЛИ. Опубликовал ок. 80 научных работ, в т. ч. монографию «Интернациональное воспитание трудящихся Коми АССР» (Сыктывкар, 1978). Руководил подготовкой

и проведением VI Международного конгресса финно-угорских народов в Сыктывкаре. Вышел на пенсию в 1985 г., скончался в 2004 г.

Сельков Николай Никитич родился в 1911 г. в Савиноборе Печорского уезда Архангельской губернии. В 1931 г. закончил отделение финно-угорских языков Ленинградского пединститута им. Герцена. В 1941 г. мобилизован на фронт, воевал на Волховском фронте в должности командира взвода, старшего адъютанта командира батальона и помощника начштаба полка. Был контужен и попал в плен. До конца войны ст. лейтенант Н.Н. Сельков находился в концлагере под Нюрнбергом, освобождён американцами. Награждён орденом Отечественной войны 2 ст., медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1946–48 гг. работал в секторе языка, письменности и истории Базы АН СССР в Коми АССР. В 1956 г. вновь поступил на работу в Коми филиал АН СССР, в дальнейшем работал в секторе языка ИЯЛИ. Опубликовал св. 20 научных работ, соавтор «Русско-коми словаря» (Сыктывкар, 1966), монографий «Печорский диалект коми языка» и «Ижемский диалект коми языка» (обе — Сыктывкар, 1976) и др. Скончался в 1992 г.

Тимушев Дмитрий Андреевич родился в 1906 г. в с. Керчомья Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. В годы гражданской войны служил в Белой армии. В 1938 г. окончил факультет языка и литературы Учительского института в Сыктывкаре. В 1942–44 гг. находился на фронте, воевал на Волховском и 2-м Прибалтийском фронтах. После тяжёлого ранения демобилизован, инвалид 3 группы. Награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1944–1967 гг. поступил на работу в отдел языка, письменности и истории народа коми Базы АН СССР в Коми АССР. Опубликовал 10 научных работ. Один из составителей «Коми-русского словаря» (1961) и главный редактор «Русско-коми словаря» (1966). С 1962 г. учёный секретарь Коми филиала АН СССР по общественным наукам. Скончался в 1970 г.

Чисталёв Прометей Ионович родился в 1921 г. в п. Нювчим Сысольского уезда Коми АО. С детства увлекался музыкой. В 1938–1940 гг. учился на физмате КГПИ. В 1940–1946 гг. находился в Красной Армии. Участвовал в боях на 3-м Прибалтийском фронте, начальник клуба батальона аэродромного обслуживания 1-й воздушной армии. Лейтенант П.И. Чисталёв был награждён медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1955–1957 гг. директор Сыктывкарского музычилища, в 1958 г. поступил на теоретико-композиторский факультет музыкального пединститута им. Гнесиных в Москве. С 1960 г. работает в отделе языка и литературы Коми филиала АН СССР, начинает собирать музыкальный фольклор коми народа. В 1974 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата искусствоведения «Коми народные музыкальные инструменты». Опубликовал более 100 научных и научно-популярных работ, среди них монография «Коми народные музыкальные инструменты» (1984), соавтор трёхтомного свода «Коми народные песни». Скончался в 1988 г. [13].

Особо следует сказать о том, что один из участников Великой Отечественной войны, историк В.М. Подоров, подготовил первый труд об истории Коми АССР в 1941–1945 гг. Сам Василий Максимович Подоров — фигура неоднозначная, и оценка его исследовательской деятельности получила в научной литературе

неоднозначные оценки. Однако несомненно, что в определённый период времени В.М. Подоров был ведущим коми учёным-историком. Он родился в Усть-Сысольске в 1893 г. Во время гражданской войны воевал в Красной Армии. Окончил МГУ-2 (Московский госпединститут), аспирантуру НИИ народов Востока, в 1930-х гг. работал в Институте народов Севера, Институте национальностей, Институте истории АН СССР, Казахстанском филиале АН СССР, Коми госпединституте и др. В начале 40-х работал в Коми научно-исследовательском институте языка, литературы, фольклора и истории. В мае 1942 г. его призвали в армию. К сожалению, о его армейской жизни пока ничего не известно [14].

Демобилизовавшись в 1944 г., В.М. Подоров вернулся в Сыктывкар и с 14 ноября был зачислен старшим научным сотрудником в отдел (с 1945 г. — сектор) языка, письменности и истории Базы АН СССР в Коми АССР. Он взялся за написание труда «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны», завершённого к августу 1945 г. Эта работа (свыше 500 мпс.) осталась в рукописи и хранится в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН (ф. 1, оп. 12, д. 13). Она состоит из восьми глав, из которых названию труда соответствовали шесть: «Вероломное нападение фашистских агрессоров на СССР», «Выступление товарища Сталина по радио 3 июля 1941 г. и ответ народа на призыв вождя», «Год напряжённой борьбы Советского народа по укреплению экономической и военной мощи Союза ССР», «Год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны Советского Союза», «Год решающих побед Красной Армии и освобождение нашей Родины от фашистских оккупантов», «Разгром и капитуляция фашистской Германии и освобождение народов Европы от фашистского ига». Довольно большая часть текста этих глав не имела прямого отношения к истории Коми АССР. В.М. Подоров подробно рассказывал об «идеологической подготовке войны немецкими агрессорами», о «внешней политике Германии и Финляндии», о «взятии Красной Армией Берлина» и т. д., об «исторических выступлениях» Сталина и Молотова... Но в то же время Василий Максимович собрал немало сведений о Героях Советского Союза — уроженцах Коми АССР, об участии коми в защите Заполярья, о строительстве Северо-Печорской железной дороги и др.

Первые же две главы труда В.М. Подорова были посвящены предвоенным годам. В главе «Коми АССР перед Великой Отечественной войной» Подоров начал с образования Коми автономной области и «успехов социалистического строительства и борьбы с буржуазными националистами», подробно остановился на «Великой Стalinской Конституции и преобразовании Коми автономной области в Коми АССР», «принятии Конституции Коми АССР», «выборах в Верховный Совет Коми АССР и образовании правительства Коми АССР», выборах в местные Советы.

Специальную главу В.М. Подоров посвятил И.А. Куратову и празднованию столетия со дня его рождения в январе 1940 года. Позднее, уже после ухода В.М. Подорова из сектора, его коллеги обсуждали его работу и её раздел о И.А. Куратове, в частности, и подвергли высказанные автором положения резкой, но справедливой критике. [15] Обстоятельный анализ и критика антикуратовских взглядов В.М. Подорова даны в монографии А.Е. Ванеева [16].

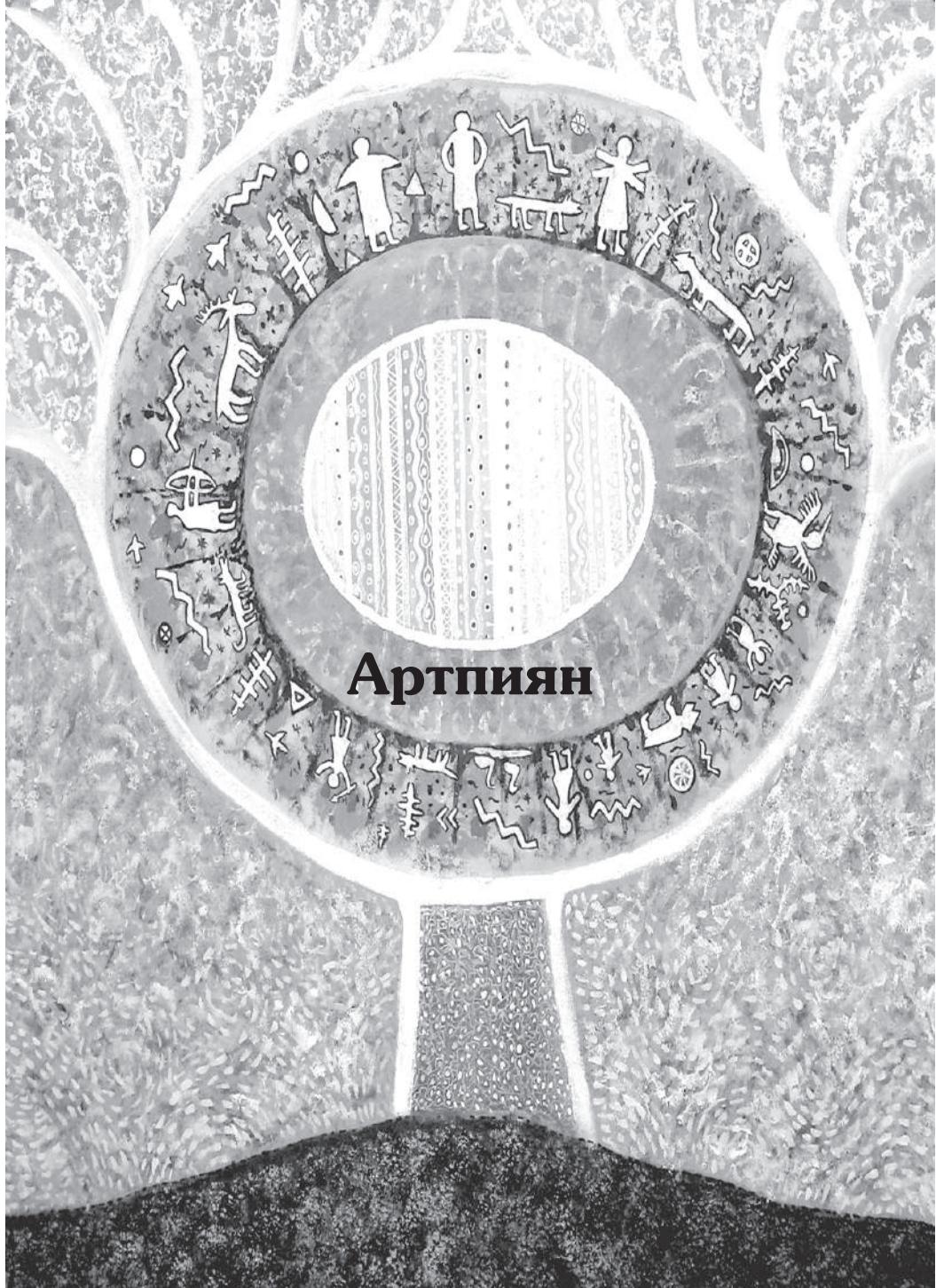
Летом 1945 г. В.М. Подоров обратился к руководству АН СССР с просьбой перевести его в один из филиалов АН СССР на юге. 28 июля 1945 г. В.М.

Подоров написал заявление: «В связи с заболеванием... прошу освободить... от работы в базе... т.к. думаю поехать в Москву для работы». 10 августа 1945 г. он уволился и уехал из Сыктывкара. По данным исследователя А.Е. Ванеева, В.М. Подоров скончался в середине 70-х гг. в Подмосковье.

Воспоминания научных сотрудников, воевавших и работавших в годы Великой Отечественной войны, а также письма, документы, ордена, газеты и журналы того времени, фотографии военных лет сегодня хранятся в фондах архивов и музеев республики. Эти материалы, неоднократно представленные на выставках, отражают подлинные события времён войны, в которой принимали участие и учёные ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Литература:

1. Судьбы, опалённые войной. Ветераны Коми научного центра УрО Российской АН в Великой Отечественной войне.— Сыктывкар, 1995; Учёные Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.— Сыктывкар, 2000.
2. Александров А.А. В годы комсомольской юности // Судьбы, опалённые войной...,— С. 84.
3. Республика. 2007. 22 дек.
4. Жеребцов И.Л., Чупров В.И. Василий Николаевич Давыдов. Материалы к расширенному заседанию Учёного совета Института 19 марта 2004 г.— Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. 32 с.
5. Давыдов В.Н. От Волги до Эльбы // Судьбы, опалённые войной...— С. 108–109.
6. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми.— Сыктывкар: РИО ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2006. 2-е изд., дополненное. 136 с.
7. Центральный государственный архив Республики Коми. Путеводитель.— Сыктывкар, 1992.— С. 248.
8. Жеребцов И.Л. П.Г. Доронин и собирание материалов о народонаселении Коми-зырянского и Коми-пермяцкого края // Архивы Уральского отделения Российской академии наук. (Тезисы докладов Второй научной конференции).— Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2001.— С. 70–73.
9. Жеребцов И.Л., Уляшев О.И. Фёдор Васильевич Плесовский // Плесовский Ф.В. Комиын овъяс.— Сыктывкар, 1997. — С. 3–4.
10. Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Материалы В.И. Прошева в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН // Архивы Уральского отделения Российской академии наук. (Тезисы докладов Второй научной конференции).— Сыктывкар: изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2001.— С. 79–82.
11. Прошев В.И. Не забыть павших в боях // Судьбы, опалённые войной...— С. 89.
12. Книга Памяти Республики Коми.— Сыктывкар, 2004. Т. 10.— С. 634–636.
13. Кудряшова В.М., Горчаков А.Г., Жеребцов И.Л. Прометей Ионович Чисталёв.— Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997. 40 с.
14. Жеребцов И.Л. Первый коми историк. Статья о В.М. Подорове // Коми педагогический институт: становление и развитие. 1932–1941. Документы, материалы, воспоминания.— Сыктывкар, 2007. С. 141–142.
15. Жеребцов И.Л. Материалы архива Коми НЦ УрО РАН о коми историке В.М. Подорове // Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества.— Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1997.— С. 35.
16. Ванеев А.Е. В поисках истины.— Сыктывкар, 1989.

Артпиян

Екатерина Денисова

Екатерина Евгеньевна Денисова, учащаяся 11 класса МОУ «СОШ» пст. Первомайский Сысольского района, учащаяся ГАОУ ДОД РК «Детско-юношеский центр спорта и туризма» РК, Сысольский район, пст. Первомайский, ул. Спортивная, 24/1.

Руководитель: Попкова Тамара Александровна, учитель истории и обществознания МОУ «СОШ» пст. Первомайский.

О судьбе бывшей разведчицы А.Д. Мельник (Сельковой)

Глава 1. «Глаза и уши артиллерии»

Женщина и война

Так уж случилось, что наши представления о войне — мужские. Это и понятно: воевали в основном мужчины, но с годами мы всё больше постигаем смысл подвига участниц войны. В самой кровопролитной войне XX века женщине пришлось стать солдатом. Она убивала врага, обрушившегося с невиданной жестокостью на её землю, её дом, на её детей. На фронтах Великой Отечественной в различных войсках служило свыше 800 тыс. женщин. [1] В истории человечества — это беспримерный факт. Никогда ещё столько женщин не стояло под ружьём. Им было куда труднее, чем мужчинам, но они с честью выдержали это испытание.

Были среди них и механики, и водители тяжёлых танков, а в пехоте — командиры пулемётной роты, автоматчики. Но вот парадокс: в русском языке у слова «танкист», «пехотинец», «автоматчик» нет женского рода, потому что эту работу ещё никогда не делали женщины. Десятки тысяч девушек и молодых женщин с первых дней войны ушли на фронт добровольцами. В тяжёлый 42-й ГКО принял Постановление от 15 марта 1942 г. «О мобилизации девушек-комсомолок в части ПВО», в котором обязывало ЦК ВЛКСМ мобилизовать к 10 апреля 1942 г. 100 тысяч девушек комсомолок в возрасте 19–25 лет.

Необходимо было заменить красноармейцев — радиотов, телефонистов, прибористов, разведчиков-наблюдателей зенитной артиллерии и других. Мобили-

зованные должны были являться членами ВЛКСМ, 40% из них — иметь среднее образование, остальные — не ниже 5–7 классов. Постановление шло с грифом «Совершенно секретно», поэтому его содержание не афишировалось. [2]

Осенью этого же года был издан приказ ГКО о мобилизации ещё 50 тысяч женщин, чтобы заменить младший комсостав войск ПВО. Речи об образовании и членстве в ВЛКСМ уже не было. Вспомним повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие». События в ней начинаются в мае 1942 г., когда в распоряжение старшины Васкова прибывают зенитчицы первого и второго отделения 3 звезды зенитной батареи. Девчонки-комсомолки, так полюбившиеся советским читателям, были мобилизованы по вышеуказанному Постановлению ГКО. (фото № 1).

Известно, что на основании приказов ГКО в войска ПВО было призвано более 300 тысяч женщин, сотни тысяч — в военно-медицинские учреждения и санитарные службы, войска связи, дорожные части и др. Было сформировано три женских авиаполка, добровольческая стрелковая бригада, отдельный женский запасной стрелковый полк. В числе мобилизованных по данным приказам была и Александра Селькова.

Анализируя боевой путь героини исследования, очень хотелось узнать, что чувствовала, о чём думала она тогда, промозглыми ночами осени 1943 года, когда только что была отправлена на фронт, или в зимнюю стужу 1944–45 гг. К сожалению, это уже невосполнимая утрата, и лишь косвенные свидетельства других участников войны помогут реконструировать военную биографию моей прабабушки Шуры. Очень сожалею, что не расспросила её, пока она была жива, о каждой детали военного быта, о подробностях боевого пути. (фото № 2).

Родом А. Селькова из с. Чухлом Коми АССР. Захотелось узнать, сколько женщин Сысолы защищали Родину с оружием в руках. Для этого обратились в музей «Истории и культуры Сысольского района». Установлено, что в начале войны ушли на фронт добровольцами или были мобилизованы более 40 женщин и девушек. Они служили медсёстрами, санитарками, связистами, многие — зенитчицами, а моя прабабушка была разведчиком-наблюдателем ЗАП. Двое из них погибли. Имя одной нам известно: это пулемётчица Ксения Васильевна Пыстина из Вотчи, умершая от ран в 1943 г. в Северодвинске (бывшем Молотовске). Из нашего района в годы войны было призвано 4052 человека, а вернулось домой всего 1094 фронтовика. Такова печальная статистика войны. [3]

Специфика деятельностивойской разведки

Чтобы лучше представить, чем конкретно были заполнены фронтовые будни А. Сельковой, пришлось познакомиться со спецификой деятельностивойской разведки на основе литературы и опубликованных воспоминаний.

Разведка — это «глаза и уши» полка, дивизии, армии. Артиллерийская разведка подразделялась на воздушную и наземную. Воздушную осуществляли экипажи разведывательной авиации и аэростаты наблюдения. Наземная велась с наблюдательных пунктов командиров всех звеньев и инструментальной разведкой. Считалось, что обнаружить цель — доблесть не меньшая, чем поразить её. Это положение подтверждалось буквально в каждом бою. Если артиллерия вела

огонь не просто в сторону противника, а по точно разведанным целям, успех в бою был гарантирован. Следует отметить, что пленные немецкие офицеры высоко оценивали работу советской артиллерийской разведки. [4]

Главной задачей разведчиков-наблюдателей зенитной артиллерии (воинская специальность № 12) являлось обнаружение самолёта противника. Наблюдательный пост обычно состоял из 7–15 человек. Разведчики были оснащены биноклем, иногда подзорной трубой, часами, телефоном, компасом и высотным планшетом. Другими средствами наблюдения ПВО не располагала. Разведчик-наблюдатель был обязан обнаружить в небе самолёт и опознать его; определить направление полёта и измерить высоту; зафиксировать время пролёта самолётов и донести эти сведения в штаб или на КП. При ясной погоде разведчик по звуку мотора мог обнаружить самолёт на расстоянии 10 км, а увидеть — на расстоянии 6–7 км. Силуэты самолётов в бинокль различимы на высоте 4 км и то, если руки наблюдателя не дрожат от холода, страха или волнения. Поэтому высоту полёта определяли по высотному планшету, а чаще на глазок. [5]

Большинство зенитных соединений было укомплектовано девушкиами. Так, 613-й зенитно-артиллерийский полк, в котором служила А. Селькова, на треть был женским. Ценными источниками по теме исследования являются воспоминания участниц войны. Вот одно из них: «Разведчики ЗАП днём и ночью дежурили на своём наблюдательном посту, следили, когда появляются самолёты. Мы знали все типы самолётов, как своих, так и вражеских. Распознавали их по фюзеляжу и «хвостовому оперению», по количеству моторов, по звуку. Определяли азимут полёта и по телефону (называли его «трубой»), передавали сведения на КП. И во время бомбёжки мы не имели права бросить пост и уйти в укрытие. Было очень страшно, но продолжали наблюдать и передавать данные». [6]

Из воспоминаний Н.В. Кондрашовой, командира отделения разведки зенитной батареи: «Мы по очереди стояли на вышке в любую погоду. Страшно мёрзли, терпели, но не имели права пропустить ни один самолёт к Москве. Опознавательные сигналы нашей авиации менялись два раза в сутки: ночью самолёты зажигали бортовые огни, днём тоже давали знать, что летят свои. Было строго: если самолёт не отвечал на сигнал или неправильно отвечал, зенитчики давали предупредительный залп, после чего вели огонь на поражение. (фото № 3).

Быт устроен был, как и везде на фронте: жили в землянках, в вечной сырости. Печки-буржуйки спасали, но всё равно от земли несло промозглым холодом. Зимой после 2-часового дежурства на вышке НП главным было согреться перед тем, как снова заступить в смену». [7]

Формат работы не позволяет раскрыть все аспекты войсковой и, в частности, артиллерийской разведки. Главное, как нам кажется, выразил один из разведчиков, З. Пилат, которому принадлежат следующие слова: «Война — штука грязная и вонючая, ничего светлого и романтичного в ней нет». [9] Может, поэтому такими скучными были рассказы участников войны, особенно тех, кто знал «окопную правду». К таким людям относились и Александра Дмитриевна Селькова, которая очень редко в кругу семьи вспоминала о войне, всё чаще отшучивалась (из воспоминаний Т.В. Денисовой). Да как-то и не принято было рассказывать о войне, особенно женщине. Тяжело это было. (*Приложение № 4*).

Глава II. Разведчица Сандрा

«Вставай, девушка, Родина зовёт!»

На фронт восемнадцатилетнюю коми девушку из села Чухлом мобилизовали в начале 1943 года. А было это так: ночью в барак, в котором спали колхозницы, работавшие на лесозаготовке, вместе с председателем колхоза явился человек в военной форме. Спросонья Александра толком даже не разглядела его лица, а слова запомнились. «Вставай, девушка, Родина зовёт», — сказал военный и вышел, чтобы она могла одеться.

Сандра (так звали прабабушку родные) не понимала, почему в числе мобилизованных оказалась именно она. Ведь образования у неё практически не было. В школу ходила от случая к случаю, за это время научилась читать и писать, но с трудом понимала русский язык. Она была вынослива, трудолюбива, впрочем, как и все остальные сверстники того времени, и среди других деревенских девушек отличалась лишь бойким нравом. Возможно, в армию попала благодаря тому, что с 10 лет ходила с отцом в лес на охоту и умела стрелять. Отец, Дмитрий Сельков, вернулся с гражданской войны инвалидом, ему ампутировали руку. В семье было семеро детей — и все дочери. Отец почему-то признавал только Сандрю, любимицу. Её и брал на охоту и пристрастил к ней дочь. Она хорошо знала лес, легко в нём ориентировалась. Эти навыки сполна пригодятся ей на фронте. (фото № 5).

Призвали Александру вместе с землячками, Лапшиной Евдокией и Зиновьевой Прасковьей (из с. Чухлом в 1943 г. мобилизовали на фронт 5 женщин). [10] На лошадях добрались до районного центра. В Визинге у военкомата девушек и женщин ждал грузовик, на котором доехали до Сыктывкара, а потом их доставили на железнодорожную станцию в Княжпогостском районе. В теплушке спать пришлось на полу, и прабабушка в дороге простыла. На месте огромного фурункула на плече образовалась язва, которая никак не заживала, и её высадили на станции Коноша, определили в госпиталь, расположенный в здании школы. Здесь она находилась почти два месяца. Поскольку мест в госпитале не хватало даже тяжелораненым, которые поступали с Волховского и Ленинградского фронтов, Александру отправили долечиваться домой. Повторно призвали её на фронт 30 августа 1943 года — так отмечено в её красноармейской книжке. Присягу она приняла 17 сентября, уже в Москве, где обучалась на краткосрочных курсах по подготовке разведчиков-наблюдателей для зенитной артиллерии. (фото № 6).

Занятия проходили в подвальных помещениях знаменитого столичного планетария, расположенного на улице Садово-Кудринская, 5. Лекции по оптике и топографии курсантам, разведчикам и военным лётчикам, читали специалисты планетария. [11] Хочется надеяться, что прабабушке удалось увидеть и звёздное небо, и летящую ракету Циолковского, и северное сияние в огромном куполе планетария, который и в годы войны принимал посетителей. (Прил. 7) Александра оказалась очень способной, и за два месяца учёбы освоила все необходимые приёмы наблюдения, оповещения и связи. Здесь постигала она азы русского языка, на первых порах хорошо выговаривая только две фразы: «Есть!» и «Так точно!». На всю жизнь она запомнила эти два голодных месяца, проведённых в учебке, когда кормили пустой похлёбкой, в которой плавала пара капустных листьев какого-то непонятного синего цвета. [12]

Фронтовыми дорогами

После окончания военного училища Александру определили в 1755-й зенитно-артиллерийский полк в составе Особой Московской армии ПВО, который находился под Москвой и защищал небо столицы. С марта 1944 г. полк был переименован в 613-й ЗАП и вошёл в состав 75-й зенитно-артиллерийской дивизии, которой командовал полковник К.Богатов. Его воспоминания также помогли восполнить пробелы фронтовой биографии моей прабабушки.

Артиллерия без разведки, как известно, «слепа и глуха». Артиллерист может уничтожить цель, только когда видит или слышит, куда стреляет. Наблюдательные пункты выбирались в зависимости от обстановки и поставленной задачи. Порой приходилось рыть углубление в земле, действуя сапёрной лопаткой, которую всегда разведчики имели при себе. А зимой окапывались в снегу: мёрзли руки, дубело тело, а нужно было с помощью оптического прибора — буссоли — определять координаты для ведения огня, затем передавать по «трубе» на командный пункт. Сообщения Александры соотносили с данными других наблюдателей и вносили корректизы, координируя стрельбу зениток и пушек. Старший разведчик Селькова научилась по звуку точно определять тип любого самолёта — своего или вражеского. (фото № 8).

Девушка из сельской глубинки, благодаря своей природной смекалке и хватке, была на хорошем счету. Командир отделения, младший лейтенант Кривоносов, однажды отказал капитану Помазову, который просил перевести разведчицу Селькову в полковую разведку. «Не отдам, — отрезал лейтенант. — Мужиков забирай, хоть всех десятерых, а её не отдам».

Из-за отсутствия угрозы налётов вражеских самолётов на Москву 75-я дивизия была снята с позиций 4 октября 1944 г. и передислоцирована в Польшу. 613-й полк находился на станции Тлущ, в 58-ми километрах от Варшавы. В обычные дни налёты вражеской авиации были незначительными, по два-четыре самолёта, но были такие дни (29.12.44 г. и 18.01.45 г.), когда приходилось отражать атаки 15–20 немецких разведывательных самолётов и бомбардировщиков. [13]

Об одном из эпизодов фронтовых будней моей прабабушки хочется рассказать отдельно. Он относится к февралю 1945 г., когда 613-й полк, выполнив боевую задачу за Вислой, в полосе I Белорусского фронта, получил приказ вернуться в Варшаву. Боец Селькова задержалась, передавая данные, и путь к своим был отрезан. Удалось спрятаться в подвале здания, в котором находились фашисты. В то время, когда над её головой прохаживались немцы, она изнемогала от желания кашлянуть, но пересилила себя. (фото № 9).

Несколько дней без еды и воды разведчица боялась неосторожным движением себя обнаружить. В полку её уже считали погибшей, и разведчики решили помянуть свою боевую подругу. И надо же такому случиться, именно в этот момент заходит моя прабабушка Шура, живая и невредимая. Однополчане остолбенели, как будто увидели призрак. А домой, в село Чухлом, придёт известие о том, что Александра Селькова пропала без вести, и сёстры, как выяснилось позже, справили по ней поминки. [14]

В интервью с журналистом С. Сажиной, которое Александра Дмитриевна дала за два года до смерти, меня поразили следующие её слова: «В тылу немцев я

больше всего боялась обнаружить себя. Двигалась ползком, как говорят, была ниже травы да тише воды. А остальные разведчики — молодые да горячие, и чуть что, готовы были ввязаться в бой. Поэтому и погибали. Мне повезло — ни разу не пришлось столкнуться нос к носу с немцем. Не то, что в рукопашную вступить, даже выстрелить-то не пришлось». Думаю, что выжила прабабушка только благодаря этой своеобразной тактике, а точнее, материнскому инстинкту, который присущ каждой женщине.

Боялась ли она? Ну, конечно, как и все... Вспомним знаменитые слова фронтовички Юлии Друниной: «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Идя на задание, она каждый раз, как умела, молилась Богу. Простила только об одном — чтобы не вернуться домойувечной. «Если уж заденет снарядом или достанет пуля, то пусть сразу насмерть, наповал», — то и дело обращалась она к Всевышнему. Только бы не оказаться на месте тех тяжело-раненых солдат, которые после боя умоляли своих же добить их. Многое пришлось ей видеть безногих калек, а то и просто человеческий обрубок. Для молодой девушки это казалось самым страшным.

Война была сопряжена с постоянным страхом. Не смерти, нет. Не страшно было умереть в бою, но ужасной выглядела смерть, например, от невозможности утолить жажду. По рассказам прабабушки, люди умирали от жажды, в то время, как вода была прямо под ногами. «Идёшь вдоль ручья, а вода течёт красная от крови. Крови было столько, что порой некуда было ступить — сапоги увязали в липкой кровавой жиже».

День Победы А. Селькова встретила в Варшаве. Город был превращён в руины. Гитлеровцы разрушили старинные замки, крепостные стены, Старый город. Демобилизовали Александру 19 июля 1945 г. Ей дали шесть дней отпуска, которые она провела в полуразрушенной столице Польши. На улицах под музыку танцевали люди, чисто и опрятно одетые. А у Александры было одно нестерпимое желание — скорей попасть домой.

«С войной покончили мы счёты...»

В августе 1945 г. Александра вернулась в родную деревню Ягдор Чухломского сельского совета. Ей шёл 22-й год. Послевоенная адаптация к мирной жизни проходила не гладко. Устроилась работать продавцом в сельпо, но обвинили в растрате, и бывшую фронтовичку в принудительном порядке отправили в п. Максаковка, на лесосплав. Через полгода обвинение с неё сняли, видимо, пересмотрели дело. Здесь она встретила свою судьбу: познакомилась с Павлом Мельником, бывшим военнопленным, «власовцем», как называли тогда всех ссыльных. Здесь и поженились бывшие фронтовики. Дали им квартирку, но заболела мать Александры, и молодые переехали в Чухлому. Муж работал на газогенераторном тракторе, а Александра — сучкорубом в Чухломском лесопункте. Вскоре стали жить в п. Ёль-база, пошли дети, один за другим. Пятерых сыновей и двух дочерей родила Александра Дмитриевна. (фото № 10).

В красноармейской книжке артиллерийской разведчицы Сельковой значилась одна награда — медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг.», вручённая ей уже в послевоенный 46-й год. Конечно, никакими наградами не измерить ратный труд женщины-фронтовички. Но как-то обидно за прабабушку Шуру, которая два года в боевых условиях защищала Родину, а награды вручили ей спустя десятилетия. (фото № 11).

Первую свою юбилейную медаль (а всего их у неё было 9) Александра Дмитриевна получила в 1965 г. Это был год 20-летия Великой Победы, который широко отмечался в стране. День 9 мая был объявлен нерабочим. Стало развиваться ветеранское движение, в печати появились воспоминания о войне, неважно, что они не выходили за рамки разрешённой официальной пропаганды. В тот год и 8 марта в нашей стране был объявлен нерабочим днём. Думается, это была дань памяти огромному вкладу в Великую Победу советских женщин — и тех, кто с оружием в руках защищал Родину, и тех, кто ковал победу в тылу. В жизни прабабушки 1965 год был очень тяжёлым: умерла мама, Александра Михайловна, трагически погиб муж во время работы в лесу. Он был бригадиром вальщиков, хорошо управлялся бензопилой, и вот — такое несчастье. На руках осталось семеро детей, которых надо было расти, поднимать, давать им образование. Ох, как нелегко приходилось тогда бывшей фронтовичке! (фото № 12).

В 1985 г. страна отмечала 40-ю годовщину Победы. Всем бывшим фронтовикам вручили ордена Отечественной войны II степени за мужество, героизм и самоотверженность. Это была заслуженная награда моей прабабушки. Два года совсем юная — ну что такое 18–20 лет — она была на передовой, рискуя жизнью. В 1995 году А.Д. Мельник была присвоена медаль Жукова. (фото № 13).

Александра Дмитриевна ушла из жизни 14 июля 2012 года, в возрасте 88 лет. 9 мая, как и прежде, в её доме собираются дети, многочисленные внуки и правнуки и вспоминают замечательную труженицу и участницу войны, которая внесла свой вклад в Великую Победу. Я очень горжусь тем, что имею возможность прикоснуться к судьбе героической женщины из нашего рода. (фото № 14).

Женщина и война — понятия несовместимые из-за её жестокости, смертельной опасности, невыносимых физических нагрузок. Участие женщин в той войне — это феномен XX века. Александре Сельковой посчастливилось — воевать два года, находиться на передовой, постоянно подвергаться опасности — и не сделать ни одного выстрела, не убить ни одного человека, пусть этот человек враг, фашист, — это великое чудо!

Пройти через огонь войны, перенести все её тяготы и лишения, испытывать страх за жизнь, которая всегда на волоске от смерти, — и дать жизнь семерым детям своим — это материнский подвиг фронтовички. Это пример жизненной стойкости русской женщины, способной и Родину защищать, и детей расти. Две «Медали материнства» I и II степени, орден «Материнская слава» III степени — так оценило государство заслуги Александры Дмитриевны Мельник.

К сожалению, в большинстве российских семей мало знают о судьбах своих родных, близких, тех, кто прошёл дорогами войны. Одни мало рассказывали, другие мало интересовались. К наградам, в том числе боевым, относились как к игрушкам. Дети в них играли. Поэтому Великая Отечественная война — это всё ещё огромный неисследованный пласт исторической памяти нашего народа.

Примечания

Книга памяти РК. Женщины-участницы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С. 2010.

Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР (1937–1945)/ <http://militera.lib.ru>

Сайт администрации

Будяев А. Артиллерийская разведка Великой Отечественной войны / <http://otvoyna.ru>

Зефиров М.В. и др. Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО / <http://www.litmir.me>

Серия красных ракет/ «Родина» № 2, 2012 г.

Там же.

Будяев А. Артиллерийская разведка Великой Отечественной войны/ <http://otvoyna.ru>

Серия красных ракет/ «Родина» № 2, 2012 г.

Сельков П. Чухломцы выполнили свой долг/ Книга Памяти РК, т. 9, с. 721.

Планетарию — 85 лет. / <http://www.astronom2000.info>

Сажина С. Без единого выстрела/ «Республика» от 22 мая 2010 г.

Сайт ветеранов 8-й армии ПВО. Краткий исторический формуляр 613 зенитно-артиллерийского полка / <http://8oapvo.net>

Сажина С. Без единого выстрела / «Республика» от 22 мая 2010 г.

Список сокращений

КП — командный пункт

ГКО — Государственный Комитет Обороны

НП — наблюдательный пост

ЗАП — зенитно-артиллерийский полк

ПВО — Противовоздушная оборона

ЦК ВЛКСМ — Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи

Фото № 1.
Девушки-пулемётчицы. Фото 1944 г.
Из ресурсов Интернета
<http://images.yandex.ru>

Фото № 1.
Мобилизованные девушки. Фото 1942 г.
Из ресурсов Интернета
<http://varalbum.ru>

Фото № 2.
Александра Дмитриевна Мельник.
Фото 1972 г.
Из семейного архива В. Мельник.

Деревня Ягдор — родина А.Д. Сельковой (Мельник). Фото Д. Напалкова, с. Чухлом, 2010 г.

Разведчик-наблюдатель М. Травкина.
Фото 1944 г.
Из ресурсов Интернета
<http://varalbum.ru>

Фото № 3.
Зенитный расчёт батареи. Подмосковье, 1943 г.
Из ресурсов Интернета
<http://varalbum.ru>

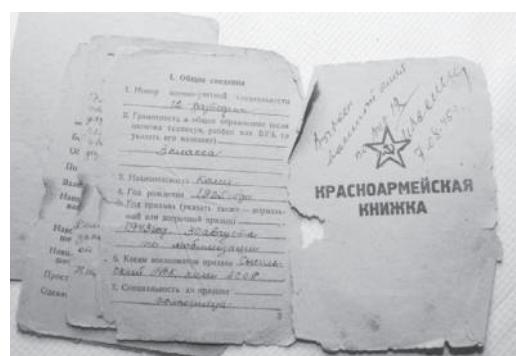
Фото № 4.
Александра Дмитриевна Мельник вспоминает.
Фото Д. Напалкова. Ёль-база, 2010 г.

Александра Михайловна и Дмитрий Федулович Сельковы. Фото из семейного архива В. Мельник.

Фото № 5.
Александра Селькова. Село Чухлом, 1942 г.
Из семейного архива В. Мельник.

Фото № 6.
Красноармейская книжка А. Сельковой.
Из семейного архива В. Мельник.

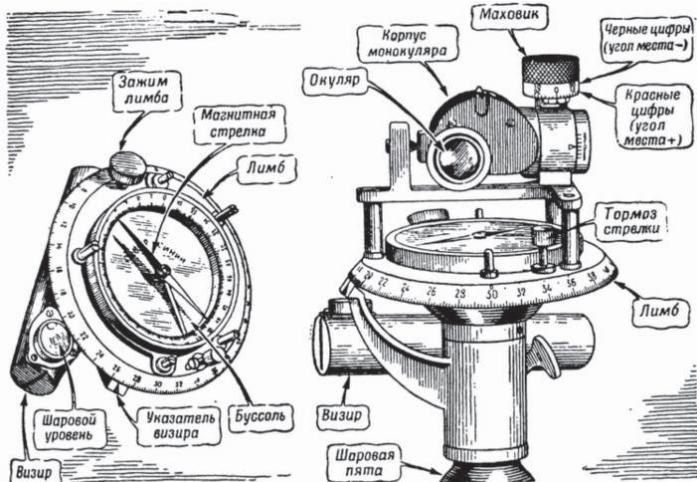
Военный билет А.Д. Мельник (Сельковой).
Из семейного архива В. Мельник.

Фото № 7. Планетарий в день открытия.
Москва, 1929 г. Фото из ресурсов Интернета
<http://images.yandex.ru>

Зенитные установки на территории планетария. Фото 1943 г.
Из ресурсов Интернета
<http://images.yandex.ru>

Приложение № 8. Схема артиллерийской перископической буссоли.
Из ресурсов Интернета <http://images.yandex.ru>.

Разведчики-наблюдатели зенитно-артиллерийской батареи.
Из ресурсов Интернета <http://varalbum.ru>

Приложение № 9.
Переправа через Вислу, 1944 г.
Из ресурсов Интернета
<http://varalbum.ru>

Разрушенные улицы Варшавы.
Фото 1944 г.
Из ресурсов Интернета
<http://varalbum.ru>

Приложение № 10.
Супруги Александра и Павел Мельник.
п. Максаковка, 1950 г.
Фото из семейного архива В. Мельник.

А.Д. Мельник (в центре) среди родных и близких. 1964 г.
Фото из семейного архива В.Мельник.

Удостоверение и медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Из семейного архива В.П. Мельник.

Послевоенные награды А.Д. Мельник.
Из семейного архива В.П. Мельник.

Арт-факт

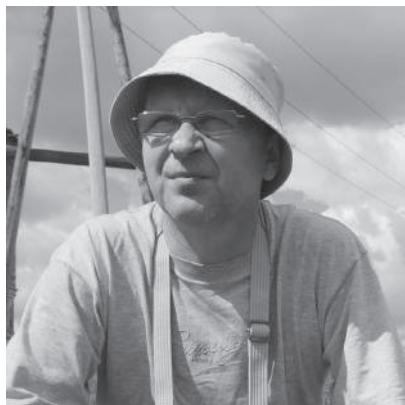

Светлана Екимова

Светлана Степановна Екимова — преподаватель и концертмейстер Коми республиканского колледжа культуры имени В.Т. Чисталёва. Окончила Пермский государственный институт искусств и культуры по специальности «Хоровое дирижирование». Публикуется в республиканских СМИ на темы культуры. Участвует в благотворительных музыкальных проектах по работе с детьми и ветеранами.

Владимир Разуваев

Владимир Николаевич Разуваев (р. 1954 г.) — журналист. Публикуется в республиканских СМИ с 1974 г. Член Союза журналистов России. Любит копаться в огороде, заготавливать грибы и ягоды.

Эффект Кармановой

Кто не может отказать себе в удовольствии побывать на концертах студентов Колледжа искусств РК в зале Национальной галереи, тому хорошо известно, что сцены там нет. Между исполнителями и слушателями несколько шагов. Непередаваемое ощущение. Вот появляется с инструментом в руках симпатичная студентка, которая исполнит Концерт для флейты И.С. Баха.

С лицом, как может показаться, строгим и даже холодным, садится за крохотный рояльчик, она сегодня в роли концертмейстера у юной солистки, заведующая фортепианным отделением колледжа Светлана Карманова. Садится с видом отрешённым, сказать точнее, — она вся далеко уже там, в музыке.

Укрощение домашних тапочек

Сдавать вступительные экзамены в Петрозаводскую консерваторию в то время положено было в Ленинграде. Эта поездка для Светы закончилась совершенно неожи-

данно. Почему-то все абитуриенты в один прекрасный день стали складывать вещи и собираться в Карелию по месту предстоящей учёбы, а её, Светины, документы всё ещё лежали где-то в приёмной комиссии. Абитуриентка отважилась пойти в учебную часть разбираться. Смешная! Она даже не сразу поняла, что станет одной из первых в истории Коми выпускниц фортепианного отделения Ленинградской консерватории. Дело в том, объяснили ей в учебной части, что мы оставляем тебя учиться здесь, у себя.

Через несколько лет о Светлане её любимый педагог, профессор консерватории Вероника Петровна Иванова скажет:

— Светлана отличная пианистка, вдумчивый и тонкий музыкант. Её исполнение отличается содержательностью, яркостью и непосредственностью. Все годы пребывания в Ленинградской ордена Ленина государственной консерватории она много и упорно работала, сделала огромные успехи в исполнительском и пианистическом отношении, а также достигла очень больших успехов в овладении общей и музыкальной культурой.

Кто не знает, в Санкт-Петербургской консерватории ещё со времён, когда малоимущие, но одарённые, студенты жили на полном пансионе у своих профессоров, преподаватели называют своих учеников «детьми» (и соответственно, воспитанников уже своих учеников принято именовать «внуками»). В кабинете коменданта общежития можно столкнуться с нескладным, взъерошенным молодым человеком. У него на лице растерянность, он не знает, как оправдаться в глазах всемогущего повелителя студенческой жизни — профессора Вероники Петровны. Для него, неприметного тогда студента Валерия Гергиева, — неслыханное нахальство! — преподаватели требуют выделить отдельную комнату.

А комендант уверен, только дай студенту клетушку, мальчишка из глухой провинции сразу женится, и, считай, пропали квадратные метры. Но будущему главному дирижёру Марии и блистательной звезде мировой величины комната всё-таки досталась. Поселился он затворником на одном, кстати, этаже со Светланой — их двери были почти рядом по разные стороны вестибюля. Жили, впрочем, каждый в своей музыке, лишь изредка сталкиваясь в коридоре.

Это для нынешних тинейджеров из глубинки жизнь в Питере кажется чередой кафешек, тусовок, дискотек,очных клубов, точь-в-точь как у главных героев телесериала «Общага». А поколению, к которому относится Карманова, северная столица виделась совсем иной. Великие педагоги! У них воспитанники почитали за счастье с тяжким трудом и слезами тянуть студенческую лямку на консерваторской скамье. Колossalных учебных нагрузок Светины однокурсники нисколько не боялись несмотря ни на что.

...Вот поспешно устремляясь с платформы в вагон метро, чтобы отправиться на занятия, девушка кинула рассеянный взгляд вниз. Ещё раз присмотрелась к собственным ногам и остановилась. Вот незадача! Опять в домашних тапочках

Иванова Вероника Петровна, профессор ленинградской консерватории.

побежала на занятия в консерваторию. Не зная, плакать ей или смеяться, Света кинулась прочь.

Однажды получилось даже круче, она пришла на лекцию, накинув свитер поверх домашнего халата, и обнаружила свой конфуз, только переступив порог аудитории под взрыв добродушного студенческого веселья. Впрочем, редко кто удивлялся мелким неприятностям студентки-пианистки из Сыктывкара. Мир музыки в стенах Ленинградской консерватории совершил с попавшими сюда новичками и не такое. Немало историй о чудачествах выпускников хранит их любящая альманах-мать.

Ван Клиберн и места для VIP-персон

Тапки тапками, а вот американский пианист-легенда Ван Клиберн толкнул-таки Светлану на стезю бесстрашной искательницы приключений и отчаянной авантюристки. Случилось так, что за билетами на один-единственный концерт мировой знаменитости в Северной столице она простояла в огромной толпе меломанов всю ночь. Но увы, билеты в кассе кончились буквально за 10 человек до Светы. Вы бы не пришли в неописуемую ярость и не строили планы жестокого отмщения, оказавшись на её месте?

Дело в том, что профессору-то Веронике Петровне, её преподавателю, по знакомству (!) достался-таки счастливый билетик. Хотя и в стоячие места, да ещё и на галерке. Светка мчится к «маме» домой. Довольно бесцеремонно изымает билет у педагога с тем, чтобы за ночь изготовить точную копию листочка, открывающего дверь в заветный концертный зал. Придирчивую экспертизу проходил поддельный билет — невероятно, но факт! — у той же профессора Ивановой. Наставник с неподдельным восхищением оценила ей неизвестные ранее способности гиперактивной «дочурки». Ну, а уж если такой эксперт скажет «да», можно смело прорываться через милиционские кордоны, через любых контролёров и придирчивых билетёш.

После исторического концерта Света дождалась у служебного подъезда выхода заезжей знаменитости. Ван Клиберн её немного разочаровал своей совсем не героической внешностью на фоне гремевшей о нём мировой славы. Вне сцены он показался ей высоким нескладным тинейджером, что ли. Этаким длинноруким и длинноногим тихоней. Зато отныне, обзаведясь собственной подпольной типографией по производству липовых билетов, Светлана получила неограниченный доступ на любой концерт. Жизнь удалась! Историческую премьеру Пятнадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича в Ленинградской государственной филармонии она вообще слушала с мест, говоря по-нынешнему, для VIP-персон.

Сценой питерской филармонии много позже будет связан и другой эпизод. По более печальному поводу. Вот афиша, которая гласит: «14 февраля 1987 г. Ленинградская ордена Ленина государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова. Малый зал им. А.К. Глазунова. К 125-летию Ленинградской консерватории. Фортепианные школы Ленинградской консерватории. Профессор Вероника Петровна Иванова (1914–1986). Участвуют... В программе произведения Моцарта, Брамса, Шумана, Листа, Рахманинова, Гречанинова, Шостаковича».

В числе «детей»-учеников профессора в концерте, посвящённом её памяти, конечно же, участвовала молодой музыкальный педагог из Сыктывкара С. Карманова в безмерном горе от невосполнимой потери.

...ПЛЮС МАТЕМАТИКА

Как-то так всегда получалось, что путь в искусство, в музыкальную педагогику у Кармановой складывался вопреки обстоятельствам. Родители её не были профессиональными музыкантами. Да, отец Иван Григорьевич, штурман гражданской авиации, завзятый баянист, мама, Анна Семёновна, любит гитару. А вот школьные учителя отмечали у дочки большие способности к точным наукам. Из-за этого даже случился крупный разговор с родителями, когда Светлана объявила им, что поступает в музыкальное училище. И сумела-таки сломить сопротивление взрослых. Кстати, в сложных многоголосных произведениях так любимого ею И.С. Баха тоже есть своя математическая точность.

Первой Светиной учительнице в музыкалке было лет 17. Усадив ученицу за инструмент и дав задание, начинающий педагог могла спокойно обсуждать с коллегами волнующие перипетии бурных девичьих романов. «Что, Света, уже закончила играть? — спрашивала юная наставница, увидев в дверях учительской молчаливую фигурку. — Вот возьми ещё... Или иди домой...» Ежегодно преподаватели менялись, но неизменным оставался уровень преподавания. Как нетрудно предположить, её учителям из музыкалки даже отчасти досаждала энергия и одарённость ученицы. Кстати, много-много лет спустя директор одной из сыктывкарских музыкальных школ на юбилейном концерте в честь 25-летия преподавательской и творческой деятельности Светланы Ивановны с чистосердечным раскаяньем признавался ей, что это он бросал и злополучные снежки в окно её класса и ухаживал за её педагогом.

Сказать, что на первом курсе училища Света заболела фортепианной музыкой уже по-настоящему, значит ничего не сказать...

Звезда европейской оперы, наша землячка Мария Фонтош считает, что успехом она обязана своим сыктывкарским педагогам. До сих пор Мария предпочитает приехать в Сыктывкар, чтобы поработать над новой концертной программой или оперной

Фонтош Мария, солистка Королевской стокгольмской оперы.

партией, готовясь к международным конкурсам. Ей помогает в репетициях и Светлана Карманова.

От Святослава Рихтера и некоторых других непревзойдённых виртуозов-исполнителей можно было услышать по поводу музыкального преподавания, что обучение музыке — дело сколь неприятное, столь и неблагодарное. Допустим, что говорилось это не в самый удачный момент на волне минутного раздражения.

— Способности, одарённость, собственное желание учиться — это, безусловно, важно, да. Но появись малейшая отдача — и думаешь с радостью, что время потрачено не зря. К четвёртому курсу училища я начинаю чувствовать, что мы с учеником говорим на одном языке, — делится Светлана Ивановна.

Реальным же результатом концертмейстерской и преподавательской деятельности Кармановой стала подготовка большой группы студентов колледжа к участию в десятках различных конкурсов и фестивалей межрегионального, федерального и международного уровня.

В сценическом «кармане»

Много лет замечательную пианистку Светлану Карманову постоянно приглашают аккомпанировать в гастролях по республике такие звёзды республиканской оперной сцены, как Елена Лагода, Алексей Моисеенко, Ольга Сосновская и другие. Концертирующий педагог много работала с оркестром народных инструментов Александра Ситкарева и камерным оркестром Николая Маегова.

В гастрольных поездках происходило с Кармановой множество курьёзов. Однажды они тщательно готовились к какому-то официальному концерту с Алексеем Моисеенко. Ничто, казалось, не предвещало досадных сюрпризов. И вот концерт. Пора на сцену. Но, шагая к роялю с нотной папкой в руках, Светлана совершенно неожиданно слышит, как ведущая, что-то там с программой перепутав,

После концерта с Еленой Лагодой.

объявляет произведение, которое Алексей вовсе не планировал петь, и они его вообще не готовили. Даже неизвестно, есть ли в папке под мышкой у немного смущённого концертмейстера нужный клавир!

Счёт пошёл на доли секунды. Села за рояль, лихорадочно перелистывая нотную папку. В самом низу толстой стопки клавиров, о, счастье, — неужели то, что нужно? Есть, нашла! Надо было видеть в этот момент невозмутимого А.Моисеенко, который словно чувствовал, что концертмейстер не оплошает. И солист, величественно повернувшись в сторону рояля, красиво кивает головой, мол, надеюсь, всё в порядке. В ответ увидел знак: «Да, начинаем». Концертмейстер (молясь про себя, лишь бы память не подвела!) решив читать с листа, коснулась клавиш. Выступили они в том концерте, между прочим, с большим подъёмом.

Как не вспомнить случай в одном из районных ДК, где по сцене гуляли суровые сквозняки. А нотные листы у вокалистов бывают в таком состоянии, что иногда больше похожи на промокательную бумагу и не держатся на полочке рояля. Солист поёт, Карманова за роялем, а нотные листы неожиданно взмываются ввысь и, плавно покачиваясь, плывут в направлении кулис. Полный атас! Концертмейстер срывается с места, успевает догнать и на лету схватить беглецов. Стремительный рывок назад. Возможно, кто-то из зрителей подумал, что так и надо.

В некоторых ДК, выходя на сцену, обнаруживала Карманова рояль задвинутым в едва ли не в scenicеский «карман», откуда его едва видно из зала. Да ладно бы, не видно! Дело в том, что концертмейстеру почти не слышно, что происходит на сцене, не говоря уже о том, что не видно самих исполнителей. Однажды даже, во время концерта сидя за роялем в таком «кармане», Светлана неожиданно услышала за спиной сдавленный голос знакомого музыканта, который зачем-то вышел в кулисы сзади и был сильно удивлён. «Что же ты здесь разминаешься?! На сцене давно поют!» Нетрудно представить, что пережила концертмейстер при этих словах: а вдруг её аккомпанемента никто и не слышит? Нет, выступление оказалось безупречным.

В одном из сосновогорских ДК на концерте для местных железнодорожников, выйдя перед полным залом, Карманова обнаруживает, что кто-то безжалостно повыдидал чёрные клавиши из инструмента, на их месте какие-то колющие и режущие обломки. Шок. И злость на неизвестных вандалов. Не злите женщину, бессердечные громилы! Она наперекор всему садится за инструмент. Когда закончился концерт и отгремели аплодисменты благодарных слушателей, пальцы пианистки были разбиты в кровь.

Универсальный музыкант, которому доступны самые разные жанры и стили — от ренессансной музыки до русских народных песен. Она одинаково убедительна в «Балладах» Шопена и «Гопаке» Мусоргского, романсах Чайковского. Делиться прекрасным со слушателями — без этого она не может. Встречаться в поездках с бывшими учениками, узнавая их по глазам — от этого тоже трудно отказаться. А шумного успеха она немного сторонится.

Осенью прошлого года Светлане Ивановне присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ». Трудно даже придумать, что же пожелать ей в связи со столь весомой наградой. Как говорил Дмитрий Шостакович: «Благодаря музыке вы найдёте в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках». Какие всё же счастливые они люди, эти музыканты...

Надежда Беляева

Надежда Жоржевна Беляева, старший научный сотрудник Национальной галереи Республики Коми.

Сфера научных интересов: история коми изобразительного искусства середины XX века, творчество репрессированных художников.

Людмила Кочерган

Людмила Ивановна Кочерган, заместитель директора Национальной галереи Республики Коми. Сфера научных интересов: история изобразительного искусства Республики Коми, искусство и архитектура первой трети XX века.

Художники Республики Коми — участники Великой Отечественной войны

К празднованию 70-летия Победы выходит в свет новое печатное издание Национальной галереи Республики Коми «Художники Республики Коми — участники Великой Отечественной войны». Это полноцветный, хорошо иллюстрированный альбом, содержащий очерки о судьбах художников, уроженцах нашей республики или связавших с ней свой творческий путь, — тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной, кто был мобилизован в военные годы, кто узнал ужасы фашистских концлагерей и оккупации, голод и бомбёжки блокадного Ленинграда. Их совсем немного — вернувшихся живыми, сумевшими получить художественное образование или шедшими самобытным путём, состоявшимися в выбранной профессии. Семидесятый юбилей Победы встречает единственный оставшийся в живых художник-ветеран: хочется пожелать здоровья, сил и бодрости Виталию Васильевичу Кокачеву, отмечашему в этом году свое 90-летие.

Альбом не является скоропалительным предъюбилейным изданием: идея выделить в самостоятельную тему творческие биографии художников-фронтовиков родилась десять лет назад, во время подготовки празднования 60-летия Победы. Именно тогда был определён основной круг имён художников, собраны документальные материалы о военном прошлом, выявлены произведения, созданные в

годы войны или ей посвящённые. Результатом научно-поисковой деятельности стал раздел экспозиции юбилейной выставки «Война и судьбы», которая была открыта в Национальной галерее Республики Коми в мае-июне 2005 года. Художественно-биографический раздел выставки был тепло встречен зрителями, на него обращали особое внимание посетители, а кураторы выставочного проекта, памятуя о кратковременной возможности ознакомления с уникальным материалом, решили вернуться к нему вновь, воплотив его уже не в форме музейной экспозиции, а в печатном издании.

Работа над проектом была возобновлена в 2014 году. Её целью стала подготовка печатного художественного издания, раскрывающего тему Великой Отечественной войны и увековечивающего память о ней через показ судеб и творчества художников Республики Коми. Большая часть авторского коллектива, взявшаяся за реализацию проекта, участвовала в выставке 2005 года, для многих сотрудников изучение творчества художников-фронтовиков продолжилось и в последующие годы (Н.Ж. Беляева, Л.И. Кочерган, О.В. Орлова, О.К. Панкрушева, Н.Е. Плаксина, Е.Ю. Шуктомова). Проект получил финансовую поддержку благодаря победе в конкурсе на соискание гранта Главы Республики Коми в области музейного дела, итоги которого были подведены в феврале 2015 года. Макетирование и печать альбома осуществлены Коми республиканской типографией, его презентации прошли накануне и после Дня Победы.

Уникальность альбома «Художники Республики Коми — участники Великой Отечественной войны» определена объединением в одном издании в республиканском масштабе художественных произведений, фотодокументов и биографий художников. Как и в 2005 году, стержнем публикации стали биографии и произведения художников, творчество которых представлено в собрании Национальной галереи Республики Коми. Следует отметить, что становление коми изобразительного искусства во многом определялось творческой деятельностью художников, вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. Именно они заложили расцвет коми искусства в 1960-е – 1970-е годы. Пережитое на войне не так часто находило отражение в их собственном творчестве, но любое обращение к теме войны отмечено глубиной художественных образов, особым отношением к общечеловеческим ценностям, прочноувствованной авторской позицией.

На основании произведений из фондов Национальной галереи Республики Коми определился список имён художников, включённых в данное издание, и сформировался принцип подачи материала. Структура альбома включает в себя отдельные статьи — очерки, написанные сотрудниками Национальной галереи Республики Коми. Именные статьи посвящены тем художникам, творческое наследие которых приобрело музейную значимость, — это народный художник РСФСР Р.Н. Ермолин, заслуженный художник РФ В.Н. Мамченко, народные художники Республики Коми В.В. Кокачев и В.Г. Игнатов, заслуженные деятели искусств Коми АССР А.Н. Безумов, С.А. Добряков, П.И. Семячков и Н.А. Лемзаков, заслуженный деятель искусств Карельской АССР А.В. Семяшкин, художники Г.В. Кудяшев, В.Н. Куранов, П.М. Митюшев, А.А. Оплеснин, К.А. Парнев, Н.О. Полин, Г.С. Старовойтов, С.А. Холопов, скульптор Ю.Г. Борисов.

За именными статьями следуют тематические, материал в них даётся более сжато, но принцип подачи остаётся прежним — показ человеческих судеб. Первая

из них посвящена талантливым художникам-самоучкам Ф.В. Карпову, М.Н. Шахову, В.И. Попову. Две другие рассказывают о художниках — уроженцах Республики Коми, погибших во время Великой Отечественной войны и о тех, кто, работая в послевоенные годы художниками в различных учреждениях города и республики, в настоящее время менее известен.

В ходе работы над проектом были выявлены ранее неизвестные факты биографий и творчества художников, что нашло отражение в текстовом материале. Статьи сопровождаются фотографиями, многие из них собраны непосредственно для данного издания и публикуются впервые. Иллюстративный ряд представлен произведениями из собрания Национальной галереи Республики Коми, большая часть из них посвящена теме Великой Отечественной войны, её осмыслению в искусстве России второй половины XX века. Частично показана галерея портретов ветеранов Великой Отечественной войны, которая создавалась художниками Республики Коми к 30-й и 40-й годовщинам празднования Победы. Среди включённых в альбом работ есть уникальные рисунки, выполненные авторами на фронте, есть и наброски к произведениям на военную тему, которые, к сожалению, не были в дальнейшем воплощены. Галерейные работы дополнены произведениями из фондов Музея истории и культуры Сысольского района, Сыктывдинского музейного объединения, краеведческого музея Усть-Усинской средней общеобразовательной школы, частных коллекций.

Вниманию читателей журнала «Арт» предлагаются наименее известные факты из военных и творческих биографий художников, которые характеризуют их самих, время, в которое они жили, эпоху, созданную поколениями, прожившими Великую Отечественную войну.

В первые же дни войны был призван на фронт **Григорий Васильевич Кудяшев** (автор статьи — Н.Ж. Беляева). В то время он учился в Кировском физкультурно-художественном педагогическом училище. Со своими друзьями-однокашниками Ильёй Богдеско и Виталием Хлыбовым они создали, по примеру Кукрыниксов, трио художников КУХЛЫБО. Неизвестно, как сложилась бы их творческая судьба, если бы не война. Все трое прошли через её горнило. Илья Трофимович Богдеско воевал на Западном фронте, был награждён медалью «За победу над Германией», а позже — орденом Отечественной войны 2-й степени. Народный художник СССР, он стал известнейшим иллюстратором классики, знаменитым каллиграфом. Виталий Поликарпович Хлыбов стал лётчиком, его эскадрилья защищала Ленинград. В воздушном бою он был ранен, потерял правую руку. Хлыбов научился писать и рисовать левой рукой, работал учителем.

Кудяшева призвали сразу после объявления войны — в июле 1941 года. Учёбу он не закончил, ушёл в армию с третьего курса. Сначала попал в 27-ю Свердловскую военную школу пилотов, где учился на лётчика, но которую не успел окончить, поскольку её расформировали. В самом начале 1942 года Кудяшева перевели в школу младших авиационных специалистов (ШМАС) в городе Троице Челябинской области. Закончив её в апреле 1943 года, Григорий Васильевич был определён в 652-й истребительный авиаполк, в котором он прослужил до 1946 года авиамехаником по вооружению.

Боевое крещение Кудяшев принял на Кавказе, где в это время разворачивалась наступательная операция. Именно в апреле-июне там шли ожесточённые

Г.В. Кудяшев с ветераном войны. 1975.

самолётов. Сражения длились непрерывно в течение многих часов. Иногда происходило до 40 групповых воздушных боёв с участием 50–80 самолётов с обеих сторон. Одновременно наносились удары по аэродромам. Ратный подвиг защитников Кавказа был высоко оценён: в 1944 году была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой наградили около 600 тысяч человек. В их числе был и Григорий Васильевич.

После освобождения Кавказа 652-й авиаполк был переброшен на Украинский фронт, базировался в Коростени, затем — в Польше, в Познани. Войну Кудяшев окончил старшим сержантом, был награждён медалью «За победу над Германией». Григорий Васильевич родился под счастливой звездой — он прошёл всю войну без ранений.

После войны Кудяшев переехал в Сыктывкар, на родину матери, работал в Товариществе художников, преобразованном впоследствии в коми отделение Художественного Фонда РСФСР, участвовал практически во всех республиканских выставках.

Кстати, в первом составе Товарищества художников Коми АССР, которое было создано в марте 1949 года, было много художников — участников войны: в портретном цеху работали П.П. Антоновский и Г.М. Киселев; в оформительском — А.М. Нечаев, В.И. Кузиванов, С.А. Добряков, А.И. Кузьбожев и др. Война многим из них помешала получить специальное образование, но целеустремлённость, самообразование и большая трудоспособность помогли некоторым стать одними из виднейших художников Республики Коми. Это можно с определённостью сказать о **Сергее Алексеевиче Добрякове** (автор статьи — О.К. Панкрушева).

В августе 1942 года Сергей Алексеевич был направлен на курсы Велико-Устюжского пехотного училища, а с октября того же года он попадает на фронт. До последних дней войны Добряков находился в действующей армии. Он был рядовым, а затем с февраля 1943 года стрелком 128-й отдельной стрелковой бригады Западного фронта и командиром отделения в 1551-м зенитном артполку Третьего Белорусского фронта. Но уже через месяц, 3 марта 1943 года, С.А. Добряков был ранен, получив слепое осколочное ранение грудной клетки, и после госпиталя определён в зенитную часть, прикрывавшую французскую эскадрилью

бои за господство в воздухе, получившие название «воздушные сражения на Кубани 1943 года». Немецкое командование сосредоточило на аэродромах Крыма и Тамани лучшие части люфтваффе, укомплектованные опытными лётчиками и самолётами новой модификации. Первое воздушное сражение произошло 17-24 апреля в ходе боёв на Малой земле, в котором участвовало 650 самолётов противника и 500 советских

«Нормандия-Неман». С ней и прошёл будущий художник долгий путь до Восточной Пруссии. Победу Сергей Алексеевич встретил в Кенигсберге в звании старшего сержанта сухопутных войск. Но служба для него на этом не закончилась. С января 1945 по апрель 1947 года он служит в рядах Советской Армии чертёжником при штабе 65-й Артиллерийской дивизии в Польше и в Германии, занимаясь оформлением армейских клубов. Лишь в 1947 году С.А. Добряков был демобилизован.

В годы войны и впоследствии в юбилейные годы Великой Победы Добряков был награждён медалями — «За боевые заслуги» (1944), «За победу над Германией» (1945), польской медалью «Свобода и вольность» (1946), «За взятие Кенигсберга» (1950).

Творческое становление С.А. Добрякова произошло очень быстро. Уже с 1951 года Сергей Алексеевич становится участником всех республиканских выставок, а спустя два года — общероссийских и региональных. В 1955–1957 годах С.А. Добряков работал на ВДНХ в Москве — писал панно для залов Вологодской области, Коми АССР, Карелии. Именно в это время преобладающими чертами его творческого почерка становятся монументальность и декоративность». Яркий и многогранный талант художника проявился в различных видах изобразительного искусства — живописи, графике, мозаике, декоративно-прикладном искусстве.

Павел Ильич Семячков (авторы статьи — Л.И. Говорова, Н.Ж. Беляева) родился в селе Нювчим, в семье литеящика. После окончания школы он приехал в Сыктывкар, где его приняли на работу в Коми книжное издательство художником-ретушером, предварительно просмотрев его рисунки. Именно здесь, в Сыктывкаре, как вспоминал художник, он получил «первые серьёзные понятия об изобразительном искусстве». Большую роль в этом сыграла руководимая В.В. Поляковым студия ИЗО, которую посещал Семячков.

Однако продолжить успешно начатое художественное самообразование не удалось. Осенью 1939 года его призывают в Красную Армию. На Дальнем Востоке, а затем в районе озера Байкал он прослужил до 1942 года. Страницы походных альбомов заполнялись видами Дальнего Востока, Байкала, набросками сослуживцев.

С мая 1943 года по май 1945 года Семячков служил в составе 62-го восстановительно-железнодорожного батальона путейцем, воевал на Первом Украинском фронте. Был награждён Орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией». Он прошёл войну от Курска до Дрездена, воевал в Польше и Германии. Иногда, даже во фронтовых условиях ему удавалось сделать набросок-другой. «Правда, в 1943–1945 годах больше приходилось рисовать разрушенные переправы, мосты, станции», — рассказывал при жизни художник.

После окончания Великой Отечественной войны батальон, в котором служил Павел Ильич, вновь был переброшен на Дальний Восток. В апреле 1948 года ефрейтор П.И. Семячков был демобилизован.

После службы Семячков собирался поступать в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Отец, узнав об этом, попросил Павла вернуться домой, где тот не был около 10 лет. Профессионального образования Павел Ильич не получил. Впоследствии он конфузливо признавался в нехватке знаний: «Порой неудобно было — мне уже 30 лет, а я даже названий красок не знаю». Ремесло художника Семячков осваивал самостоятельно, учился в студии при Союзе Художников Коми АССР, ездил на творческие дачи.

Пантелеимона Михайловича Митюшёва (автор статьи — Н.Ж. Беляева) война застала в Киеве, где он учился на живописном факультете Всеукраинского художественного института. Митюшёв окончил пятый курс института, но не успел защитить диплом — началась война. Призванный Киевским военкоматом в июне 1941 года, он стал сначала курсантом Второго Харьковского бронетанкового училища, а потом, в октябре 1942 года, — командиром взвода курсантов. «Мне не пришлось участвовать в боях, но мои курсанты были настоящими героями», — говорил Пантелеимон Михайлович впоследствии.

В декабре 1944 года Митюшёва перевели в Первый запасной бронетанковый полк в Горьком, где он служил командиром СУ-76, одновременно занимаясь наглядной агитацией и пропагандой в военной части. Даже тогда, в трудных военных условиях, несмотря на большую нагрузку, он урывками писал на мешковине большие картины «Советский танк уничтожает фашистскую батарею» — для клуба военной части, и «Зверства немцев», которую Митюшёв привёз на родину и показал на республиканской художественной выставке 1946 года. Местонахождение этих работ неизвестно, сохранилась фотография последней: в деревенском доме фашисты схватили молодую мать и на её глазах собираются кинуть младенца в топку русской печи. На полу лежит убитый глава семьи, а вокруг стоят ухмыляющиеся враги. Подобные композиции были нередки в советском искусстве военной эпохи.

После демобилизации в марте 1946 года лейтенант Пантелеимон Митюшёв, с медалью «За Победу над Германией» на груди, вернулся на родину. Он много работал в Союзе художников Коми АССР, в Товариществе художников, сотрудничал с музеями. Много ездил по республике: побывал в Воркуте, Ухте, на Удоре, Печоре, привозя из поездок многочисленные зарисовки северян, которые часто публиковались, с его же комментариями, в республиканской прессе.

Начало творческого пути **Александра Николаевича Безумова** (автор статьи — Е.Ю. Шуктолова), его становления как человека и художника, также связано с периодом Великой Отечественной войны. В 1943 году он, недавний выпускник средней школы города Нарьян-Мара, был призван на фронт. В архиве Национального музея Республики Коми сохранились личные документы А.Н. Безумова. Вот выписка из его книжки военнослужащего срочной службы вооружённых сил СССР: «22 сентября 1949 года. Воинское звание — гвардии рядовой. Предъявитель сего Безумов Александр Николаевич состоит на срочной военной службе ввойсковой части № 28230. Военную присягу принял 1 марта 1944 года.

Призван Ненецким окружным военкоматом Архангельской области. Последнее место работы и специальность до призыва — учащийся. Дата призыва ноябрь 1943 года».

В это время Александру Безумову едва исполнилось 17 лет. Во время прохождения военной службы он был автоматчиком в Варшавском ордена Суворова полку (1944–1945 гг.), после окончания войны, в 1946 году — стрелком 1-й стрелковой роты этого же полка, после, в 1947–1949 годах — писарем секретной части, писарем-чертёжником. Воевал на Первом Белорусском фронте с декабря 1944 года до Дня Победы. Награждён медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Уволен в запас в 1950 году.

В архивах Национального музея Республики Коми сохранились дневниковые записи художника периода Великой Отечественной войны. Вот один из эпизодов, случившийся во время его перехода от Нарьян-Мара к призывному пункту, который находился в Вологде, в 1943 году: «27.ХII.43. Базар в Котласе. ...Всё, что хочешь, за сногшибательные цены. Я там видел настоящий классический этюдник, полный чудесных красок с иностранными названиями и кистей, с палитрой и муштабелем. (Продавала жена какого-то художника). О боже, он стоил «полторы» (между прочим — тысячи — увы!). Так душа и загорелась».

В 1941 году, буквально в день начала войны, он отбирал свои работы, готовясь к поступлению в художественное училище. Война отодвинула осуществление этих планов, но не смогла заставить юношу отказаться от них. Александр Безумов целеустремлённо шёл к своей цели: ещё во время службы в армии между боями и в первые послевоенные годы (1944–1948), до демобилизации, он делал карандашные зарисовки своих фронтовых друзей, армейского быта. Эти наброски нам дороги как поистине бесценный документ эпохи, как рисунки, которые создавались «по горячим следам» и отражали первые, самые сильные и непосредственные впечатления и настроения художника.

Тема Великой Отечественной войны раскрыта художником и в масштабной сюжетно-тематической картине «Дороги войны» (авторское название — «Враги»), созданной в 1967 году. Её замысел А.Н. Безумов вынашивал в течение многих лет: сохранились первоначальные рисунки, наброски композиции, сделанные им в разные годы — на альбомных листах, на страницах ученической тетради. Менялись герои, ракурсы, расположение фигур, но основная идея картины оставалась неизменной. Именно из-за неё, по свидетельству самого художника, картина «провалилась».

Настигивал сам сюжет: советский солдат протягивает кружку со спиртом немецкому военнопленному. Тогда, в середине 1960-х годов, были ещё слишком свежи нанесённые войной раны, поэтому содержание картиныказалось почти кощунственным. Теперь, по прошествии многих лет, становится ясным, что эта работа художника затрагивает одну из наиболее значимых философско-этических проблем: проблему гуманизма, чувства, которое всегда было присуще русскому солдату. Русские воины храбро сражались с вооружённым противником, но не проявляли жестокости к врагу разоружённому, не теряли среди крови и насилия лучших человеческих качеств. И Александр Безумов, художник-гуманист, своим произведением напоминает нам об этом.

Степан Александрович Холопов (автор статьи — О.К. Панкрушева), известный в своё время художник и журналист, описал своё военное прошлое в автобиографии. Уроженец Сыктывкара, он не успел окончить 10 класс, так как был призван на фронт 2 января 1943 года. «В Архангельском военном училище, экстренно готовя к отправке на фронт, изучали только военное дело. С августа 1943 года до конца войны — на фронте. Артиллерист. Был на Степном, 2-ом и 3-м Украинском фронтах... от Харькова до Вены», — писал Холопов.

Способности юноши к рисованию, проявившиеся ещё в детстве и развившиеся в художественной студии, которую он посещал с 1938 по 1943 год, пригодились и на фронте: «Помню, в войну на фронте

фотографов не было, вот я и рисовал. И здорово котировался. В любой обстановке, в любое время года и суток. Листок тетрадной бумаги в клеточку, карандаш — и солдатик уже сидит, а я чирикаю. Потом внизу дописывает он несколько слов, складывает портрет в почтовый треугольник, адрес — и домой. Сколько я их переделал, этих портретов, не берусь считать, но многие десятки, может, и сотни... Представлю себе какую-нибудь старушку, у которой остался от сына только этот листок — хоть реви. И хранят эти старушки воспоминания — остатки где-нибудь в самом тайном месте».

В звании старшего сержанта С.А. Холопов служил с августа 1943 по апрель 1945 года в составе 684-го артиллерийского полка. «В должности вычислителя дивизиона прошёл с полком путь от Харькова через Полтаву, Кировоград, Бухарест, Белград, Будапешт, озеро Балатон до Австрии, где южнее Вены, 100 км в Альпах, застал меня конец войны» (из автобиографии). После войны до демобилизации он был писарем при штабе 233-й стрелковой дивизии в Тирасполе Молдавской ССР.

Уволившись в запас, С.А. Холопов приехал в Сыктывкар: «Служил до 1950 года. Память службы — одно ранение и 8 медалей. После демобилизации (на третий день после возвращения домой) стал работать в только что организованном Товариществе художников Коми АССР». В 1953 году Товарищество художников Коми АССР было преобразовано в Коми отделение Художественного фонда РСФСР, где С.А. Холопов проработал (с 1950 по 1965 и с 1974 — до ухода на пенсию) художником-исполнителем и первым его председателем. С 1965 по 1974 годы он являлся художественным редактором сатирического журнала «Чушканzi» (Оса), работал в газете «Югыд туй» (Светлый путь), активно сотрудничал с журналом «Войыв кодзув» (Северная звезда) и Коми книжным издательством. В 1963 году С.А. Холопов был принят в Союз журналистов ССР, в 1975-ом — в Союз художников ССР.

Трагичной была военная судьба **Николая Александровича Лемзакова** (авторы статьи — О.В. Орлова, Е.Ю. Шуктромова). В 1940 году он был призван в армию: с 1940 по июль 1941 работал художником в клубе 43-го отдельного стрелкового батальона в эstonском городе Палдиски. В Красной Армии был рядовым бойцом (стрелком).

В июле 1941 года батальон, в котором воевал Николай Лемзаков, был прикомандирован к стрелковому полку, который вскоре попал в окружение. 10 августа 1941 года Лемзаков попал в плен. В своих воспоминаниях он писал: «После двухнедельного брожения по лесу я был пленён эстонскими кайцелитами» (члены военно-фашистской организации, состоявшие в полицейских и карательных отрядах) в 40 км от г. Тарту. Художник вспоминал: «С самого начала войны наш батальон, и весь полк был направлен на передовую. Вскоре оказались в окружении. Были приняты три боя, с целью вырваться из окружения. Я в них участвовал как солдат-пехотинец. От нашей роты остался один взвод, который поставили сопровождать обоз с ранеными и боеприпасами.

Обоз был немцами обнаружен. Командование покинуло обоз. Нам было предложено маленькими группами по 5–10 человек пробираться вперёд. Но, вскоре мы были обнаружены эстонскими добровольцами и пленены, переданы немецкому командованию. Это произошло около г. Тарту. Из Тарту мы были отправлены этапом в город Викланды. Я был во многих лагерях: Викланды, Тарту, Ванки, Риги и в конце войны в Западной Германии в шахтах около города Ганновер в местечке Бекендорф».

В письме к родным от 21 декабря 1945 года он пишет: «В 1941, как вы знаете, был в Эстонии на строительстве укреплений. Здесь мы принимали жестокие бои. Но тогда у немца были превосходящие силы. Он отхватил Эстонию, и я, как и многие другие, оказался в окружении. Попытка прорваться не удалась. Враждебно настроенные тогда к нам эстонцы не давали нигде нам ходу. Я оказался в плену у немцев. Что пришлось пережить у них... Это был сплошной голод и сплошные муки».

Сохранилось много дневниковых записей, посвящённых этому страшному времени. В 1942 году Лемзаков находился в Тарту, в лагере русских военнопленных, размещённом в синагоге, и «мечтал вырваться из лагеря, где кроме голода донимали вши, их было так много». Сохранились записи ещё об одном лагере: «Но такого страшного, как Валка... не было. Если бы не Иван Хитров, я бы, наверное, ... погиб». Осенью Николая Александровича отправили в Ригу в карантинный лагерь, где «условия были страшные... 3 месяца в голове было только одно — есть-есть. Люди умирали от голода».

16 апреля 1945 года Лемзаков был освобождён английскими и американскими войсками под Ганновером, в мае 1945 — передан советским войскам. Впоследствии Николай Александрович вспоминал, как они возвращались пешком на родину в течение 2-х месяцев, пройдя 2 тысячи километров. По пути производилась проверка. В августе в городе Барановичи Н.А. Лемзакову было предложено ехать в Казахстан в Караганду, где он был подвергнут ещё одной проверке, после чего получил паспорт на общих основаниях. В автобиографии он написал: «...я не судим и никаких репрессий не имел».

До октября 1946 года Николай Лемзаков работал художником в клубе шахты № 20 в Караганде. В апреле 1947 года сообщил родным, что хочет выехать, уехал в Кострому, где с октября 1947-го по май 1949-го работал художником Товарищества «Художник». В 1949 году Н.А. Лемзаков приехал в Сыктывкар, где и работал до конца жизни. В 1958 году он был принят в члены Союза художников СССР.

Н.А. Лемзаков не мог забыть этих страшных лет. В 1973 году он побывал в Риге, обошёл лагерные места. Нашёл женщину, которая помогала ему (ей было уже 70 лет), и у которой он оставил наброски, сделанные в лагерях Валки и Риги. Наброски не сохранились. Спустя много лет Н.А. Лемзаков попытался восстановить по памяти многие из них. Теперь они находятся на хранении в Национальном архиве Республики Коми и Национальной галерее Республики Коми. Но это — единичные случаи обращения Николая Александровича к теме войны. В своём творчестве он эту тему не затрагивал: воспоминания были слишком болезненны. Он стал художником-пейзажистом, тонким и вдохновенным лириком.

Затронула война и **Василия Георгиевича Игнатова** (автор статьи — Л.И. Кочерган), известного российского графика, мультипликатора, театрального художника. В 1940 году В.Г. Игнатов, учившийся в то время в Московском художественном училище памяти 1905 года, был призван в армию и на протяжении всего периода Великой Отечественной войны служил в прожекторном полку, входившем в Московский фронт противовоздушной обороны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года художник был удостоен медали «За оборону Москвы». В архиве Национальной галереи Республики Коми хранятся его рукописные воспоминания о военном времени, содержащие и описание первого налёта фашистов на Москву, и отступление фронта противовоздушной обороны на линию Ликань–Дулево, и последнюю попытку немцев уничтожить Кремль.

«Я служил в первом прожекторном полку с 1940 года. 22 июня 1941 года началась война, и сразу же был образован Московский фронт противовоздушной обороны. На расстоянии 60 км от Москвы прожекторные части образовали СПП — световое прожекторное поле (кольцо). За прожекторным световым полем (кольцом) располагались зенитные части. И, наконец, противовоздушная оборона была непосредственно над Москвой. Небольшие прожекторы были установлены прямо на крышах домов. Аэростаты — заграждения, установленные на разных высотах, отпугивали немецкие самолёты от прицельной бомбёжки.

...22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашистские самолёты сделали первый налёт на Москву. Ночь была тихая, низкая облачность

(500 м), немецкие самолёты шли волна за волной. Мы светили, искали их, но мешали облака: всё было светло как днём, а поймать в луч ни одного самолёта не смогли. Горечная была для нас эта ночь. Борьба разгорелась над Москвой: там немецкие самолёты спустились ниже облачности. Пойманые малыми прожекторами, многие из них были сбиты пулемётами и зенитками.

Вначале мы, прожектористы, много кружили вокруг Москвы, не хватало прожекторов. Откуда ожидали налёта, туда и устанавливали прожекторы. Летали обычно бомбить Москву ночью двухмоторные немецкие самолёты «Юнкерс – 88». Мы их научились ловить.

Из Прожекторного полка были сделаны 2 прожекторные дивизии, и мы уже не нуждались в разъездах, сели на прочные позиции, окопались. Днём занимались учёбой, ночью ловили фашистские самолёты. Прожекторная дивизия также состояла из полков, батальонов, рот, взводов и прожекторных станций. В прожекторный взвод входили станция — «искатель», звукоулавливатель, синхронно связанный с зенитным прожектором (высота 2 м 30 см, зеркало 1,5 м, луч до 12 км), и станция — «сопроводитель», этот прожектор сопровождал уже пойманный в луч самолёт. «Сопроводитель» водил в луче немецкие самолёты по всему световому полю, пока их не сбивали, или им удавалось, сбросив бомбы, удрать восвояси.

Прожекторный луч страшен лётчику тем, что пойманный в луч самолёт лётчика ослепляет, и он не видит приборы, теряет ориентировку. Потом мы научились ловить немецкие самолёты одним прожектором — «сопроводителем».

Когда немцы совсем приблизились к Москве и начали бить из миномётов по нашим прожекторным станциям, командование решило отвести прожекторные части за Москву (Ликань–Дулево). Сталин сказал, что прожектористы — столичные войска и будут защищать Москву. Нас стали готовить к уличным боям. Только когда отогнали немцев из-под Москвы в начале 1942 года, мы опять заняли боевые позиции и так оставались до конца войны.

В 1943 году немцы ещё пытались делать налёты из Фау-1, Фау-2. Нам дали крупнокалиберные пулемёты — они низко летали. Но у них ничего не вышло. Советская армия быстро гнала на Запад фашистские войска. Ещё одна попытка уничтожить Кремль была в 1944 году. Днём «Ю-88» прокрался на большой высоте и сбросил торпеду на Кремль, но не попал, а разрушил целый квартал около Серпуховской площади.

Как известно, Москва была мало разрушена, благодаря хорошей службе прожектористов, зенитчиков, аэростатчиков, пулемётчиков иочных истребителей».

В альбоме представлено творчество скульпторов Владислава Никаноровича Мамченко и Юрия Григорьевича Борисова (автор статей — О.В. Орлова), переживших в детские годы блокаду Ленинграда. Получив образование в городе на Неве, они приехали в Республику Коми, связав свою судьбу с Севером.

В.Н. Мамченко и Ю.Г. Борисов известны, прежде всего, мемориалом «Вечная Слава воинам-сыктывкарцам, погившим в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.», установленный в 1984 году на месте, откуда сыктывкарцы уходили на фронт. Они вместе начинали работу над памятником, а заканчивал его, после ранней смерти Ю.Г. Борисова, один В.Н. Мамченко. За эту работу скульпторы, в составе творческой группы, были удостоены Государственной премии Коми АССР.

Митюшёв П.М. 22 июня 1941 года. 1983. Из собрания Музея истории и культуры Сысольского района.

Ермолин Р.Н. 22 июня 1941 года. 1971. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Семячков П.И. Бой окончен. К., масло. Собственность семьи художника.

Игнатов В.Г. На позицию. 1977. К., гуашь. Из собрания краеведческого музея Усть-Усинской средней общеобразовательной школы.

Игнатов В.Г. Подвиг В.П. Кислякова. 1985. К., темпера. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Семячков П.И. Лыжно-оленный батальон. К., масло. Собственность семьи художника.

Семячков П.И. Подвозка снарядов. К., масло. Собственность семьи художника.

Митюшёв П.М. Строительство Печорской железной дороги. 1948. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Добряков С.А. Прощание. Из серии «Нормандия – Неман». 1968. Бумага, уголь, акварель. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Кудяшев Г.В. Зарисовки. Бум., карандаш. Собственность семьи художника.

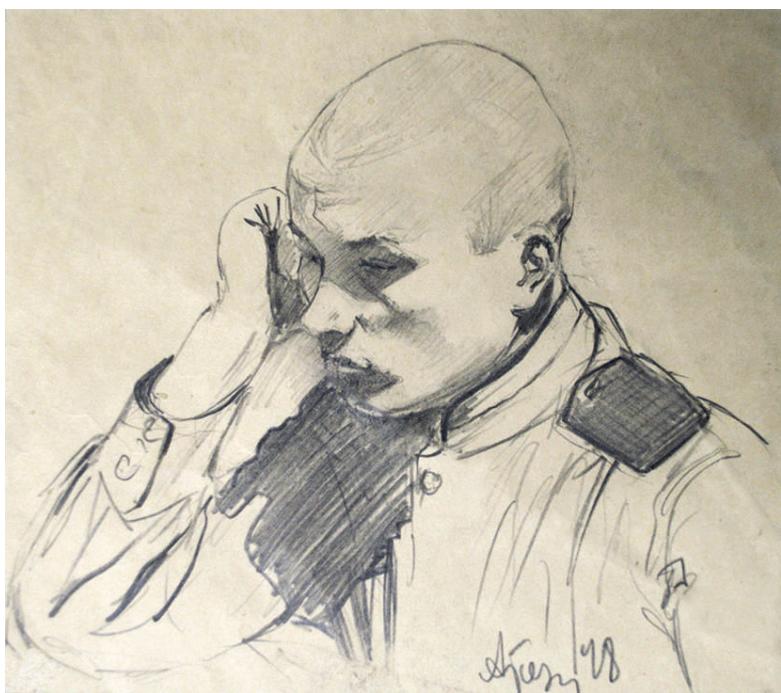

Безумов А.Н. Портрет товарища. 1946. Бум., карандаш. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Безумов А.Н. Солдат Гайдуков. 1948. Бум., карандаш. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Кудяшев Г.В. Зарисовки. Бум., карандаш. Собственность семьи художника.

Безумов А.Н. Солдат Головко. 1948. бумага, карандаш. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

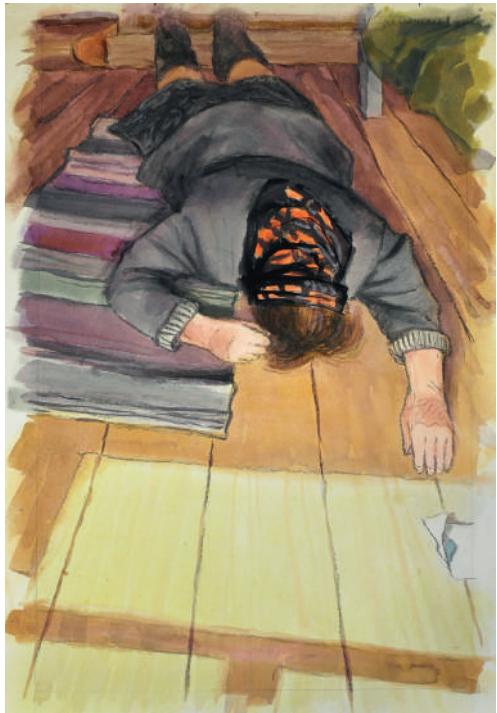

Лемзаков Н.А. Концлагерь. Наброски. Бум., фломастер, карандаш.
Из архива Национальной галереи Республики Коми.

Старший сержант-пехотинец
Иван Михайлович Тимушев
из села Дон.
©Холопов 76

Холопов С.А. Портрет И.М. Тимушева из с. Дон. 1976. Бум., тушь, перо.
Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Холопов С.А. Похоронная. 1976. Бум., акварель. Собственность семьи художника.

Кокачев В.В. Вдова солдата (Труженица тыла). 1973. Х., масло. Из фондов Школы художественных ремесел Сыктывдинского района.

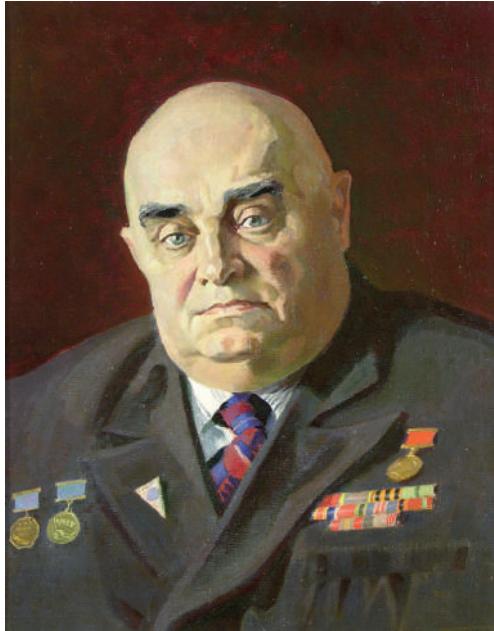
Старовойтov Г.С. Трудовые резервы. Возвращение в блокадный Ленинград. 1943 год. 1992. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Кудяшев Г.В. Ветераны вспоминают. Эскиз к картине. К., темпера. Собственность семьи художника.

Старовойтов Г.С. Праздник 9 мая в Сыктывкаре. 1991. Х., масло. Собственность семьи художника.

Безумов А.Н. Портрет Н.Н. Массальского. 1979. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Ермолин Р.Н. Портрет М.П. Безносиковой. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Куранов В.Н. Портрет Н.В. Сухарева. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Добряков С.А. Портрет М.М. Паршукова. 1975. ДВП, темпера. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Лемзаков Н.А. Портрет Д.Н. Яковлева. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Ермолин Р.Н. Портрет С.Ф. Панева. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

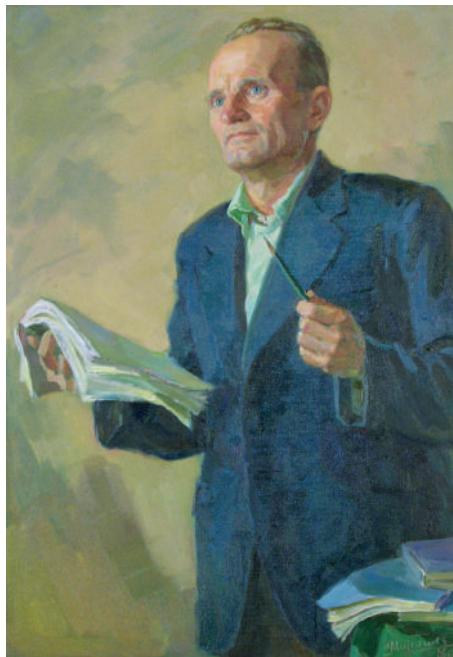
Ермолин Р.Н. Портрет К.М. Чупрова. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Старовойтов Г.С. Портрет А.Г. Андросовой. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Ермолин Р.Н. Ветеран с Печоры. Портрет Д.И. Тенькова. 1968. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Митюшёв П.М. Портрет коми поэта С. Попова. 1957. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Кудяшев Г.В. Портрет А.И. Казаринова. 1975. Х., масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Семячков П.И. Встреча фронтовиков. К., масло. Собственность семьи художника.

Ермолин Р.Н. *Никто не забыт.* 1984. Холст, масло. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

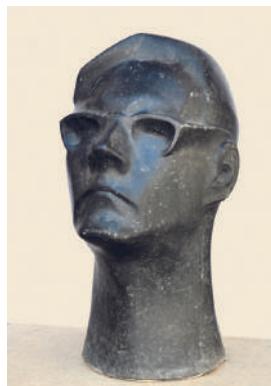

Борисов Ю.Г. Портрет С.М. Черепанова. 1967. Чугун. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Мамченко В.Н. Ленинградская симфония. Дмитрий Шостакович. 1967. Гранит. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Мамченко В.Н. Дороги войны. А.Н. Твардовский и В. Тёркин. 1980. Гипс, тонировка. Из собрания Национальной галереи Республики Коми.

Ю.Г. Борисов и В.Н. Мамченко. 1970-е.

обстрела чудом остался жив: неразорвавшийся снаряд попал в кушетку, где незадолго до этого лежал Владислав. Был прооперирован стареньkim профессором, вернувшим ему зрение. По октябрь 1942 года находился в блокадном Ленинграде до эвакуации семьи в Омскую область, где окончил неполную среднюю школу. В 1944 году Владислав Никанорович возвратился в Ленинградскую область в посёлок Райволо, где работал массовиком в Доме культуры по сентябрь 1945 года.

В 1967 году В.Н. Мамченко создал одну из лучших своих скульптур: портрет Дмитрия Шостаковича «Ленинградская симфония». Он вспоминал: «Когда была эта симфония написана, она называлась «Ленинградская симфония». Я был в то время в госпитале. Был довольно тяжело ранен. И вот слушал радио, в его, Д. Шостаковича, исполнении...».

Вспоминал своё военное детство и **Геннадий Семёнович Старовойтов** (автор статьи — Е.Ю. Шуктромова). С октября 1943 по январь 1944 года Г.С. Старовойтов жил и работал в блокадном Ленинграде. В начале блокады эвакуировали на Урал завод, где работала его мать. Отец остался в Ленинграде, пережил блокаду, работая на кораблестроительном заводе. Геннадий и его младший брат Юрий (1938 года рождения) в составе детского дома были эвакуированы в Вятку. По достижении Геннадием 14-ти лет группу детей-детдомовцев мобилизовали в качестве трудовых резервов и отправили в Ленинград по «Дороге жизни». В Ленинграде Старовойтов учился в ремесленных училищах № 14 (по обучению слесарей-инструментальщиков и токарей) и № 18, работал на военном заводе.

Родители В.Н. Мамченко были репрессированы ещё до войны. В мае 1941 года двенадцатилетний Владислав приехал к освободившейся из тюрьмы матери в Ленинград. Он поступил в ремесленное училище, где преподавал супруг его сестры Марии. Вместе с обучением, точил детали для фронта. Во время бомбёжки складов на Ржевке в апреле 1942 года был ранен в лицо. Пролежал месяц в военном госпитале на Моховой. Во время

Геннадий Семёнович оставил дневниковые записи, в которых вспоминает об этом, самом тяжёлом, периоде своей жизни: «Вспоминаю последнюю блокадную зиму 1943–1944 гг. Перед самым приездом из эвакуации снаряд дальновидной артиллерии разворотил половину двухэтажного здания (общежития ремесленного училища). Муторно было четырнадцатилетним пацанам по ночам, особенно, если артобстрел с финской стороны шёл по нашему району. Слышно было сначала выстрел — глухой щелчок, а потом нарастающий вой снаряда, взрыв и, если близко, то грохот осколков по крышам.

Праздниками были культпоходы в кино. В кинотеатре «Олимпия» смотрели только что вышедший на экраны города фильм «Два бойца». Во время сеанса начался артобстрел. Всех зрителей, да и киномеханика как ветром сдуло. В зале пусто, полно дыма, пороховой гари, а фильм идёт... Время отодвигает годы Великой Отечественной, но они в сердце, пока живу».

Непосредственные воспоминания о войне послужили толчком к созданию автобиографической картины «Трудовые резервы. Возвращение в блокадный Ленинград. 1943 год» (2001). Это — картина о детях, до срока ставших трагически взрослыми, в полной мере испытавших чувство тяжёлой ответственности за судьбу родного города, своей страны. Навсегда остались в памяти художника кольцо ещё не прорванной блокады, голод, бомбёжки. Железнную дорогу, по которой шёл в блокадный город их железнодорожный состав, бомбили; поезда пробирались по узкому, уже отвоёванному у фашистов коридору...

Необычна судьба самодеятельного художника **Николая Осиповича Полина** (автор статьи — И.А. Бастрев). Он был мобилизован в 1939 году. Военную

службу он проходил в 12-й стрелковой дивизии 54-го полка, 1006-м и 206-м стрелковых полках. Первоначально Николай Осипович был отправлен на Дальний Восток в Благовещенскую школу младших командиров, которую через полгода закончил в звании младшего сержанта и был назначен командиром стрелкового отделения пехотной части. С началом войны Полин подал три рапорта на имя командира, чтобы быстрее попасть на фронт. Третий рапорт,

Н.О. Полин у своих работ.

который пришёлся на 1943-й год, совпал по времени с поступившим в часть приказом о формировании маршевой роты для Западного фронта, и Н.О. Полин был зачислен на должность старшины этой роты.

Известны три случая, когда Полин был на волоске от смерти. Один раз, переплыvая реку на лодке, он напоролся на мину. Раненый Николай Осипович был отправлен в госпиталь, где ему пришлось пробыть два месяца, а затем его отправили на курсы офицерского состава. Отучившись шесть месяцев, он вышел

в должности командира стрелкового взвода, с которым в дальнейшем освобождал Молдавию, Румынию, Венгрию, участвовал в штурме Будапешта.

С Венгрией связан самый тяжёлый эпизод из военной биографии Полина. В ожесточённом бою за село Пилашсанто из тридцати бойцов в живых остались только восемь. Сам Николай Осипович получил мощное ранение от разорвавшегося снаряда и потерял сознание. Состояние было настолько тяжёлое, что подобравшие его с поля боя солдаты, узнав по документам его имя и фамилию, сообщили командованию о гибели бойца. По счастливой случайности санитары, нёсшие к братской могиле Полина, увидели в нём признаки жизни.

После ранения Николай Осипович перенёс шесть операций, проведя 16 месяцев в госпитале. За три месяца до дня победы родственники получили на него похоронку. Когда Полин, немного окрепнув, смог написать домой письмо, то мать не поверила в то, что это письмо её сына.

Несмотря на то, что смерть упорно преследовала Полина на фронте, он прожил долгую послевоенную жизнь. Информация о том, что он погиб на фронте, существует и в настоящее время. Так, имя Николая Осиповича высечено на памятной плите мемориального комплекса в Сыктывкаре, внесено в список на табличке братской могилы воинов, павших у села Пилашсанто в Венгрии, обозначено «погибшим в бою» на сайте «Мемориала», посвящённому поиску информации о бойцах Великой Отечественной войны.

После войны Н.О. Полин устроился работать в ремесленное училище № 6 воспитателем. При училище он организовал поисковый отряд «Ласточка», и музей боевой и трудовой славы. Благодаря деятельности «Ласточки», в список погибших на фронтах Великой Отечественной войны, который увековечен в съктывкарском мемориале «Вечная слава», была включена ещё 41 фамилия. При этом Полин продолжал заниматься творчеством, интерес к которому проявился у него ещё в детстве. Он занялся резьбой по дереву, писал стихи, участвовал в художественной самодеятельности, пробовал себя в живописи.

Непростая задача стояла перед автором статьи о **Реме Николаевиче Ермолине** (О.К. Панкрушева). Библиография известного коми живописца, народного художника РСФСР включает десятки публикаций, в которых дан анализ большинства его произведений, а тема Великой Отечественной войны — одна из ключевых в его творчестве. Здесь автору важно было выйти на тот материал, который бы позволил по-иному взглянуть на жизнь и творческую биографию

художника. Огромную помощь в этом оказали письма Рема Николаевича родным, написанные во время прохождения военной службы. Несколько лет назад они были переданы В.Р. Ермолиным в архив Национальной галереи Республики Коми.

Семнадцатилетним юношем Рем Ермолин был мобилизован в армию. Военную присягу принял 12 февраля 1943 года в 33-м запасном стрелковом полку, который базировался в Архангельске. С октября 1943 по сентябрь 1944 года был курсантом пулемётного отделения, с сентября 1944 по сентябрь 1945 года — командиром отделения пулемётчиков. Службу закончил в декабре 1945 года в звании младшего сержанта, командиром отделения хозяйственного обслуживания 104-го Военно-строительного полка, который восстанавливал разрушенный комбинат в посёлке Петсамо Мурманской области.

В архиве НГРК находится двадцать писем художника, написанных с 1943 по 1945 год. Они адресованы матери, отцу и младшему брату Вове, проживающим тогда в селе Визинга Сысольского района. Сложенными треугольником, написанные на бумаге плохого качества: обёрточной для посылок, листке из блокнота, обратной стороне обложки книги или бланка, — они описывают довольно рутинную солдатскую жизнь. Рем Николаевич рассказывает о том, что «сегодня стоял в карауле», «был дневальным», обучали вновь прибывшее пополнение солдат, занимались ремонтными работами.

Письма написаны карандашом или чернилами, округлым каллиграфическим почерком, с лёгким наклоном влево, некоторые проиллюстрированы. На одном — поясное изображение фигуры солдата и рядом — расстёгнутая гимнастёрка (от 16 марта 1944 года), на другом — рассказ о том, что простоял на посту с одной лычкой, «ефрейтором», здесь же изображение солдата с одним погоном и ствол пулемёта системы «Максим». Есть и упоминание о том, что один раз «занимался «художеством, оформлял кое-чего». В зрелом возрасте почерк живописца изменился, стал более «графичным», размашистым и уверенным, буквы плохо прочитывались. Интересно, что все военные письма написаны исключительно грамотно, практически без орфографических и пунктуационных ошибок, налицо также безусловный литературный слог.

Хотя с фронта всё больше приходило радостных вестей о продвижении войск Советской Армии на запад, об освобождённых территориях, о победах, молодой солдат постоянно находился в ожидании отправки на фронт: «Сейчас находимся на сержантских сборах, подготавливаемся быть командирами отделений. Учимся по 10 часов в сутки, да ещё самоподготовка. Весь состав уже отправили на фронт, остались одни сержанты и будущие сержанты. Звание ещё не присвоили, носим по одной лычке». Судьба была благосклонна к будущему художнику, берегая его от участия в боевых действиях, как бы сохраняя его для совершенно иной жизненной задачи, — он так и не попал на фронт, хотя мысленно постоянно к этому был готов.

Каждое письмо солдата проникнуто любовью и заботой о близких, особенно о матери, тоской по родному дому: «Как письмо получаю, так и на душе веселей становится...», «Очень беспокоюсь, как у вас с питанием?», «А ты, мама, всё бегаешь, не сидится на месте... ты себя побереги, не очень-то много в тебе силы так работать...».

В конце писем — обязательное «обнимаю и крепко целую». Сам юноша не был оставлен без внимания родными: регулярно получал письма и переводы от родителей, реже от брата, от Насти и Груни (тётки художника — Анастасия Ивановна и Аграфена Ивановна Куликовы). Однажды к нему в часть приезжала мать. «Жаль, что мама мало побывала тут. Побыла и, кажется, будто дома сам побывал. Целую неделю жил, что надо».

С темой Великой Отечественной войны связан и первый творческий успех **Виктора Васильевича Кокачева** (автор статьи — Л.И. Кочерган). Художник

родился в 1925 году в Ярославле, по линии отца он из семьи потомственных кузнецов, мать родом с Павловского Посада — центра ткацкой промышленности, прославившегося изготовлением платков и шалей с ярким набивным орнаментом. Возможно, что именно от неё он унаследовал чувство цвета, позволившее ему впоследствии столь виртуозно работать акварелью.

По воспоминаниям В.В. Кокачева, интерес к рисованию у него проявился ещё в школе, он был одним из двух ребят в классе, у кого получались схожие с реальностью изображения. Возможность дальнейшего обучения была связана с ФЗУ — фабрично-заводским училищем, которое существовало при комбинате «Красный Перекоп». Когда началась война, будущий художник уже работал на «Красном Перекопе» пряильщиком. Виталий Васильевич и сейчас хорошо помнит 1941 год: постоянные бомбёжки города, которые чаще всего начинались в 4 утра, развёрнутые в школах госпитали, школьные агитбригады, выступающие перед ранеными... В январе 1943 года он был

мобилизован, пройдя двухмесячную подготовку, отправлен на фронт, и в первые же дни тяжело ранен. Госпиталь, возвращение домой, инвалидность, — война забрала у него возможность ходить по земле на двух ногах.

По возвращении он поступил в школу рабочей молодёжи, нужно было определяться с работой, профессией, здесь были свои трудности — по существовавшим тогда нормам предприятие обязано было взять на работу среди всего состава только двух человек, имевших инвалидность. В школе рабочей молодёжи подрабатывал преподаватель художественного училища, он и посоветовал Виталию Кокачеву связать своё будущее с изобразительным искусством.

После окончания Ярославского художественно-педагогического училища В.В. Кокачеву предложили работать в народных промыслах: требовались специалисты на ростовскую финифть, гжельскую керамику, но ему хотелось работать творчески. Первоначально уехал на Стalingрадскую ГЭС, в г. Волжский, но там удалось устроиться только мальром-альфрейщиком 7-го разряда. Тогда художник вновь поехал в Москву, добиваться распределения на более творческую работу, и когда получил ответ, что есть возможность отправить его в Сыктывкар,

на север, где профессиональное изобразительное искусство только ещё начинало развиваться, он с радостью согласился. Так в 1958 году В.В. Кокачев, вместе с женой и двумя детьми, оказался в городе, в котором осел на долгие годы. Не таким простым получился приём местных художников: повтор дипломной работы «Сталевары», представленной на заседании Художественного совета, вызвал больше критических отзывов, сводящихся в конечном итоге к тому, что творческой манере художника присущ «импрессионизм», который в те годы считался несовместимым с канонами соцреализма. Участие во Всесоюзной выставке «На страже мира» с картиной «В госпитале» заставило художника поверить в свои силы, а к теме Великой Отечественной войны в своих произведениях он вернётся ещё не раз.

От первой работы В.В. Кокачева, показанной в Сыктывкаре в 1959 году, до последних, включённых в вернисажи 2000-х – 2010-х годов, прошло более полувека. Первый критический отзыв о нереалистичности изображённых фиолетовых фартуков на сталеварах, а также обвинения в импрессионизме и авангардизме ушли в историю, предоставив место прочувствованным строкам искусствоведов об удивительном чувстве цвета, которым обладает художник. Творчество художника получило общественное и государственное признание: в 1996 году В.В. Кокачев был удостоен звания Заслуженного работника Республики Коми, в 2005 году ему присвоено звание Народного художника Республики Коми.

Возможности печатного издания ограничили количество включённых в иллюстративный ряд художественных произведений. Среди критериев отбора можно выделить собственно художественную ценность работ, отражение в них темы Великой Отечественной войны, документальную значимость рисунков, созданных в годы войны. В некоторых случаях авторы оставили за собой право показа произведений, не подходящих под заявленные критерии, но дающих представление о творческом почерке художника и темах, разрабатываемых им в изобразительном искусстве. Художники-фронтовики, как правило, не так часто обращались к пережитому в годы Великой Отечественной войны, но зато каждое из созданных ими произведений наполнено такой проникновенностью, чувственностью и искренностью, которые не могут оставить кого-либо равнодушным.

Обзоры. Новости

* * *

27 февраля в залах Национальной галереи Республики Коми открылась выставка «10 лет! 16 часов 4 минуты», посвящённая 10-летию образования кафедры декоративно-прикладного искусства факультета искусств Сыктывкарского государственного университета. Кафедра декоративно-прикладного искусства организована в 2005. Заведует кафедрой кандидат педагогических наук, народный мастер России, Ирина Вениаминовна Земцова.

Задача кафедры — поддержка традиций художественных народных ремёсел и промыслов, изучение технологии и художественных средств различных народных ремёсел (художественная роспись по дереву (И.В. Земцова), ткачество (член Союза художников Российской Федерации А.Р. Разманова), трикотаж (кандидат искусствоведения Н.Г. Гагиева), керамика (член Союза художников Российской Федерации В.А. Дурнев). Все эти направления были представлены на выставке. Зрители увидели лучшие дипломные работы выпускников кафедры, а также их преподавателей. Большинство выпускников работают в педагогической сфере, давая знания и прививая уважение к традиционному искусству (Центр ремёсел «Зарань»), как художники-прикладники в музеях республики, около десяти человек учатся в аспирантуре. Выпускники живут и работают в Санкт-Петербурге, Москве, Новосибирске, в Эстонии, Германии, Израиле, Украине. Преподаватели кафедры являются признанными специалистами в области культуры республики, избраны в состав различных художественно-экспертных советов Республики Коми (И.В. Земцова, А.Р. Разманова), участвуют в международных и региональных выставках и пленэрах. Налажены крепкие дружественные связи с вузами и музеями Удмуртии, Москвы, С-Петербурга, с художниками Европы. Например, активная совместная деятельность осуществляется с представителями искусства и образования стран, входящих в ACAD: с Норвегией, Финляндией, Исландией. Проводятся совместные пленэры, научные мероприятия (международные и межрегиональные конференции, выставки, мастер-классы, культурные проекты в области организации средового пространства («Клюква» и др.). Наиболее активные творческие отношения связывают кафедру с американо-норвежским художником и дизайнером, профессором Скотт Тоз. В основу обучения на кафедре положен принцип взаимодействия изобразительного искусства с практической деятельностью.

Единое экспозиционное пространство условно было разделено на четыре «мастерские»: роспись и реставрация, текстиль, керамика, трикотаж. Выставка продемонстрировала сформированную стилистику, сложившиеся направления (текстиль, керамика): узорное машинное вязание, гололен, вышивка, керамика, интерьерные куклы в объёмно-пространственных декоративных формах, в предметах мебели, получивших «новую жизнь», скульптурно-керамических и текстильных композициях, реставрации прялок и икон. Последнее возникло и

развивается благодаря И.В. Земцовой, являющейся хранительницей и собирательницей коллекции, которая пополняет знания по культурно-историческому наследию.

Во время выставки состоялась серия мастер-классов, где преподаватели кафедры поделятся секретами мастерства.

Помимо базовых знаний авторами представлены попытки собственных изысканий и воплощений, осознанная работа по созданию образных авторских композиций. «Прочтения» традиционных тем являются абсолютно логичными, исходя из концепции культуры постмодерна: монументально-декоративное панно «Песнь валькирии» (Ольга Огнёва). Сухой архаичный стиль, основанный на представлении и знании автором средневековой скандинавской культуры, прекрасно использован в решении образа девы-воительницы. Автором в полной мере и оправданно выдержан сложный технологический процесс (плетение ройку, кос, макраме и др.).

В большинстве дипломных работ виден диалог культур в «Большом времени культуры», высокий уровень эстетического воплощения идеи, творческое мышление авторов (М. Терентьева и Е. Лыткина «Женщины серебряного века»; И. Лапшина «Легенда о Яуре и Райде». Горячий батик).

В панно М. Костыговой «Даждьбог» ярко проявилась современная тенденция развития декоративно-прикладного искусства, его характерные особенности. Автором в полной мере и оправданно выдержан сложный технологический процесс — войлоковаляние. Не менее важным в работе является «одушевление» самого материала. Войлок придаёт работе архаичные смыслы. Смешение приёмов плетения, отдельные орнаментальные решения применены осмысленно. Автор использовала особый мифологический язык искусства, символический метод передачи жизни человека и природы, единство и гармонию с миром.

Коллекционная игрушка является одним из эффективных средств, противостоящих наиболее агрессивным формам современной массовой культуры, «сувениризации», унификации. Кукла рассматривается как «произведение искусства с

«художественным текстом», несущим информацию, с высоким художественным миром (Юрий Лотман). На выставке представлены два проекта: А. Боринцева «В глазах её сиянье Севера» и коллекция авторских кукол (по мотивам образов птиц славянской мифологии) «Птицы радости и печали» Валентины Журиной.

Создавая образы фантастических крылатых женщин-птиц, предвещающих своим пением радость (Сирин), печаль и смерть (Алконост), будущее (Гамаюн), художник реалистически выписала женские лица, выраждающие вполне реальные

чувства радости и печали, соединив их с фантастическими туловищами с орнаментально решённым оперением, стилистически напоминающим роскошные наряды-одежды современных модниц. С большой любовью и тщательностью сделана каждая деталь, мельчайшие элементы декора (нарядная отделка одежды, корона и т.д.). Резко выраженный контраст реального и условного с орнаментально-стилизованным решением

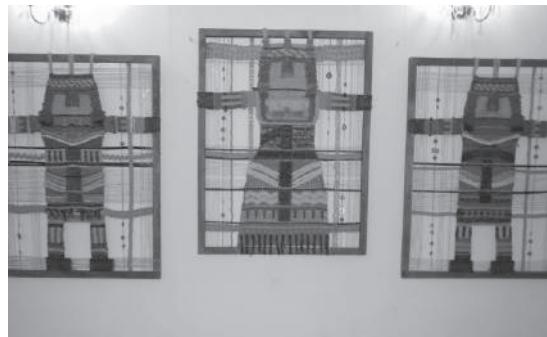
образов в целом отвечает современным исканиям. «Фантастичность содержания» работ, тонкая поэтичность даёт возможность отрешиться от грубой прозы жизни. Автор смогла скрестить в кукольной коллекции — птиц-дев — ассоциацию со сказкой и образ неживого мира. Экзистенциональные переживания зрителя провоцируют его на создание новой реальности («второго мира», «мира детства»), в которой он, играя, удваивает свою жизнь, эмоционально, этически, познавательно.

Керамические работы (Юдина Т.В. «Город N»; Торлопова А.С. «Хранители леса»; Котиков М. «Шум прибоя». Набор музыкальных инструментов; Умпелев М. «Среда») выполнены с пониманием специфики глазурной росписи,

графического мастерства, владения формотворчеством.

Николай Рерих требовал называть представителей декоративно-прикладного искусства не просто «украшателями обихода», а «художниками жизни». Он провидчески считал — прикладному искусству уготовано большое будущее. Особенно ныне, когда в контексте глобализационных процессов намечается контур нового типа культуры.

Ольга Орлова, куратор-экспозиционер выставки.

«Зимняя Ыбица» — мифы и реальность Республики Коми

Легенда о коми-охотнике Йиркапе получила неожиданную поддержку и развитие, благодаря уже известному уже далеко за пределами республики событию — фестивалю «Ыбица». Предание легло в основу обновлённого бренда всего проекта, и было вновь презентовано широкой публике на состоявшемся в Коми в конце марта спортивном фестивале «Зимняя Ыбица».

По замыслу авторов обновлённой концепции «Ыбицы» Йиркап — сказочный охотник и обладатель волшебной лыжи, является в то же время и первым в мире лыжником. Доказательством этой теории может служить фрагмент древней лыжи, найденной в Синдорском болоте, где по легенде и погиб её предполагаемый обладатель. Артефакт датируется VI тыс. до н.э. и сохранился, благодаря консервации в толще торфяника. Изделие древнего искусства уникально в своём роде, прямых аналогий ему на сегодняшний день не известно. Сейчас экспонат коми культуры возрастом 8 тысяч лет, отреставрированный в Эрмитаже, демонстрируется в Национальном музее региона.

Совокупность легенд, истории, мифологии и археологии Коми создатели проекта «Ыбица» намерены использовать для продвижения Республики Коми как родины первых в мире лыж. И «Зимняя Ыбица» стала первым шагом в этом направлении.

Сама легенда о Йиркапе была использована в первую очередь в визуализации проекта, ключевые моменты сюжета предания были изображены художником Юрием Лисовским в буквах «Ыбица» — по одному на каждую букву. В ходе проведения спортивного фестиваля легенда стала сквозной нитью, объединившей разноплановые площадки события.

Спортивный фестиваль «Зимняя Ыбица» состоялся 28 марта в Финно-угорском этнопарке, его участниками и зрителями стали более 5 тысяч человек. В рамках программы фестиваля состоялись открытый показ спектакля театра Сыктывкарского государственного университета «Радость моя», благотворительный аукцион в пользу «особых» актёров этого театра, парад спортивных школ Коми.

Под слоганом «Ыбица без барьеров» команда проекта взяла курс на создание безбарьерной среды. А театр «Радость моя» выступил в качестве помощника в этом новом опыте, проведя открытый показ спектакля «Как хорошо, что мы вместе». Как итог — впечатлённые зрители, затаив дыхание наблюдавшие за действием на сцене, и впечатлённые артисты, для которых каждый выход на публику является своего рода экзаменом на смелость. В рамках «Зимней Ыбицы» также состоялся благотворительный аукцион в пользу артистов театра. Всего в ходе аукциона было выручено 74100 рублей.

Собранная сумма сложилась из продажи девяти лотов — личных вещей звёздных гостей «Зимней Ыбицы». Свои личные вещи привезли на «Зимнюю Ыбицу» автогонщик, участник ралли «Дакар» Антон Мельников, Кирилл Набутов, Александр Зубков и Алексей Воевода. Алексей Воевода передал на аукцион олимпийскую футбольку, Кирилл Набутов сначала выставил шапочку, в которой нёс огонь Олимпийской эстафеты, а затем снял с себя куртку, в которой комментировал и

открытие, и закрытие Олимпийских игр в Сочи. Тему олимпийской одежды продолжил Александр Зубков. На «Зимнюю Йбицу» он привёз комплект одежды, спитой на заказ для российской сборной. Именно в этом комплекте олимпийский чемпион нёс российский флаг на открытии Игр в Сочи. Лот стал кульминацией аукциона, его удалось продать за 50 тысяч рублей. В настоящее время спортивная экипировка передана на хранение в Зал спортивной славы Коми.

«Зимняя Йбица» — спортивный праздник. Поэтому событие не обошлось без демонстрации спортивного потенциала республики — Парада спорта Коми. Показать себя перед зрителями фестиваля вышли воспитанники 11 спортивных школ республики, возглавили парад знаменосец российской олимпийской сборной России в Сочи Александр Зубков и мастер спорта международного класса по пулевой стрельбе из Республики Коми Екатерина Паршукова. Спортивные школы прошли перед камерами и зрителями прямой телевизионной трансляции, для которых «Зимняя Йбица» началась именно с этой картинки.

Наверное, наиболее ярким моментом фестиваля стала лыжная эстафета, во время которой звёзды мирового спорта Александр Зубков и Алексей Воевода встали на лыжи. Комментировал забег «олимпийский голос» России Кирилл Набутов. В эстафете приняли участие четыре команды по четыре человека. Капитанами лыжных сборных «Зимней Йбицы» стали олимпийские чемпионы, Екатерина Паршукова и победительница турнира по сдаче ГТО на лыжах, который ранее состоялся на той же лыжне, студентка СГУ Анжела Макарова. В основном составе бежали лыжники-биатлонисты, воспитанники Сыктывкарской школы олимпийского резерва по биатлону. Забег на лыжах стал серьёзным испытанием для олимпийских чемпионов, в результате команды под их предводительством заняли два последних места. Тем не менее, впечатления от эстафеты у участников забега остались самые яркие.

— У нас самая спортивная республика, у нас — родина первых лыж. Республика Коми приглашает в гости всех на нашу «Йбицу». Зимний праздник в хорошей компании, в хорошую погоду — что может быть лучше, чтобы достойно провести выходные. Наслаждайтесь праздником и «Зимней Йбицей», — обратился к зрителям фестиваля глава Коми Вячеслав Гайзер.

«Зимняя Йбица-2015» — это восьмой проект, который был проведён в рамках бренда «Йбица». Четыре летних и четыре зимних сезона уже вошли в культурно-спортивную новейшую историю Республики Коми, и с каждым годом внимание к событию только растёт. Летом этого года проект «Йбица» отпразднует свой первый юбилей — 5 лет с момента проведения первого мультифестиваля «Йбица» в 2011 году.

Уже после завершения всех мероприятий «Зимней Йбицы» — передачи собранных во время благотворительного аукциона в пользу театра «Радость моя» средств и передачи на хранение в Зал спортивной славы Коми олимпийской экипировки Александра Зубкова, организаторы проекта приступили к реализации самой глобальной, хоть и не такой заметной части своего замысла. В сознании всех, кто причастен к лыжному спорту и событийному туризму, теперь должна укрепиться мысль о том, что именно Коми является родиной первых в мире лыж, что древнейшая из найденных на планете лыж хранится именно в нашей республике, и что легенды и сказания Коми национального эпоса вполне могут быть реальностью.

А. Савеня

Утверждён протоколом
наблюдательного совета
от "06" мая 2015 г. № 2/2015

ОТЧЁТ
об использовании имущества, закреплённого за автономным учреждением
Республики Коми «Редакция журнала «Арт»
за 2014 год

№	Наименование показателя	Еди-ница изме-рения	На нача-ло отчёт-ного пе-риода	На ко-нец от-чётного периода
1	Общая балансовая стоимость имущества автономного учреждения, <i>в том числе:</i>	тыс. руб.	529,0	529,0
1.1	балансовая стоимость закреплённого за автономным учреждением имущества, всего <i>в том числе:</i>	тыс. руб.	529,0	529,0
1.1.1	недвижимое имущество	тыс. руб.	221,6	221,6
1.1.2	особо ценное движимое имущество	тыс. руб.	88,5	88,5
1.1.3	иное движимое имущество	тыс. руб.	218,9	218,9
2	Количество объектов недвижимого имущества, закреплённых за автономным учреждением, всего <i>в том числе:</i>	ед.	2	2
2.1	здания	ед.		
2.2	строения	ед.		
2.3	помещения	ед.	2	2
3	Общая площадь объектов недвижимого имущества, закреплённая за автономным учреждением, <i>в том числе:</i>	кв.м	35,3	35,3

3.1	площадь недвижимого имущества, переданного в аренду	кв.м		
4	Иные сведения (по решению автономного учреждения)			

Руководитель
автономного учреждения

 подпись Ф.И.О.
06 мая 2015 г.

Главный бухгалтер
автономного учреждения

 подпись Ф.И.О.

06 мая 2015 г.

Утверждён протоколом
наблюдательного совета
от "06" мая 2015 г. № 2/2015

ОТЧЁТ
автономного учреждения Республики Коми «Редакция журнала «Арт»
о деятельности в 2014 году

№ п/п	Наименование показателя деятельности	Едини- ца изме- рения	Отчёт- ный год	Год, предшес- твующий отчёtnому
1	2	3	4	5
1.	Исполнение задания учредителя	%	100	100
2.	Осуществление деятельности, связанной с выполнением работ (оказанием услуг), в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	%	_____	_____
3.	Среднегодовая численность работников учреждения	человек	7	8

4.	Средняя заработка плата работников учреждения	тыс. руб.	19,1	17,6
5.	Объём финансового обеспечения задания учредителя	тыс. руб.	2465,9	2308,4
6.	Объём финансового обеспечения развития учреждения в рамках программ, утверждённых в установленном порядке	тыс. руб.	200,0	500,0
7.	Объём финансового обеспечения деятельности, связанной с выполнением работ или оказанием услуг, в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	тыс. руб.	_____	_____
8.	Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения	тыс. руб.	(106,3)	(76,8)
9.	Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения	единиц	4800	4800
	в т.ч. бесплатными,	единиц	_____	_____
	в т.ч. по видам услуг:			
	частично платными,	единиц	4800	4800
	в т.ч. по видам услуг (работ):			
	освещение социально-значимых проектов		4800	4800
	платными,	единиц		
	в т.ч. по видам услуг (работ):			
	- издание книг			
	- издание компакт-дисков, буклетов			
	- подготовка и проведение выставки			
	- издание компакт-дисков, буклетов			

	<ul style="list-style-type: none"> - подготовка и проведение выставки - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и пр. 			
10.	<p>Средняя стоимость получения платных услуг (работ) для потребителей по видам:</p> <ul style="list-style-type: none"> - издание книг - издание компакт-дисков, буклетов - подготовка и проведение выставки - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и т.п. 	<p>тыс. руб. за экзем- пляр</p> <p>тыс. руб. за единицу</p>		
11.	<p>Средняя стоимость получения частично платных услуг (работ) для потребителей, в т.ч. по видам:</p> <p>освещение социально-значимых проектов</p>	.		
12.	Учредитель учреждения	<p><i>Функции учредителя осуществляют Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям и Агентство Республики Коми по управлению имуществом</i></p>		

13.	Виды деятельности учреждения	- подготовка, выпуск и распространение средства массовой информации и его приложений; - рекламная, информационная, издательская деятельность; - оказание информационных услуг.
14.	Перечень разрешительных документов, на основании которых учреждение осуществляет деятельность (вид, дата выдачи, №, срок действия)	<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г., выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций</i>
15.	Состав наблюдательного совета учреждения (ФИО, должность)	Конаков О.И. – заместитель руководителя Агентства Республики Коми по управлению имуществом; Карабанова М.Г. – консультант Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям; Чистяков А.А. – консультант отдела юридической, кадровой работы и государственного заказа Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям; Габов С.И. – председатель МОД «Коми войтыр»; Лимеров П.Ф. – главный редактор журнала «Арт».

Руководитель
автономного учреждения

Н.М.Новикова
 подпись Ф.И.О.
 "06" мая 2015 г.

Главный бухгалтер
автономного учреждения

Т.В.Леончик
 подпись Ф.И.О.

"06" мая 2015 г.